

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

Волкова Юлия Сергеевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ АКЦЕНТНОСТИ
В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Салимовский В.А.

Пермь 2024

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Развитие концепции функциональных семантико-стилистических категорий в отечественном речеведении.....	10
1.1. Генезис и содержание понятия «функциональная семантико-стилистическая категория»	10
1.2. История изучения ФССК	16
1.3. Исследования категории акцентности	25
1.4. Изучение коммуникативных категорий	33
1.5. Невербальные средства общения, рассматриваемые при изучении ФССК акцентности	35
Выводы по первой главе.....	38
Глава 2. Состав категории акцентности в телевизионных политических ток-шоу (языковые, речевые и невербальные средства).....	40
2.1. Языковые средства акцентности	40
2.1.1. Фонетические средства акцентности	40
2.1.2. Лексические средства акцентности.....	47
2.1.3. Морфологические средства акцентности	49
2.1.4. Синтаксические средства акцентности.....	52
2.2. Речевые средства акцентности	58
2.3. Невербальные средства акцентности.....	65
Выводы по второй главе	102
Глава 3. Полевая структура ФССК акцентности	104
3.1. Ядро ФССК акцентности	105
3.2. Периферия ФССК акцентности	125
3.3. Микрополя ФССК акцентности	142
3.4. Динамический аспект реализации ФССК акцентности	146
3.4.1. Дискурс телевизионных политических ток-шоу как свертхтекст	147

3.4.2. Акцентное выделение основных политико-идеологических смыслов	150
Выводы по третьей главе.....	165
Заключение	167
Список литературы	171

Введение

Понятие функциональной семантико-стилистической категории (ФССК) эксплицировано в функциональной стилистике [Кожина 1987; Очерки 1998; и др.]. Им обозначается тот или иной категориальный признак текста как представителя определенной речевой разновидности, рассматриваемый в аспекте организации реализующих его разноуровневых языковых единиц (например, ФССК диалогичности, оценочности, тональности и др.). В отличие от функционально-семантических категорий [Бондарко 1984; Теория функциональной грамматики 1987; Дунев 1999; и др.], ФССК формируются на основе не грамматических категорий, а коммуникативных заданий, характерных для какой-либо речевой сферы (или нескольких сфер), и обнаруживают не языковую, а речевую системность.

Под акцентностью, являющейся одной из ФССК [Стилистический... 2011], понимается «выделение каких-либо фрагментов высказывания или текста в качестве особо значимых» [Матвеева 2010].

ФССК акцентности в телевизионном политическом дискурсе – это система лингвистических средств, объединенных функционально-семантически и стилистически коммуникативным заданием, заключающимся в выделении говорящим определенных фрагментов своего высказывания (текста) как наиболее значимых и в привлечении к ним внимания адресата.

Объектом анализа являются языковые, речевые и невербальные средства акцентного выделения в дискурсе телевизионных политических ток-шоу.

Предмет исследования – полевая структура лингвистических средств акцентности в качестве ядерных и периферийных, а также их функционирование в процессе развертывания дискурса.

Актуальность работы определяется логикой развития современной функционально-коммуникативной лингвистики, к числу приоритетных областей которой относятся вопросы моделирования системы категорий текста (см. исследования И.Р. Гальперина, Р.А. де Богранда и В. Дресслера, Н.А. Купиной,

Т.В. Матвеевой, Ю.С. Сорокина, З.Я. Тураевой, В.Е. Чернявской и многих других ученых), рассматриваемого в единстве с экстралингвистическими факторами, т.е. как дискурс, а также проблематика дифференциации речевых разновидностей (работы К.А. Долинина, Б.Н. Головина, Е.А. Земской, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, О.А. Крыловой, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика, Д.Н. Шмелева, Н.С. Болотновой, В.В. Дементьева, В.И. Карасика, К.Ф. Седова, К. Гаузенбласа, И. Крауса, Й. Мистрика, Ст. Гайды и др.). При этом в фокусе внимания исследователей оказывается массмедийная речь, основная функция которой состоит в воздействии на общественно-политическое сознание. В последние десятилетия она, как известно, стала основным источником обновления литературной нормы (И.В. Анненкова, Н.С. Валгина, Л.Р. Дускаева, Г.А. Копнина, М.А. Кормилицина, В.Г. Костомаров, О.Б. Сиротинина, Г.Я. Солганик, Э.В. Чепкина и др.). Актуальным является и изучение политических массмедиа (в том числе телевизионных ток-шоу, принадлежащих к числу важнейших средств воздействия политических институтов на общественное мнение, [Михайлова 2016, 2018; Гуленко 2017; и др.]). Активизировались лингвистические исследования информационно-психологических войн [Лингвистика информационно-психологической войны 2019; Копнина, Еремина 2023; и др.].

Акцентное выделение изучалось с позиций коммуникативного синтаксиса и лингвистики текста [Гак 1977; Николаева 1982; Сущинский 1987; Апресян 1995; Скорикова 2018; и др.], лингвистической типологии [Николаева 1982; Хромов 2017], объектом изучения были отдельные акцентирующие средства [Русская грамматика 1980; Павлова, Светозарова 2018; и др.]. В качестве функциональной семантико-стилистической категории научной речи, а затем и других речевых разновидностей акцентное выделение анализировалось Т.Б. Ивановой [1988, 1998], Э.Г. Мхитарьянц [2007], Н.В. Сазоновой [2008], Н. Чжао [2020]. Между тем в медийных текстах, где акцентное выделение, несомненно, играет важную роль, оно не было объектом специального систематизированного изучения.

Цель диссертационного исследования – характеристика ФССК акцентности в дискурсе телевизионных политических ток-шоу.

Задачами работы являются:

1. Анализ генезиса и содержания концепции функциональных семантико-стилистических категорий.
2. Выявление и описание разноуровневых языковых единиц, а также речевых средств, выполняющих в политическом телеэфире функцию акцентного выделения.
3. Выделение и исследование невербальных акцентуаторов (мимических знаков, жестов, поз, паралингвистических средств).
4. Моделирование функционирования указанных лингвистических единиц в дискурсе телевизионных политических ток-шоу в соответствии с полевым принципом.
5. Описание композиционной структуры отдельной передачи политического ток-шоу как сверхтекста.
6. Установление закономерностей реализации ФССК акцентности в процессе развертывания дискуссии политического ток-шоу.

В исследовании использовались **методы** качественно-количественного анализа употребления лингвистических единиц, а также описания композиционной структуры и интерпретации содержания дискурса политических ток-шоу. Под качественным методом понимается определение контекстуально-ситуативной семантики изучаемых лингвистических средств. Количественный анализ состоит в определении частоты их употребления. При описании композиции телепередачи ток-шоу учитываются состав и взаимодействие коммуникантов, последовательность производимых ими сообщений. Интерпретационный анализ предполагает в данном случае определение выражаемых в сообщении политико-идеологических смыслов (идеологем).

Материалом для работы послужили видеозаписи телепередач политических ток-шоу «Время покажет» на Первом канале, «Место встречи» на канале НТВ и «Право голоса» на канале ТВЦ с июля 2017 года по декабрь

2019 года. Объем видеозаписей, исследованных при рассмотрении композиции и содержательно-смысловой организации ток-шоу, – более 50 часов. Выборка текстов из разных телепередач, послужившая фронтальному анализу языковых, речевых и невербальных средств, реализующих акцентное выделение, составила 12000 словоупотреблений. В распечатанных текстах вербальный ряд сопровождается обозначениями представленных в видеозаписях невербальных знаков. Репрезентативность выборки подтверждена методом бутстрэп (bootstrap).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В телевизионном политическом дискурсе средства акцентного выделения (акцентуаторы) образуют функциональную семантико-стилистическую категорию – обязательный признак этого дискурса, реализуемый системой языковых, речевых и невербальных единиц.

2. Изучение акцентного выделения в непосредственном общении (в диалогах «лицом к лицу») требует включения в анализ не только языковых и речевых, но и невербальных единиц.

3. Система акцентуаторов в рассматриваемом типе дискурса моделирована нами по полевому принципу. На основе двух критериев – соответствия семантики лингвистического средства задаче акцентного выделения и частоты употребления этого средства – в совокупности акцентуаторов выделены не имеющие резкой границы ядерная и периферийная части.

4. В составе функционального семантико-стилистического поля акцентности лингвистические единицы, объединяемые по той или иной частной семантико-прагматической функции, образуют пересекающиеся микрополя: микрополе усиления, микрополе активизации внимания зрителя, микрополе эмоциональной оценки, микрополе рациональной оценки, микрополе экспликации рассуждения.

5. В дискурсе политических ток-шоу акцентное выделение, как правило, осуществляется не каким-либо отдельным акцентуатором, а несколькими вербальными и невербальными средствами.

6. Важная закономерность функционирования акцентуаторов в сверткесте целой передачи (или его относительно автономной тематической части)

заключается в том, что они выделяют идеологические смыслы, продуцируемые участниками ток-шоу. Уже во вступительном слове телеведущего содержатся идеологемы, являющиеся смысловой доминантой дискурса всей передачи. В дальнейшем они повторяются, развиваются, дополняются и подчеркиваются большинством участников дискуссии, формируя общественное мнение. Тем самым акцентирующие лингвистические средства служат реализации замысла политической телепередачи.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые исследуется функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в медийном политическом общении, причем с охватом как вербальных, так и невербальных коммуникативных средств. Языковые, речевые и невербальные единицы рассматриваются как элементы моделируемой по полевому принципу функциональной системы, взаимосвязанные на основе единого коммуникативного задания, состоящего в выделении фрагментов высказывания как особенно значимых и привлечении к ним внимания массовой аудитории.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку теории текстовых категорий, проблематики жанрово-стилевой дифференциации текстов в политической сфере общения, в развитие научных представлений о комплексном использовании вербальных и невербальных знаков в непосредственном речевом взаимодействии.

Практическое значение работы состоит в возможности использования ее результатов в вузовских учебных курсах по стилистике и риторике русского языка, лингвистике текста, дискурсивному анализу, теории массовой коммуникации. Кроме того, изучение вербальных и невербальных акцентуаторов представляет интерес для моделирования естественного общения в работах по искусственному интеллекту [Kibrik 2018; Кибрик 2020].

Апробация диссертационного исследования. Основные его результаты были представлены на VIII Международной научно-практической конференции «Современные научные исследования: методология, теория, практика» (Красноярск, 27 июля 2015 г.), на XXVIII Международной конференции студентов,

аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 12-23 апреля 2021 г.), на Всероссийском научном семинаре «Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы» (Томск, 20 января 2023 г.), на IX Международной научной конференции «Аксиологические проблемы современных филологических исследований» (Екатеринбург, 25-26 апреля 2023 г.), на VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 28 июня-01 июля 2023 г.), на Международной научной конференции, посвященной 100-летию профессора О.Б. Сиротининой «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества» (Саратов, 20-21 октября 2023 г.).

Содержание диссертации отражено в 14 публикациях; в их числе 4 статьи в журналах, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. Развитие концепции функциональных семантико-стилистических категорий в отечественном речеведении

1.1. Генезис и содержание понятия «функциональная семантико-стилистическая категория»

Разработка М.Н. Кожиной концепции функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК) – важный этап в развитии исследований ученого [Кожина 1966, 1968, 1972, 2002, 2014], способствовавших определению оснований функциональной стилистики и оказавших большое влияние на последующее развитие этой науки в нашей стране и за рубежом [Костомаров 1971; Gajda 1982; Stylistyka 2005]. В этих исследованиях к числу базовых относятся понятия функционального стиля, его экстралингвистических основ, речевой системности, стилистической окраски речи.

Функциональный стиль как исторически сложившаяся, социально осознанная речевая разновидность обладает своей речевой системностью, обусловленной комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего единством вида социальной деятельности и формы общественного сознания, целями и задачами коммуникации, типом мышления и содержания речи [Кожина 1968]. Под речевой системностью понимается взаимосвязь разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости. Будучи специфической для каждого функционального стиля, речевая системность создает его особую стилистическую макроокраску. Основные характеристики того или иного функционального стиля, закономерно обусловленные действием экстралингвистических факторов, трактуются как его стилевые черты. Под ними понимаются «признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функционального стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами» [Кожина 2003, с. 403].

Например, у научного стиля такими чертами являются прежде всего отвлеченность и обобщенность речи, ее подчеркнутая логичность, определяемые самим характером научного познания и необходимостью убедительно представить

его результаты адресату, у газетно-публицистического – сочетание экспрессии и стандарта [Костомаров 1971, 2005], открытая социальная оценочность речи [Солганик 1981, 2015].

С 1980-х гг. изучение стилевых черт речевых разновидностей получило развитие в концепции ФССК [Кожина 1983, 1987], сложившейся, с одной стороны, с учетом достижений функциональной грамматики, прежде всего исследований А.В. Бондарко [Бондарко 1967, 1981, 1984], а с другой – в связи с появлением фундаментальных работ в области лингвистики текста [Гальперин 1981; Beaugrande, Dressler 1981; и др.]. Из функциональной грамматики была принята идея полевого структурирования категории как объединения разноуровневых языковых средств, выражающих общее грамматическое значение и реализующих общую функцию [Кожина 1987]. Из лингвистики текста – понимание категории как существенного признака речевого произведения [Гальперин 1981; Тураева 1986; Матвеева 1990; и др.].

Согласно определению М.Н. Кожиной, из которого мы исходим в нашей работе, «функциональная семантико-стилистическая категория – разновидность текстовых категорий, отражающая функционально-стилевую дифференциацию речи (типологию текстов). ФССК – это система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т.е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля. Иначе говоря, без реализации этого признака текст не состоится как определенное функционально-стилистическое образование» [Кожина 2014, с. 477].

Как видно из этой дефиниции, ФССК выражают стилевое своеобразие определенной речевой разновидности. Они являются ее стилевыми чертами в пространстве реализации той или иной текстовой категории.

Эксплицируя понятие ФССК, М.Н. Кожина предложила модель ее изучения. В соответствии с этой моделью разноуровневые языковые единицы, воплощающие тот или иной категориальный признак текста, описываются в виде поля.

Критериями разграничения его ядра и периферии являются семантическая и функциональная значимость той или иной лингвистической единицы для выражения стилевой специфики определенного типа текстов, а также частота употребления этой единицы. В структуре поля выделяются микрополя. При этом ФССК рассматривается не только в статике – как полевая структура, но и в динамике – в аспекте ее развертывания в процессе текстообразования [Кожина 2014].

Принципиальное различие описания полей языковых средств в функциональной грамматике, с одной стороны, и в функциональной стилистике – с другой, заключается в том, что в первом случае моделируется системность языка, а во втором – системность речи. С указанным различием связан целый ряд других [Кожина 1983, 1987], см. таблицу 1.

Акцентируем некоторые важные моменты.

К числу ключевых понятий как функциональной грамматики, так и функциональной стилистики принадлежит понятие «функция». Однако трактуется оно в этих концепциях по-разному. Так, в функциональной грамматике «функция языковой единицы – это ее способность к выполнению определенного назначения, потенциал функционирования... и вместе с тем реализация этой способности» [Бондарко 1984, с. 29]. Например, функцией форм настоящего времени глагола является, в частности, их использование как настоящего исторического, функцией формы творительного падежа – ее употребление в качестве творительного орудийного. Как подчеркивает А.В. Бондарко, «правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе и норме языка, к языковому строю» [Бондарко 1984, с. 39]. Существенно при этом, что «минимальным единством, в пределах которого осуществляется функционирование языковых единиц в речи, является высказывание, равное речевой репрезентации предложения, сверхфразового единства или комплекса таких средств» [Бондарко 1984, с. 40]. Это единство служит условием уточнения и конкретизации семантики исследуемых языковых средств.

Различие описания полей языковых средств
в функциональной грамматике и в функциональной стилистике

Отличительные характеристики	Функционально-семантическое поле	Функциональная семантико-стилистическая категория
Общий подход	Структурно-функциональный	Функционально-стилистический
Определение термина <i>функция</i>	«Потенциал функционирования данной единицы; обусловленные этим потенциалом закономерности и правила функционирования» [Бондарко 1984, с. 29]	Роль языковой единицы в реализации определенного коммуникативного задания
Текст	Материал исследования	Предмет исследования
Контекст	Речевое окружение языковой единицы, позволяющее конкретизировать ее семантику и обычно соответствующее по продолжительности отдельному высказыванию, реже – совокупности высказываний (сверхфразовому единству)	Широкое окружение языковой единицы, позволяющее учесть базовые стилеобразующие факторы – вид ментальной деятельности, цели и задачи общения и др.
Критерии выделения категорий	Преимущественно по грамматическим доминантам – семантике морфологических категорий или синтаксических отношений	Коммуникативные цели, стилистические черты
Взаимосвязь единиц в категории	Определяется грамматическим значением	Определяется коммуникативной задачей
Критерии отнесения единиц к ядру и периферии категории	Максимальная концентрация базисных семантических признаков; сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций; наибольшая специализированность языкового средства для реализации определенных семантических функций; регулярность функционирования языкового средства	Специализированность единицы для выполнения определенной функции, высокая частота употребления

Между тем с функционально-стилистической точки зрения функция – это «назначение языковых единиц в составе речевой организации для наиболее целесообразной и эффективной реализации коммуникативного задания в конкретной сфере общения» [Кожина 1983, с. 22]. Например, можно говорить о функции разноуровневых языковых средств, состоящей в выражении ими открытой социальной оценочности публицистических текстов, или подчеркнутой

логичности научных текстов, или императивности – официально-деловых. В анализ включаются как наиболее общие коммуникативные задания речевых произведений тех или иных коммуникативных сфер, так и менее общие, и относительно частные, например, обеспечение устойчивой связи в общении с массовой аудиторией [Костомаров 2005] или рассматриваемая нами установка участников политической коммуникации на выделение тех или иных элементов продуцируемого текста как наиболее значимых и привлечение к ним внимания.

Если в функциональной грамматике, как уже говорилось, речь анализируется главным образом в пределах отдельных высказываний для уточнения и конкретизации значения того или иного языкового средства, то в функциональной стилистике она рассматривается в качестве плана выражения целого текста (и класса текстов) и является не материалом, а предметом изучения.

Очень важен также вопрос о критериях структурирования языковых единиц при описании функционально-семантических полей, с одной стороны, и функциональных семантико-стилистических – с другой. Согласно функционально-грамматическому подходу, функциональные семантико-стилистические поля – это «единства разных планов, уровней и рангов» [Бондарко 2001, с. 42], чем затрудняется определение единого способа выделения и классификации указанных полей. Согласно А.В. Бондарко, при выделении полей необходимо учитывать взаимодействие «грамматических категорий, формы, конструкции, грамматического или лексико-грамматического класса слов с другими единицами (включая единицы лексики и контекста) на базе общности семантики» [Бондарко 2001, с. 44].

Первоначально функционально-семантические поля выделялись с опорой на ту или иную морфологическую категорию [Бондарко 1971] – вида (поле аспектуальности), времени (поле темпоральности), наклонения (поле объективной модальности), залога (поле залоговости) и др. Морфологическая категория рассматривалась как ядро поля, а группирующиеся вокруг ядра другие средства оценивались как периферийные. Вместе с тем может быть выделен целый ряд полей на базе синтаксических отношений: например, в основе выделения полей

причины, следствия, цели, условия, уступки лежат группировки сложноподчиненных предложений обстоятельственного типа. Иные категории – локативности, посессивности – выделяются на основании общности семантики и взаимодействия указанных языковых средств в тексте (их сочетаемость/несочетаемость, возможность замены одного средства другим) [Бондарко 2002; 2005]. С учетом этого был сделан вывод о существовании не только моноцентрических функционально-семантических полей, базирующихся на той или иной грамматической категории, но и полицентрических, основывающихся на совокупности разноуровневых языковых средств, не составляющей гомогенной системы форм.

По отношению к полям обоих типов используются следующие общие критерии отнесения языковых средств к ядру или периферии: «1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр), – разреженность таких признаков (периферия); 2) сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение «сетки связей», их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия); 3) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия); 4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) – нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия)» [Бондарко 2005, с. 18].

Что касается функциональных семантико-стилистических категорий, то «при определении ядерных (центральных) и периферийных средств действуют два основных критерия: функционально-семантический и стилостатистический» [Стилистический... 1993, с. 573]. Центр составляют средства, которые семантически и функционально наиболее значимы для реализации определенного коммуникативного задания в данной группе текстов (например, логическое ударение как средство акцентности) и которые поэтому обычно имеют наибольшую частотность, а периферию – средства, которые не обнаруживают

специализации для выполнения данного коммуникативного задания и характеризуются невысокой частотой употребления (например, вводные слова, конструкции чужой речи).

1.2. История изучения ФССК

К настоящему времени изучен ряд ФССК в различных функциональных стилях. Это категории диалогичности [Кожина 1986; Дускаева 1998], логичности [Котюрова 1974, 1998], оценки [Сретенская 1994; Пермякова 1997], гипотетичности [Бедрина 1993; Кожина, Плюскина 1998], акцентности [Иванова 1988, 1998], ретроспекции и проспекции [Чиговская 2001] и др. В фундаментальном исследовании Т.М. Матвеевой [Матвеева 1990] предложен анализ функционирования категорий тематической цепочки текста, цепочки хода мысли, тональности, оценочности, темпоральности, локальности, композиции во всех макростиллях современного русского литературного языка. Позднее реализация указанных категорий изучалась в различных подстилях и жанрах речевых разновидностей [Матвеева 1996; Ицкович 2021; Келер 2023; Рядовых 2021; Сибирякова 1996; Ширинкина 2022].

Остановимся на наиболее важных результатах этих исследований.

Выше уже отмечалось, что первоначально в качестве ФССК были осмыслены стилевые черты стилевых разновидностей. В научных текстах к их числу принадлежит подчеркнутая логичность речи.

В работах М.П. Котюровой эта стилевая черта рассматривается в понятийно-логическом, психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом отношениях [Котюрова 1974, 1998].

Так, понятийно-логический аспект подчеркнутой логичности научной речи, согласно М.П. Котюровой, реализуется языковыми единицами (преимущественно лексическими) со значением различных логико-семантических отношений (значением бытия, квалификативным, зависимости, распространения в пространстве и времени) [Котюрова 1998].

В психолого-коммуникативном отношении логичность научной речи проявляется в выборе тем или иным автором текста определенных языковых средств в зависимости от его психолого-коммуникативной установки. В рассматриваемых М.П. Котюровой текстах автор «отдает предпочтение глаголам, причастиям или предлогам, осознавая или, возможно, не осознавая того, что глаголы констатируют отношения, наиболее актуальные в плане коммуникации, причастия и отыменные предлоги – менее актуальные...» [Котюрова 1998, с. 71].

При описании категории логичности в аспекте когнитивно-эпистемических отношений исследователь концентрирует внимание на сегментах текста, воплощающих научное знание как логического, так и «нечетко логического» (эмпирического) характера. Указанную категорию образуют средства языка, выражающие разнородную в логическом отношении информацию.

Крупным достижением в изучении научного, а затем и публицистического стилей стало изучение категории диалогичности, восходящее к идеям М.М. Бахтина и Л.П. Якубинского [Бахтин 1993, 1996; Якубинский 1986] (см. работы М.Н. Кожиной, Л.Р. Дускаевой, Е.А. Баженовой, Н.А. Красавцевой, Л.В. Сретенской и др.) [Кожина 1986, 1998, 2014; Дускаева 1998; Баженова 2001; Красавцева 1987; Сретенская 1994]. Согласно определению М.Н. Кожиной, диалогичность – это «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [Кожина 2014, с. 55]. При этом подчеркивается, что диалогичность как фундаментальное свойство речи проявляется как в устной, так и в письменной ее форме, во всех ее жанровых разновидностях.

Как отмечают авторы, в научных текстах ФССК диалогичности выражается преимущественно синтаксическими средствами, которые формируют функциональные циклы, состоящие из реплик-стимулов и реплик-реакций. К ядерным средствам выражения диалогичности относятся средства передачи

чужой речи (прямой и косвенной), вводные слова, словосочетания и предложения, указывающие на источник сообщения, а также ссылки, сноски, вопросно-ответный комплекс и др. В ядро категории входят и некоторые морфологические и лексические средства. К числу первых принадлежат местоимения и глаголы 1-го л. мн. ч., союзы с противительным значением, модальные слова со значением возможности, к числу вторых – лексемы, выражающие оценку смысловых позиций, глаголы речи и мысли для обозначения чужой речи, лексема «читатель». К периферийным же средствам относятся лексемы, выражающие оценку исследуемых фактов, некоторые акцентирующие частицы, указательные местоимения, а также вставные конструкции коммуникативно-информационного характера, некоторые вводные слова и словосочетания, подчеркивающие логику изложения, восклицательные предложения [Дускаева 1998].

Важный аспект структурирования поля диалогичности – выделение в нем микрополей. Установлено, что в научных текстах реализуются четыре формы диалогичности, в соответствии с которыми могут быть выделены частные поля: 1) разговор с другим упоминаемым лицом (или несколькими лицами), идейным противником или единомышленником; 2) сопоставление двух (или более) точек зрения по определенному вопросу; 3) разговор с читателем, обращение к нему с целью привлечь его к совместному рассуждению; 4) разговор со своим вторым Я [Кожина 1986].

Позднее было проанализировано функционирование категории диалогичности русских научных текстов в синхронном и диахроническом аспектах [Вотрина 2011]. Выделенные автором типы диалогичности — внешняя и внутренняя – анализируются по трем хронологическим срезам XX в. Показано, что «соотношение типов диалогичности меняется в процессе развития языка науки в XX веке». При этом «отмечается увеличение объема средств внутренней диалогичности и уменьшение доли средств внешней диалогичности» [Вотрина 2011, с. 19].

Изучение ФССК диалогичности заняло важное место и в проблематике стилевой специфики публицистической речи. Л.Р. Дускаева на основе анализа этой

категории предложила свою типологию жанров газетно-публицистического стиля. Так, новостные жанры строятся по схеме «вопрос – ответ – коррекция», оценочные жанры – по схеме «сообщение – оценка – ее обоснование», схема развертывания побудительных жанров – «мотивация побуждения оценкой состояния дел – предложение по устранению негативных моментов – обоснование выдвинутого предложения» [Дускаева 2012].

Интересны наблюдения Л.Р. Дускаевой над выражением оценки. В разном соотношении она представлена во всех группах газетных жанров. В собственно оценочных жанрах активно используются средства рациональной и эмоциональной оценочности, причем оценка интенсифицируется и акцентируется. В информационных жанрах оценочность направлена на увеличение эффективности информирования, в них оценка выделяет сообщаемые события из ряда других и тем самым «акцентирует особенности протекания события или условия ситуации» [Дускаева 2012, с. 261]. В побудительных же жанрах оценочность используется для выделения и усиления побудительной модальности указанных текстов.

С функционально-стилистических позиций исследуется категория оценки в работах Л.В. Сретенской. В ее кандидатской диссертации описаны средства выражения утилитарных, телеологических, нормативных, эстетических и смешанных оценок в текстах научных статей и учебной литературы. Автор констатирует, что «различие в функционировании оценки в обоих жанрах носит не количественный, а качественный характер: оценка в жанре статьи имеет большую эмоционально-экспрессивную окраску» [Сретенская 1994, с. 16]. Интересным представляется замечание Л.В. Сретенской о том, что важную роль в выражении оценки «играют средства акцентуации, которые входят в число ядерных средства ФССК акцентности» [Сретенская 1994, с. 15].

В работе Т.М. Пермяковой, посвященном категориям оценки и аргументативности в газетных текстах, исследуется соотношение этих категорий в газетно-публицистических текстах русского и английского языков и рассматриваются изменения функционирования средств каждой из категорий

в 1980–1990-е гг. под влиянием социальных факторов [Пермякова 1997]. Автором тщательно охарактеризована полевая структура категорий оценки и показано, что в 1990-е гг. в русских газетных текстах, в отличие от английских, происходил резкий рост аргументативности изложения.

В лингвистической литературе получила освещение и ФССК гипотетичности [Кожина, Плюскина 1998; Бедрина 1993].

Основная функция этой категории заключается в реализации в тексте гипотезы как формы мысли и метода познания. Согласно М.Н. Кожиной и Т.Н. Плюскиной, маркерами гипотетичности в научных текстах на лексическом уровне являются слова разных частей речи – глаголы, существительные и прилагательные с семантикой гипотетичности (*предполагать, ожидать, допущение, предположение, возможный, вероятный*), неопределенные местоимения (*некоторый, некий, какой-либо*), личные и возвратные местоимения в функции передачи контекстуальной гипотетичности (*мне кажется, я думаю, позволю себе предположить*); на морфологическом уровне – будущее время глагола, сослагательное наклонение и степени сравнения прилагательных; на синтаксическом – вводные слова и вставные конструкции с семантикой гипотетичности, сложные предложения с придаточным условия, вопросительные предложения и косвенные вопросы; на текстовом – вопросно-ответные комплексы и цепочки вопросительных предложений [Кожина, Плюскина 1998]. При этом подчеркивается, что гипотетичность в научных текстах, как правило, выражается совокупностью нескольких средств в рамках одного сверхфразового единства.

При описании полевой структуры категории гипотетичности научного стиля к ядру категории отнесены вопросно-ответные комплексы, проблемные вопросы, цепочки вопросительных предложений, синтаксические конструкции с придаточным условия, безличные конструкции с модальными словами, имеющими значение долженствования или возможности, вводные слова и словосочетания с семантикой предположительности. Выделены три центральных микрополя категории (предположения, «допущения» и «степени достоверности»)

и одно, занимающее периферийное положение (микрополе «потенциальности») [Кожина, Плюскина 1998].

С 1990-х гг. на исследования ФССК стала оказывать влияние концепция категорий текста [Гальперин 1981]. Если прежде объектом полевого структурирования в речеведческих работах были преимущественно стилевые черты речевых разновидностей, то теперь им стали существенные признаки (категории) речевого произведения в той или иной коммуникативной сфере.

Т.В. Матвеева исследовала актуализацию комплекса текстовых категорий в пяти функциональных стилях современного русского литературного языка – научном, официально-деловом, публицистическом, разговорном и художественном. Анализируемые категории разделены на три группы по характеру их языкового выражения, а именно на линейные, полевые и объемные категории. Под линейной категорией понимается цепь языковых единиц одной функционально-семантической предназначенности, в которой «каждая из последующих единиц этой цепи имеет непосредственную семантическую связь с предыдущей или предыдущими (реже — последующими) единицами» [Матвеева 1990, с. 17]. К линейным текстовым категориям относятся тематическая цепочка, цепочка хода мысли, категории проспекции и ретроспекции. Автор отмечает, что к данным категориям может быть применена и идея полевого устройства.

Полевые категории определяются как совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных по принципу поля общностью семантики, текстовой функцией и организацией языковых составляющих. Это категории тематической определенности, тональности, оценочности, темпоральности, локальности, акцентности, субъектной организации и др. Т.В. Матвеева подчеркивает, что перечисленные категории неоднородны, например, категория субъектности является родовой по отношению к тональности, оценочности и др.

Языковое выражение объемных категорий «носит текстовой характер... и характеризуется многомерной организацией, в частности наличием и действием линейных и полевых структур» [Матвеева 1990, с. 18]. Они выделяются на содержательно-структурных основаниях, к ним относятся функционально-

смысловое членение текста, его речевое структурирование (авторская речь, чужая речь), композиционные блоки.

В связи с задачами нашего исследования особый интерес представляет анализ Т.В. Матвеевой категорий тональности и оценочности. Тональность (иначе субъективная модальность) отражает психологическую установку автора текста, а оценочность – авторское представление о положительном или отрицательном содержании описываемого явления на основе логической дихотомии «хорошо – плохо» [Матвеева 1990]. В публицистической речи тональность характеризуется четкой выраженностью и большим разнообразием (от подчеркнуто объективного, нейтрального тона до эмоционально насыщенного) в зависимости от жанра, темы, целеустановки автора. Что же касается оценочности, то она «бывает разлита по всему тексту, при этом оценочные единицы вкраплены во многие микротексты, за счет чего оценочно окрашивается весь текст» [Матвеева 1990, с. 98].

В последующих работах Т.В. Матвеева распространила категориально-текстовый подход на анализ речевых жанров. Показано, что если функциональный стиль представляет собой некую структуру текстовых категорий, то жанры в пределах функционального стиля отличаются «качественной реализацией категорий в рамках единой категориальной схемы» [Матвеева 1996, с. 218]. Так, например, для разговорного стиля, согласно Т.В. Матвеевой, смысловой доминантой является категория тональности, так как именно она выступает классификационным жанрообразующим признаком. В рамках жанрового подхода при описании текстовой категории учитывается влияние доминирующей категории (или категорий) на второстепенные. Например, Т.В. Матвеева указывает, что тональность в разговорном стиле может ограничивать предметно-тематическое содержание разговорного текста (наличие «табу-тем» в ситуации беседы на праздничном застолье). Жанровый подход, предложенный ученым, предполагает, что описание категории заключается в выявлении композиции речевых средств, а категория, «в свою очередь, включена в композицию высшего порядка – категориально-жанровую схему» [Матвеева 1996, с. 220].

В исследованиях Т.В. Ицкович [Ицкович 2016, 2021] категориально-текстовый подход применен по отношению к церковно-религиозному стилю и его жанровым разновидностям.

Важной характеристикой этого функционального стиля, согласно Т.В. Ицкович, является конструктивный принцип прототекстуальности, подразумевающий создание каждого нового религиозного текста с опорой на прототекст, канонический образец. Жанровый же состав религиозного стиля, согласно автору, обусловлен тремя протожанрами, зафиксированными в прототексте Евангелия: молитвой, проповедью, житием. Из протожанра молитвы (Евангельской молитвы) развивались жанры, в которых человек обращается к Богу (собственно молитва, канон, акафист), из протожанра проповеди (Евангельской проповеди) – жанры, в которых Бог обращается к человеку (церковная проповедь, послание, беседа), из протожанра жития (Евангельского жития) – жанры, где человек обращается к человеку (житие, биография, автобиография).

Жанровые типы молитвы, проповеди и жития описаны с опорой на ряд текстовых категорий, а именно категорий темы, композиции, хронотопа и тональности. При этом установлены доминирующие для каждого жанрового типа категории: для жанрового типа молитвы доминирующим является интенциональное содержание (благодарственная тональность), для проповеди – категория темы, для жития – композиция.

В ядро религиозного стиля как полевой структуры, согласно Т.В. Ицкович, входят жанры, которые тесно связаны с протожанрами и используются в богослужбной церковной практике. К периферии же относятся «гибридные» жанры, которые характеризуются относительной авторской свободой и используются в небогослужбной сфере религиозной коммуникации.

Плодотворность категориально-текстового подхода к изучению стилевой и жанровой специфики речевого произведения демонстрируют и работы М.А. Ширинкиной [Ширинкина 2021, 2022], посвященные одной из основных разновидностей официально-делового стиля – дискурсу исполнительной власти.

Учитывая коммуникативное намерение автора текста, его коммуникативную цель, а также факторы субъекта речи и ее адресата, М.А. Ширинкина разделяет тексты исполнительной власти на крупные жанровые типы – предписательный, информационный, эпистолярный и PR-текстовой. При этом каждый жанровый тип характеризуется доминантной текстовой категорией, которая отражает основную интенцию автора и наиболее ярко выражена в речи. Так, для текстов предписательного жанрового типа основной текстовой категорией является тональность; в информационном жанровом типе доминирующими категориями являются авторизация и адресация; эпистолярные тексты отличаются доминированием категории темы; организацию PR-текстов в наибольшей мере определяет категория адресации [Ширинкина 2021].

Рассматривая интернет-коммуникацию дискурса исполнительной власти, автор характеризует интернет-сферу как сверхтекст, которому присуща нелинейная композиция. При этом подчеркивается, что другие текстовые категории (тональности, темы, авторизации и адресации) в интернет-представлении изучаемого дискурса остаются в основном такими же, как и в письменной форме речи.

Жанровая система дискурса исполнительной власти представлена в виде поля: в его ядро входят жанры, реализующие функции официально-делового стиля в чистом виде, в периферию – тексты гибридного функционально-стилевого характера [Ширинкина 2021].

Объектом функционально-стилистического анализа стали также текстовые категории ретроспекции и проспекции. Я.А. Чиговская, исследуя научные тексты, показала, что в научной коммуникации эти категории являются обязательными и текстообразующими, так как они обусловлены экстралингвистической основой научного произведения и отражают проспективно-ретроспективный характер коммуникативно-познавательной деятельности ученого. Важная особенность реализации указанных категорий заключается в том, что они функционируют на двух уровнях –поверхностном (композиционно-структурном) и глубинном (отражающем познавательно-коммуникативный процесс) [Чиговская 2001].

Автором описаны разноуровневые языковые средства выражения каждой из указанных категорий и их полевая организация. Показано, что единицы категории ретроспекции относятся к микрополям акцентированной активизации памяти и внимания читателя, экспликации движения излагаемой мысли, а также информативности, а категории проспекции – к микрополям информационного ожидания, регулятивности, акцентированной активизации внимания и мышления читателя [Чиговская 2001]. При этом Я.А. Чиговская подчеркивает, что категории ретроспекции и проспекции неразрывно взаимосвязаны и могут рассматриваться как «двуединая категория», чем существенно отличаются от иных изученных ФССК.

1.3. Исследования категории акцентности

Обратимся к исследованиям категории акцентности, являющейся объектом нашего анализа.

Понятие акцентности (акцентирования, акцентного выделения) затрагивалось во многих работах. Непосредственно ее экспликации посвящены исследования Т.М. Николаевой [1982], И.И. Сущинского [1991], Т.Б. Ивановой [1988].

Т.М. Николаева разработала теорию акцентного выделения как «функционального явления, как коммуникативного знака» [Николаева 1982, с. 4]. Будучи многоплановым феноменом, акцентное выделение может рассматриваться в контексте проблематики актуального членения предложения, инверсии, эмпазы, контраста, теории вопросов-ответов и др. При этом, как подчеркивает ученый, основное свойство акцентного выделения – «выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится» [Николаева 1982, с. 15]. Иными словами, это базовое свойство состоит в создании «дополнительного потока тексто-коммуникативного содержания – тени» [Николаева 1982, с. 94–95].

В языковой ткани высказывания акцентное выделение связано как с просодическими единицами, так и с порядком слов, временем и видом глагола-

сказуемого, свойствами именных словосочетаний и др. Важными представляются выводы Т.М. Николаевой о корреспонденции между акцентным выделением и лексическими средствами языка: «Акцентное выделение... передает определенные смысловые отношения: противопоставление, оценку, результат, статус и пр. Часть лексического состава языка по своей словарной семантике соотносится с передачей подобных отношений – интенсивы, результативные глаголы, локализаторы и т.п.» [Николаева 1982, с. 97].

Принципиальное значение для нас имеет следующее положение Т.М. Николаевой, получившее развитие в лингвостилистике и во многом определившее замысел нашей работы: «Можно рассмотреть набор акцентно-выделительных единиц в связном тексте одного стилевого типа и выделить их функциональные задачи, т.е. сконструировать некоторую модель акцентного выделения в рамках этого жанра...» [Николаева 1982, с. 77–78]. Мы решаем данную задачу по отношению к жанру телевизионного политического ток-шоу, включая в анализ как языковые единицы, так и невербальные средства общения.

С понятием акцентности косвенно связано понятие «метатекстовые нити», эксплицированное А. Вежбицкой в работе «Метатекст в тексте» [Вежбицкая 1978]. А. Вежбицкая пишет: «Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции, они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет» [Вежбицкая 1978, с. 421]. Таким образом, метатекст обеспечивает связность текста, служит для привлечения внимания адресата к важным, с точки зрения автора, фрагментам текста, помогает ориентироваться в пространстве речевого произведения.

С точки зрения проблематики нашей работы существенны указания А. Вежбицкой на сигналы важности сообщаемого факта (*прежде всего, важно, самое главное, что...*) и сигналы очередности в логической последовательности (*во-первых, прежде всего, далее, наконец*) [Вежбицкая 1978]. Плодотворно положение ученого о том, что исключительная коммуникативная значимость факта может быть выражена единицами разных семиотических систем: языковой,

паралингвистической, мимической и графической. В частности, «говорящий может констатировать эксплицитно: “самым важным я считаю то, что...”. Он может эксплицитно не констатировать ничего, а только повысить голос и произнести эти важные слова с серьезной миной. В рукописном или печатном тексте он может употребить курсив, подчеркивание, разрядку, прописной или полужирный шрифт» [Вежбицкая 1978, с. 418].

Тщательно характеризует содержание категории акцентности и средства ее выражения (на материале немецкого языка) И.И. Сущинский. Согласно автору, специфика значения акцентирования заключается в «подчеркивании и выделении тех или иных элементов речи, которые с точки зрения говорящего/пишущего представляют собой особую коммуникативную важность в условиях конкретной конситуации» [Сущинский 1991, с. 14]. И.И. Сущинский отмечает, что автор сообщения, используя акцентуаторы, стремится не только привлечь внимание собеседника, но и «подкрепить свою истинную точку зрения <...>, чтобы добиться от него желаемой интеллектуальной, эмоциональной или физической реакции» [Сущинский 1991, с. 14].

Исследователь подчеркивает, что средства реализации категории акцентности разнообразны, что они проявляются на всех уровнях языковой системы и находятся во взаимодействии и взаимозависимости. Выделяются не только фонетические, грамматические и лексические акцентуаторы, но и паралингвистические, графические. При этом в качестве семантической доминанты системы акцентирования, т.е. наиболее специализированного для выражения главного акцентирующего значения средства, выделяется эмфатико-фразовое ударение. Оно характеризуется как нейтральное, регулярное и наиболее частотное.

И.И. Сущинский справедливо указывает, что тип акцентуаторов и частота их употребления зависят от функциональных стилей, типов речи, а также от индивидуальных особенностей говорящего (его языковой компетентности, темперамента, пола, возраста).

Акцентность как функциональная семантико-стилистическая категория подробно охарактеризована в диссертации Т.Б. Ивановой [1988]. По отношению к научным текстам, привлечшим затем внимание и многих других исследователей акцентного выделения, Т.Б. Иванова определяет данную категорию как систему акцентуаторов – «разноуровневых языковых, собственно текстовых, графически оформленных средств, взаимосвязанных между собой коммуникативно-стилистически, то есть призванных выполнять здесь общую коммуникативную функцию: через подчеркивание важных, по мнению создателя текста, моментов содержания научного произведения привлекать к ним читательское внимание, способствовать убеждению адресата речи в истинности концепции автора и тем самым добиваться максимального взаимопонимания общающихся в сфере науки» [Иванова 1998: 315–316].

В своем исследовании Т.Б. Иванова соотносит цели и задачи общения в научной сфере со средствами акцентности, отмечая те дополнительные функции, которые эти средства могут выполнять. Так, согласно автору, к важнейшим задачам научной коммуникации относятся информирование читателя о каком-либо новом знании, доказательство истинности авторской концепции, убеждение читателя. Соответственно, ФССК акцентности соотносится с такими стилевыми чертами научной речи, как объективность, логичность, точность, ясность изложения, своеобразная экспрессивность и др. Именно они и легли в основу разделения категории акцентности на несколько микрополей, а именно: уточнения (этим микрополем реализуется функция акцентирования актуальных логико-смысловых отношений – сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.); усиления (функция привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания коммуникативно значимых элементов речи); оценки (функция передачи важных для автора оценок научных фактов и их интерпретации); категоричности/некатегоричности изложения (функция выражения объективности излагаемого научного знания); активизации внимания читателя (функция облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создания благоприятных условий для целенаправленного восприятия информации, усиления

речевого воздействия на читателя, обеспечения согласованности между коммуникантами) [Иванова 1998].

Микрополе *уточнения* связано с такими стилевыми чертами научного стиля, как точность и подчеркнутая логичность изложения. Поэтому данное микрополе составляют акцентуаторы, выраженные лексико-грамматическими и синтаксическими средствами с семантикой сопоставления, противопоставления или отрицания [Иванова 1988, 1998].

В то же время микрополе *усиления* соотносится с точностью и ясностью изложения [Иванова 1998]. В нем выделены и описаны акцентуаторы-усилители: частицы, наречия и некоторые языковые средства с семантикой отрицания (*отнюдь, вовсе, совсем, явно, совершенно, ни в коем случае, нисколько*), слова-интенсивы (*очень, весьма, чрезвычайно, особенно, крайне, совершенно, абсолютно*), компаративы (*наиважнейший, существеннейший, наиболее важный*) и др.

Микрополе *оценки* выражает рациональную оценочность, присущую научному стилю, и создается с помощью оценочных прилагательных и наречий, компаративов, модально-оценочных конструкций (*важно, что...; интересно, что... и под.*). Использование средств оценки направлено на убеждение читателя в авторской точке зрения и выражение модальности убежденности автора в истинности излагаемой им информации.

Микрополе *категоричности/некатегоричности* изложения Т.Б. Иванова соотносит с объективностью научных текстов. Как отмечает автор, нормой научной речи считается некатегоричная манера изложения, объясняемая научным этикетом. Типичными акцентуаторами некатегоричности изложения являются модальные слова со значением сомнения. Значение же категоричности выражается модальными словами с семантикой уверенности в достоверности знания. Кроме вводных слов авторская позиция может выражаться синтаксическими конструкциями (*очевидно, что...; ясно, что...; понятно, что...; естественно, что... и др.*) [Иванова 1988].

Акцентуаторы микрополя *активизации внимания* читателя призваны облегчить восприятие сложной интеллектуальной информации и помочь адресату ориентироваться в содержании. Ими являются такие синтаксические конструкции, как «безлично-модальный глагол + инфинитив глагола мысли, речи и восприятия» (*следует обратить внимание на то, что...; необходимо подчеркнуть, что... и др.*), высказывания побудительной семантики (*еще раз подчеркнем, что...; заметим, что...; обращаем внимание на...*), некоторые модально-оценочные воспроизводимые высказывания (*важно отметить, что...; интересно отметить, что...; примечательно, что...*), вопросительные и восклицательные предложения. Примечательно, что помимо лексических и синтаксических акцентуаторов выделяются некоторые графические средства акцентирования – курсив, жирный шрифт, разрядка.

Т.Б. Иванова отмечает ряд важных закономерностей. Ею показано, что акцентуаторы, которые входят в микрополя уточнения, усиления и активизации внимания, относятся к ядру изучаемой категории. Между тем микрополя категоричности/некатегоричности изложения и оценки занимают периферийное положение. При этом акцентуаторы, как правило, полифункциональны. Это приводит к тому, что границы между микрополями размыты. Отмечается также, что в научной речи средства акцентности используются в комплексе для выделения какого-либо фрагмента текста.

Особенностям функционирования акцентно маркированных лексем в устных научных текстах посвящены исследования Т.П. Скориковой [Скорикова 1995, 2018, 2019]. Автор отмечает наличие регулярной акцентно-просодической маркированности определенных лексем русского языка, в частности, высокий акцентный потенциал наблюдается в лексических единицах, способных «к оценке информации по параметрам качества, интенсивности, количественности, значимости, важности, сравнительности, определенности/неопределенности, известности/неизвестности, наличия/отсутствия, выбора/отсутствия выбора, порядка следования и др. показателям» [Скорикова 1995, с. 38]. Согласно автору, в ситуациях устного научного выступления совокупность акцентно

маркированных лексем «соответствует “точкам” наибольшей концентрации смысла в ассоциативно-вербальной сети носителя языка» [Скорикина 1995, с. 38]. Несомненный интерес представляет также разрабатываемая Т.П. Скорикиной концепция акцентно-семантического словаря.

В ряде работ на материале научной речи изучается взаимосвязь категории акцентности с другими текстовыми категориями. Так, Н.В. Сазонова, посвятившая свою работу ФССК связности, проследила ее отношения в тексте с категориями диалогичности, гипотетичности, логичности и акцентности. Примечательно, что в математическом тексте ею рассматриваются не только вербальные, но и иконические знаки [Сазонова 2008]. Э.Г. Мхитарьянц, изучившая реализацию модальных значений возможности и необходимости в статьях по социологии и биологии (на материале немецкого языка), проанализировала лингвистические особенности взаимодействия этих значений с категориями научного текста, в том числе с категорией акцентности. Как показывает автор, активизация внимания читателя зачастую выражается модальностью необходимости. Достижению этой цели – обычно на денотативном уровне – способствует также использование языковых средств с модальностью возможности [Мхитарьянц 2007].

Ю. Чэнь обстоятельно изучила морфологические и синтаксические средства акцентности в русских лингвистических текстах. В фокусе внимания автора – особенности восприятия китайской аудиторией акцентирующих единиц при изучении русского языка [Чэнь 2005].

Отметим также работу А.М. Валитовой, исследовавшей вербальные средства представления речевых шагов автора-ученого при конституировании речевого произведения. Примечательны наблюдения автора над воспроизводимыми в научном тексте конструкциями (такими, как *важно отметить, обратим внимание, следует указать на что-л.*), способствующими смысловому выделению важных, с точки зрения автора, сегментов текста [Валитова 2001].

В меньшей степени категория акцентности изучалась на материале массмедийных текстов.

Так, в исследовании И.Ю. Егоровой, посвященном акцентированию в рекламном интернет-дискурсе, рассматриваются разные виды смыслового выделения – явное и неявное, подготовленное и неподготовленное, системное и единичное, игровое и серьезное, текстовое и иконическое. В работе показано, что для рекламного дискурса особенно характерны такие коммуникативные средства акцентирования, как «императив, адъективация, лексический повтор, усилительные и вопросительные конструкции, заимствования, сленгизмы, причастные обороты, деепричастные и инфинитивные конструкции, эллипсис» [Егорова 2008, с. 3].

Диссертация Е.Б. Плаксиной содержит интересный анализ использования антитезы в заголовках русской и французской прессы. Согласно автору, «сильное акцентирование наблюдается, когда антитеза заголовка поддерживается лексическими единицами той же понятийной сферы; слабое акцентирование, когда антитеза заголовка обеспечивается единицами другой понятийной сферы» [Плаксина 2007, с. 7]. При этом в заголовках как русской, так и особенно французской прессы преобладает сильный тип акцентирования.

Работа Н. Чжао содержит сопоставительный анализ функционирования категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Особое внимание уделяется структурно-семантическому устройству поля акцентности. Согласно автору, выделяемые в его составе микрополя в основном совпадают с микрополями, характеризуемыми Т.Б. Ивановой на материале научных текстов. Объясняется это, по-видимому, как общими закономерностями акцентного выделения, так и известными проявлениями в аналитическом дискурсе политиков некоторых особенностей научного стиля. Примечательно, что при переводе акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский происходят их различные трансформации – лексические, грамматические и лексико-грамматические [Чжао 2020, с. 6].

Интересны результаты исследования Е.В. Манжелевской, объектом которого являются художественные прозаические тексты. Как показано автором, особенности акцентного выделения в значительной степени обусловлены

спецификой речевой разновидности. Так, в художественной речи маркеры акцентирования распределены по целому ряду семантических зон – интенсивной оценки, исключительности, контраста, отрицания, тотальности, итеративности и частотности, результата, конкретизации, инклюзива [Манжелевская 2008].

Итак, мы видим, что к настоящему времени текстовой категории акцентности посвящена обширная литература. Эта категория изучается с функционально-семантических позиций, в аспекте лингвистики текста, коммуникативного синтаксиса, а также функциональной стилистики и дискурсного анализа. Нужно подчеркнуть, что эта категория **имеет коммуникативную природу**, поскольку она охватывает обоих основных участников ситуации общения – адресанта и адресата. Данная категория предполагает выделение адресантом значимых для него смыслов и такую организацию высказывания, которая активизирует внимание адресата и позволяет ему правильно интерпретировать сообщение.

1.4. Изучение коммуникативных категорий

Отсюда ясно, что для разработки проблематики акцентного выделения могут представлять интерес и появившиеся в последнее время многочисленные исследования коммуникативных категорий. Эти категории понимаются учеными по-разному. Так, в имеющих когнитивную и культурологическую направленность работах И.А. Стернина и К.М. Шилихиной под такими категориями понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001, с. 34]. Согласно авторам, для русского коммуникативного сознания характерны категории собственно общения, вежливости, грубости, коммуникабельности, коммуникативной ответственности, эмоциональности, коммуникативной оценочности, коммуникативного давления, коммуникативной серьезности, реквестивности, коммуникативного оптимизма и пессимизма, коммуникативного идеала и др. [Стернин, Шилихина 2001].

О.А. Михайлова, основываясь на приведенном определении, выделяет признаки коммуникативных категорий, отмечаемые большинством авторов.

Это регулятивная функция, национальная специфика, нежесткая структура и относительно размытое содержание [Михайлова 2004].

В ряде работ при изучении коммуникативных категорий акцентируется субъектно-субъектное отношение «Я – Другой» [Кислякова 2018; Автохутдинова 2015; Карзенкова, Салимовский 2005].

Следует отметить, что в числе выделяемых лингвистами коммуникативных категорий описываются весьма разные феномены. Помимо различных концептов (см. работы, посвященные толерантности и политкорректности [Вашурина 2012, Михайлова 2004; Стернин 2004; Стернин, Шилихина 2001; Шамсутдинова 2006; Шаповалова 2013]) это проявление власти [Черватюк 2006], инакость [Кислякова 2018], достоверность [Панченко 2010], категоричность [Кузьмина 2018], выразительность [Каширина 2017], угроза [Хохлова 2004] и др.

Некоторые лингвисты справедливо отмечают, что при изучении коммуникативных категорий в анализ должны включаться не только вербальные, но и невербальные знаки. «Коммуникативные категории, – пишет Е.П. Захарова, – ...имеют собственное содержание, набор разноуровневых языковых и речевых (в том числе невербальных) средств для выражения этого содержания» [Захарова 2000, с. 13]. К изучению невербальных средств коммуникативных категорий исследователи обратились лишь в последние годы. В числе работ, затрагивающих эту проблематику, нужно отметить описания И.С. Черватюк [2006] паралингвистических проявлений власти, Е.А. Вашуриной [2012] невербальных средств политкорректности, Н.В. Хохловой [2004] невербальных способов выражения угрозы.

Между тем в работах, посвященных текстовым и собственно коммуникативным категориям, невербальные средства изучены явно недостаточно. Анализ исследуемой нами категории акцентности ограничивается пока языковыми и речевыми единицами, лишь с попутным эпизодическим обращением к некоторым графическим и паралингвистическим средствам.

Оговорим, что существует обширная литература [Анисимова 1996; 2003; Березин 2003; Бернацкая 2000; Большаянова 1986; Вашурина 2007, 2009, 2020;

Вашунина, Нистратов, Тарасов 2019; Головина 1986; Ейгер, Юхт 1974; Зенкова 2004; Иванова 2000; Каменская 1996; Клюканов 1983; Пойманова 1997; Сорокин, Тарасов 1990; Якобсон 1985], посвященная организации креолизованного (поликодового) текста. Однако невербальные знаки здесь рассматриваются как элементы особых кодов (визуального, паралингвистического, графического), взаимодействующих при продуцировании и интерпретации целостного текстового образования, а не как средства осуществления коммуникативных действий или актуализации концептов, лежащих в основе коммуникативных категорий.

Анализ организации не только вербальных, но и невербальных средств акцентности предварим краткой характеристикой невербальных знаков как особого объекта лингвистических исследований.

1.5. Невербальные средства общения, рассматриваемые при изучении ФССК акцентности

Изучение ФССК акцентности требует уточнения некоторых понятий, классификационных различий.

Как известно, неязыковое общение крайне разнообразно. Оно охватывает не только мимические движения, жесты, позы (на что указывают все специалисты), но и организацию пространства и времени коммуникации, физиологические особенности речевого общения (дефектное произнесение некоторых звуков, заикание и др.), культурные различия в использовании невербальных средств и многое другое.

Различные варианты классификации невербальных средств общения предлагают многие зарубежные и отечественные авторы [Birdwhistell 1970; Knapp 1972; Trager, Hall 1954; Ильин 2001; Лабунская 1986, 1999; Николаева, Успенский 1966; Парыгин 1999]. Состав средств невербальной коммуникации отличается разнообразием. Традиционно исследователями [Николаева, Успенский 1966; Колшанский 1974; Горелов 1997, 2003а, 2003б; Матвеева 2010] выделяются фонационные (к ним относят тембр, темп, громкость голоса, интонацию и пр.), кинесические (жесты, мимика, позы) и графические средства (почерк, выделение

тем или иным шрифтом). Однако в ряде исследований внимание уделяется, кроме того, движениям глаз [Kendon 1967; Argyle, Ingham 1972; Argyle, Ingham, Alkema, Mccallin 1981; Exline 1972; Kleinke 1986; Argyle, Cook, Cramer 1994], запахам [Classen, Howes, Synott 1995], тактильной коммуникации [Hall 1959, 1966; Kendon, Ferber 1973; Knapp 1978].

Одну из наиболее детальных классификаций этих средств предлагает Г.Е. Крейдлин. В их число входят звуковые коды невербальной коммуникации (объект паралингвистики), жесты и жестовые системы (объект кинесики), визуальное поведение людей во время общения (окулесика), слуховое восприятие звуков и аудиальное поведение людей в процессе коммуникации (аускультация), знаковые и коммуникативные функции пищи и напитков (гастика), тактильная коммуникация (гаптика), роль запахов в коммуникации (ольфакция), пространство коммуникации, его структура и функции (проксемика), время коммуникации, его структурные, семиотические и культурные функции (хронемика), системы объектов, которыми люди окружают свой мир, функции и смыслы этих объектов, выражаемые в коммуникации (системология) [Крейдлин 2002].

Отметим, что объем понятия «паралингвистика» трактуется разными учеными по-разному. При широком его толковании [Горелов 2007; Колшанский 1974; Николаева, Успенский 1966; Лабунская 1986] в число паралингвистических средств входят любые неязыковые знаки, «передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию» [Языкознание 2000, с. 367]. Согласно другим авторам [Крейдлин 2000; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], паралингвистика изучает только фонационные невербальные средства (темп речи, тембр, громкость, характер заполнения пауз, речевые дефекты и др.). Избегая ненужной многозначности терминов, мы следуем узкой трактовке паралингвистических явлений.

Описание особенностей невербального поведения участников телеэфира предполагает детальную характеристику производимых ими жестов. Для нас существенно различение жестов, 1) осуществляемых одновременно с произнесением определенных речевых сегментов и 2) замещающих эти сегменты

[Efron 1941]. Первые получили название жестов-иллюстраторов, вторые – эмблематических жестов [Ekman, Friesen 1969]. Эмблемы – это жесты-клише, за которыми в культуре закреплено определенное содержание, их семантика эквивалентна значению слова или фразы. Между тем среди иллюстративных жестов различают собственно акцентирующие жесты (выделяющие важное слово или высказывание), идеографы (иллюстрирующие развитие мысли и логику изложения), дейктические жесты (указывающие на объект), кинетографы (изображающие движения тела), пиктографы (очерчивающие контуры референта), а также жесты, выражающие пространственные отношения, и жесты, отражающие скорость действий [Ekman, Friesen 1969; Ekman 2004].

Г.Е. Крейдлин, объединив и доработав эти классификации, предложил разделять иллюстрирующие жесты на жестовые ударения (кинестически акцентирующие фрагменты речи и структурирующие ее), дейктические маркеры (указывающие на человека, объект, размер, место), пространственные маркеры (описывающие какие-либо пространственные отношения), временные маркеры (описывающие временные отношения), идеографические маркеры (изображающие ход мысли), кинетофонографы (соединяющие изображение движений тела с производимыми при этих движениях звуками), кинетографы (изображающие произвольные действия или имитирующие какие-либо параметры этих действий), идентификаторы (отражающие стили или манеры поведения), экстерналайзеры (невербальные реакции человека на коммуникацию) [Крейдлин 2002, с. 118–123].

Большинство этих жестов, как будет показано позднее, образует периферию функционального семантико-стилистического поля акцентности.

Выводы по первой главе

1. Концепция функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), в отличие от концепции функционально-семантических категорий (ФСК), характеризует системную организацию **не языка, а речи**. В ней развиты сложившиеся в 1960-е гг. представления о стилевых чертах функциональных стилей, то есть о признаках текста, выражающих его стилевое своеобразие, обусловленное экстралингвистическими факторами определенной сферы общения. Эти признаки текста (например, диалогичность, оценочность, гипотетичность и др.) стали структурироваться по полювому принципу в виде воплощающей их системы разноуровневых языковых средств, представленной в текстах той или иной коммуникативной сферы, т.е. в виде ФССК (М.Н. Кожина).

2. В лингвистической стилистике исследован целый ряд ФССК – диалогичности, оценки, тональности, логичности, гипотетичности, аргументативности, локальности, темпоральности, ретроспекции, проспекции и др. Первоначально основным объектом изучения на основе концепции ФССК были тексты научного стиля, однако в дальнейшем внимание лингвистов привлекли и все другие функциональные макростили. На рубеже 1980–90-х гг. исходное понимание ФССК как стилевой черты, структурируемой по принципу поля, было синтезировано с трактовкой категории текста как его существенного признака (Т.В. Матвеева). В последнее время исследование ФССК стало осуществляться по отношению не только к функциональным макростилям, но и к представляющим их речевым жанрам.

3. Рассматриваемая нами ФССК акцентности принадлежит к числу категорий, вариативно реализуемых в разных функциональных стилях. С опорой на общелингвистические исследования акцентного выделения (Т.М. Николаева, И.И. Сущинский) изучена его полевая организация в научной (письменной и устной) речи, в художественных и рекламных текстах, а также в политическом дискурсе (на русском и китайском языках). Однако коммуникативная природа категории акцентности не учитывается пока в достаточной степени, так как при

непосредственном взаимодействии коммуникантов (не только в разговорно-обиходном общении, но и в других сферах) акцентное выделение осуществляется с использованием не только вербальных, но и невербальных средств. Анализ речевого взаимодействия без обращения к последним является неполным.

4. Исследование ФССК акцентности в политическом телешоу, ставшем одним из основных жанров массовой политической коммуникации, требует включения в анализ всех лингвистических единиц, представленных в коммуникации: языковых, речевых и невербальных.

Глава 2. Состав категории акцентности в телевизионных политических ток-шоу (языковые, речевые и невербальные средства)

2.1. Языковые средства акцентности

2.1.1. Фонетические средства акцентности

Выделительная функция принадлежит к числу важнейших функций интонации, наряду с коммуникативной и организующей. Непосредственно смысловое выделение тех или иных сегментов речи осуществляется логическим или эмфатическим ударением и паузами.

Логическое ударение. Под логическим ударением традиционно понимается вид выделительного ударения (наряду с эмфатическим), а именно «произвольное выделение одного из слов устного высказывания с целью смыслового выделения» [Матвеева 2010, с. 193–194]. Технически логическое ударение реализуется за счет усиления голоса, изменения тона, замедления речи на выделяемом слове. При этом отмечается, что фонетическое оформление логического ударения отличается от других типов ударения: словесное ударение характеризуется качеством, длительностью и силой, тогда как высота тона не играет роли; в синтагматическом ударении важны в первую очередь сила и тон, только потом качество и длительность; в логическом – важны прежде всего сила, затем качество и интервал по высоте тона, длительность значима в меньшей степени [Матусевич 1976].

Логическое ударение, с одной стороны, противопоставляется синтагматическому (фразовому) ударению, служащему для фонетического объединения синтагмы и для отделения ее от соседней синтагмы. Синтагматическое ударение является обязательным, оно имеет, как правило, постоянное место в синтагме, логическое же – ситуативно, им выделяется любое слово во фразе [Зиндер 1979]. При этом логическое ударение «может наслаиваться на фразовое ударение, фразовое же ударение без этого наслаивания остается основным интонационным фактором» [Николаева 1982, с. 13]. Кроме того,

логическое ударение сильнее фразового и обычно связано с явным или подразумеваемым противопоставлением [Панов 1979].

С другой стороны, логическое ударение соотносится с эмфатическим ударением. Если логическое ударение отвечает за выражение отношения говорящего к сообщению в интеллектуально-логическом плане, то эмфатическое – в эмоционально-волевом [Матусевич 1976].

Итак, назначение логического ударения заключается в выделении смыслового центра высказывания, привлечении внимания слушателя к наиболее важному элементу в предложении, уточнении высказанной мысли. При этом, согласно Т.М. Николаевой, выделенное слово может иметь внеконтекстный ассоциативно противопоставленный член (как существующий реально, так и выражаемый абстрактной подстановкой типа «а не...»), вместе с тем выделение может быть «чистым» (случай, когда ощущаемого противопоставления нет) [Николаева 1977]. Примеры¹ из нашего корпуса: в высказывании *Вот если инициатором [переговоров] будет не Трамп в какой-то комнате, а если **мы** найдем какую-то светлую комнату в Кремле* выделение сопровождается явным противопоставлением, выраженным в тексте «не Трамп, а мы». В другом примере *Европа сказала: «Не будем покупать Harley-Davidson». Да ради бога, если б **мы** сказали, что не будем, я был бы рад* противопоставление осознается явно (мы, а не они; Россия, а не Европа), однако оно не выражено в тексте. Примером «чистого» выделения может служить высказывание *За три года производство выросло на **двенадцать** процентов, представляете,* где противопоставление слова «двенадцать» другому слову не осознается настолько отчетливо.

Как указывает Т.М. Николаева, основное свойство акцентного выделения – «выводить высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится» [Николаева 1982: 15]. Например, наводящий вопрос

---

¹ Иллюстративный материал выделяется курсивом, логическое или эмфатическое ударение отмечается знаком ' над словом, полужирным шрифтом отмечаются вербальные акцентуаторы или те речевые сегменты, которые выделяются невербальными акцентуаторами (жестами, мимическими движениями и др.).

телеведущего *Чья заслуга в этом?* имплицитно содержит в себе ответ, который затем будет дан одним из участников программы «Российские политики предпринимали активные действия, чтобы избежать ущерба экономике». В высказывании *В гонке вооружений рискует проиграть народ* выражается мысль о том, что говорящему важны интересы людей, а не инициаторов гонки вооружений.

В ряде случаев логическое ударение может выделять единицы, которые обычно во фразе лишены ударения, например, служебные слова или отдельные морфемы. Так, в высказывании *А вот, скажем, антитеррористические задачи НАТО совершенно не решает* логическим ударением выделяется префикс *анти*. В высказывании *Она не исключила, Грэг, слушайте внимательно: не исключила, что эта пара из Эймсбери отравилась остатками от той партии «Новичка», которая была использована в деле против Скрипалей* автор сообщения дважды выделяет логическим ударением частицу *не*. В высказывании *Поэтому это [импортозамещение] началось до введения санкций* логическое ударение падает на предлог *до*.

Отметим интересный факт. Логическое ударение в единстве с другими компонентами интонации может выделять не только отдельное слово, но и словосочетание. В таких случаях логическое ударение падает на одно из слов в выделяемом фрагменте речи (как правило, первое), а остальные слова произносятся с замедлением темпа речи или увеличением силы голоса, иногда с более продолжительными паузами между словами. Например, в высказывании *Он это делает исходя исключительно из своих корыстных американских интересов* логическое ударение падает на прилагательное *корыстных*, но при этом все три слова выделяются существенным замедлением темпа речи.

Иногда выделяются и более крупные сегменты речи. В этих случаях говорящий усиленным ударением акцентирует целый ряд следующих друг за другом слов. На слух такое произношение воспринимается как своего рода скандирование. Функция смыслового акцента при этом несколько ослабевает,

поскольку сокращается фон выделения. Пример: *В том числе и торговую войну, которую он параллельно начинает, в том числе и воздействие **точечное** на конкретных **лидеров** европейских. Все инструменты используются для **того**, чтобы **опять** создать обстановку **управляемости, лояльности, инструментальности**. **Это** главная цель.*

Приведенный фрагмент произнесен громче предшествующих и последующих речевых сегментов. При этом логическим ударением в нем выделено 7 слов из 35. Характерно, что ряд однородных членов *...управляемости, лояльности, инструментальности...* сопровождается не только «интонацией скандирования», но и особой жестикуляцией. Чаще всего, согласно нашим данным, жестикуляция перечисления совершается раскрытой ладонью, но в данном случае жест производится рукой, сжатой в кулак, с резким движением вниз на каждом ударном слоге, что делает жестикуляцию более экспрессивной.

Интересен случай, когда телеведущий побуждает участников программы четче выражать свою мысль, акцентируя с использованием логического ударения те или иные слова. Пример:

Выступающий: *В России есть устойчивый рост сельского хозяйства, пять-шесть процентов годовых...*

Ведущий: *Это **благодаря**, Вы считаете, санкциям? Или контрсанкциям?*

Выступающий: ***Исключительно** благодаря санкциям...*

Иногда телеведущий повторяет реплики собеседника, выделяя в них логическим ударением то или иное слово или интонационно обособляя определенный сегмент речи.

Выступающий: *За это же время они хотят выжать из Европы и других союзников **максимально**, ну я так полагаю, что миллиардов до пяти-шестисот они могут дотянуть, а это очень большой кусок...*

Ведущий: ***Один** триллион пятьсот миллиардов.*

Другой тип выделения, который регулярно встречается в политических ток-шоу, – **эмфатическое ударение**, т.е. «эмоциональное выделение одного из слов высказывания» [Матвеева 2010, с. 542]. Эмфатическое ударение, как и логическое,

является прежде всего смысловым, но «отражает эмоции говорящего, его аффективное состояние по поводу различных факторов, выражаемое в данном случае» [Матусевич 1976].

В классической отечественной литературе звуковые средства выражения эмоций описаны Л.В. Щербой. Согласно ученому, одним из фонетических средств при положительных эмоциях является удлинение ударного гласного, а также и с более четким качеством, например, во фразах, сказанных с эмоцией восторга [Щерба 1963]. Характеристика русского эмфатического ударения дополняется и уточняется в ряде работ. Так, отмечается, что эмфатическое ударение не всегда создается удлинением ударного гласного. В эмотивном контексте, зависящем от характера эмоции, проявляются и другие закономерности. В русском языке положительные эмоции (восхищение, умиление, нежность) обычно сопровождаются удлинением ударного гласного (*У него прекра-асная работа*), а отрицательные (угроза, гнев) – удлинением согласного, предшествующего ударному гласному (*Ч-черт возьми!*) [Златоустова 1957; Матусевич 1976]. Однако, как считают некоторые авторы, указанное различие может быть связано с различием эмоций по признаку не положительности – отрицательности, а энергичности – вялости эмоций [Осипов 2003].

Емкую характеристику эмфатического ударения дал в своих работах Л.Р. Зиндер: «В русском языке эмфатическое ударение осуществляется главным образом посредством замедления или, наоборот, убыстрения всего выделяемого слова и особенно ударенного слога» [Зиндер 1979, с. 280]. Выражение уверенности, несомненности предполагает удлинение гласного звука, в случае же категорического утверждения отмечается краткое, но максимально энергичное произношение.

Таким образом, эмфатическое ударение усиливает эмоциональную окраску слова, выражает эмоциональное состояние говорящего в связи с передаваемой информацией.

В нашем корпусе наиболее часто встречается эмфатическое ударение, посредством которого говорящие выражают отрицательные эмоции. Например,

в высказывании *К химической промышленности имеет отношение, а вовсе не к нашему фермерскому хозяйству* с помощью эмфатического ударения выражается возмущение. В другом высказывании *Вот мы ответы на эти вопросы не получили, а с Вашей подачи вынуждены обсуждать вот этот бред* эмфатическим ударением выделяется частица *не*, чем выражается недовольство и раздражение. В спорах возражение часто сопровождается эмфатическим ударением с ярко выраженным возмущением, например: *Как нет смысла? Они договорились там на переговорах.*

Поскольку той или иной эмотивной тональностью могут быть охвачены значительные по размеру фрагменты текста, в этих фрагментах эмфатическим ударением могут быть выделены многие слова. Например, высказывание *Понимаете, это накануне необходимо демонизировать Россию еще раз. Вбросить всю информацию о России. Да, это страна, которая абсолютно непредсказуема, которая готова на всё!* произносится с интонацией негодования, крайней степени возмущения, при этом эмфатическим ударением выделяются 4 слова из 23.

В создании смыслового акцента принимают участие и **паузы**, т.е. «перерывы в звучащей речи, с помощью которых речевой поток делится на порции – сегменты» [Матвеева 2010, с. 299]. С акустической точки зрения пауза определяется как падение интенсивности до нуля, отсутствие речевого сигнала [Светозарова 1982]. Как отмечает Э.А. Нушикян, «пауза используется говорящим для отделения одной синтаксической единицы от другой, а различный тип паузы выражает характер связи между единицами текста» [Нушикян 1986, с. 86].

Паузы классифицируются по ряду признаков. По связи со смысловой стороной высказывания паузы разделяются на семантические и асемантические, по принципу спонтанности паузы разделяются на запланированные и незапланированные; по размеру единиц, которые разделяет пауза, выделяются межсинтагменные, межфразовые паузы и паузы между фоноабзацами [Антипова 1979; Светозарова 1982; Цеплитис 1974]. По причинам возникновения и предназначению паузы делятся на физиологические (обусловленные ритмом

дыхания), логические (обусловленные смысловым, в том числе грамматическим, делением речевого потока на сегменты), психологические (обусловленные отношением говорящего к предмету речи) [Матвеева 2010].

В политических ток-шоу часто встречаются паузы всех типов. Очевидно, что в роли средств акцентности могут выступать только те семантические паузы, которые выражают дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки (обычно в сочетании с иными компонентами интонации). Другими словами, акцентуаторами являются такие логические и психологические паузы, которые обусловлены в первую очередь смысловым членением речи или эмоциональным отношением говорящего к предмету речи, другим компонентам коммуникативной ситуации.

Основная семантическая функция таких акцентирующих пауз заключается в выделении слов, несущих дополнительную смысловую нагрузку, в придании речи экспрессии. Такие значимые паузы могут как предшествовать значимому с позиции говорящего фрагменту высказывания, так и следовать за ним.

Предшествующие паузы создают напряжение ожидания перед продуцированием высказывания, содержащего важную для автора мысль. Так, в высказывании *Это проекция военно-политической мощи Соединенных Штатов Америки* [пауза] *на важнейший Европейский континент* пауза предшествует выделяемому словосочетанию, первое слово которого усилено еще и логическим ударением. В высказывании *Вы с этим сами соглашаетесь, хоть и косвенным образом, это,* [пауза] *действительно, звенья одной цепи* после паузы на слове *действительно* не следует явного логического ударения, но при этом фрагмент речи произнесен с существенным замедлением темпа речи.

Паузы, следующие за акцентируемым фрагментом, дают собеседнику время обдумать сказанное. Например, в высказывании *Первая задача – это прежде всего поставить барьер,* [пауза] *повысить цену повышения санкций* пауза следует сразу после слова, на которое падает логическое ударение и которое сопровождается иллюстративным жестом. В высказывании *Это мировой рекорд* [по росту показателей производства], [пауза] *так в мире нигде не растет* отсутствуют иные

интонационные маркеры значимости информации, здесь лишь пауза выполняет функцию акцентного выделения.

Кроме того, паузы отмечаются при парцелляции. Например: *В этом году Бельгия попыталась закупить Ф-35 на смену своим Ф-16 [пауза]. Без тендера [пауза]. Так Франция тут же заявила протест...*

С точки зрения актуального членения предложения парцелляция выделяет и усиливает наиболее важную для автора информацию путем создания в высказывании одного или нескольких дополнительных релативных центров [Копнина, Сквородников 2012]. В приведенном выше примере паузами обособлено принципиально важное для обсуждения условие (*Без тендера*).

2.1.2. Лексические средства акцентности

Лексическими акцентуаторами являются слова, в предметно-логической семантике которых присутствуют семы выделения, усиления, либо слова, в которых эти семы отсутствуют, но которым присуща яркая эмоциональная окраска.

В первую очередь к таким средствам относится так называемое **лексико-семантическое выделение**, т.е. слова и коммуникативные фрагменты, усилительно-выделительная функция которых определяется самой их предметно-логической семантикой. Под коммуникативными фрагментами мы, вслед за Б.М. Гаспаровым, понимаем «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров 1996, с. 188]. Лексико-семантическое выделение осуществляется с помощью некоторых оценочных прилагательных и предикативов (например, *главный, ключевой, первостепенный, решающий, важно, заметно, примечательно*), существительных (*приоритет, суть*), глаголов (*выделить, подчеркнуть*), коммуникативных фрагментов (*делать упор на что-либо, обратить внимание, особо отметить, первым делом, ставить во главу угла*). Например: *...его политика совершенно четко отражает его **главный** тезис: Америка прежде*

всего; ...для них очень **важно** понять, а вот как себя в этой ситуации поведет Россия; ...и в этом **ключ** к понимаю ситуации; **Я подчеркиваю**, что, если мы посмотрим динамику проведения различных терактов в разных странах, везде есть определенный механизм; **Невозможно не заметить** санкции и контрсанкции, и их влияние...; ...их внешняя политика **делает упор** на силу.

При этом нередко в рамках одного высказывания могут использоваться две или более реализации лексико-семантического выделения или одна его реализация может повторяться дважды (как дословно, так и с синонимическими вариациями). Например, в высказывании *И главное в этой истории, что, я подчеркиваю, это в определенной степени имеет отношение к терроризму* внимание слушателя привлекается прилагательным *главное* и перформативом *подчеркиваю*. В другом примере *Самое главное, самое главное, вот мы понимаем, что США готовится к огромной сделке с Россией...* повторяется два раза превосходная степень прилагательного *главный*. В высказывании *вот Игорь Николаевич сказал ключевую вещь, ключевую мысль: союзы военные, они являются функцией интересов государств, а не наоборот* выделение подчеркивается словосочетаниями *ключевая вещь* и *ключевая мысль*.

Регулярно лексико-семантическое выделение используется в составе проспективных (реже ретроспективных) синтаксических конструкций. Зачастую они выступают в качестве рефлексивов – «относительно законченных метаязыковых высказываний, содержащих комментарий к употребляемому слову или выражению» [Вепова 2003, с. 3]. Например: *А сейчас я хотел бы сказать главную вещь...; Но принципиально важно следующее...; Уже перехожу к сути вопроса...*

В роли акцентуаторов могут выступать слова и устойчивые словосочетания, выделяющиеся своим стилистическим значением – экспрессивно-эмоциональным (*бурда, ересь* в значении «вздор, чепуха», *идиот, клевать* – «бранить, нападать на кого-л.», *наплевать* – «отнестись с презрением к кому-чему-л.») или функциональным, с окраской научного либо официально-делового стиля, которая контрастирует с общей тональностью речи (*атрибутивный, возыметь*

действие, ковалентные связи; лицо в значении «человек, личность», *нереферентный* и др.). Среди акцентуаторов этой группы регулярно встречаются архаизмы и историзмы, употребляемые в ироничном контексте (*вещать, серебреник, столпы*), просторечные и жаргонные слова (*дохлый, отдуваться, сожрать; понты, шестерка*), англицизмы (*косплеющий, мейнстримный, месседж, профит*).

2.1.3. Морфологические средства акцентности²

На морфологическом уровне активно используются такие акцентуаторы, как некоторые модальные частицы, наречия меры и степени, сравнительная степень прилагательных и наречий, междометия.

Как известно, **модальные частицы** вносят в предложение самые разные значения субъективного отношения к сообщаемому: оценку, качественную характеристику, согласие или несогласие, предупреждение, угрозу, опасение; предложение, принятие, допущение, сомнение, неуверенность, неопределенность отношения к кому-чему-либо, удивление, уверенность, а также стремление к смягченности, сглаженности, нерезкости выражения [Русская грамматика 1980а]. Кроме того, с помощью этих частиц может усиливаться, акцентироваться содержание того или иного речевого сегмента. Это, например, такие частицы, как *ведь, вон, вот, всего, всего-навсего, да, еще, же, и, и есть, именно, как, есть, ли, лишь, ну, оно, просто, прямо, таки, так-таки, те, тебе, только, уж, это* [Русская грамматика 1980а, с. 727].

Отмечается, что «модальные частицы, выражающие непосредственные реакции, отношение к сказанному, оценку, обладают способностью сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложении легко возникают и легко распадаются, видоизменяются. Такие комплексы организуются вокруг одной частицы, усиливая или дополняя ее значение очень тонкими смысловыми оттенками» [Русская грамматика 1980а, с. 729]. Так, например, при акцентирующей

---

² В соответствии с традицией части речи были отнесены к области морфологии.

частице *уж* могут формироваться комплексы *уж и, а уж, да уж, уж и... же*, при частице *вот* – *вот ведь, вот же, а вот, вот-то, ну вот, вот и, ну вот и*, при *ну* – *ну вот и, ну и, ну уж, ну и... же*. Подобные комплексы весьма характерны для политических дискуссий.

В зависимости от контекста частицы и их сочетания, помимо акцентирования тех или иных слов или словосочетаний, могут дополнять предложение значениями ограничения, положительной или отрицательной оценки, уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, невозможности и др. [Русская грамматика 1980а, с. 728]. Например, акцентирующие модальные частицы (преимущественно определительно-уточняющие, выделительно-ограничительные, усилительные) и комплексы таких частиц реализуют значения *выделения и усиления* (*это же надо еще и избирателям... как-то продать этот разворот; НАТО и США в Европе нужны в том числе даже в большей степени... для сдерживания Германии; именно вот эту возможность... они как раз и покрываются НАТО; мы по номиналу вышли уже на одиннадцатое место в мире...*), *ограничения* (*Наши земли мы будем защищать только через военный паритет; Но если мы взамен получим лишь обещания..., то это очень неправильно...; ...исключительно благодаря санкциям*), *уточнения* (*Это экономика, но ведь есть еще и политика...; ...для них, конечно, это ощутимо, если мы уж говорим о продовольственной безопасности; И мы их, очевидно, обгоним как раз за счет этого года; ...любая страна в мире, даже у которой гигантский потенциал..., подумает пятнадцать раз*), *допущения* (*...в преддверии противостояния с Китаем Россия нужна США ну как минимум как нейтральная сторона; У американцев сейчас решающим театром военных действий становится Восточный, Тихоокеанский, ну и с Индийским там...; ...и есть хоть какой-нибудь ресурс для того, чтобы чувствовать себя более-менее в безопасности*). Рассматриваемые частицы выполняют усилительную функцию, осложненную различными модальными оттенками, и в различных контекстах выражают согласие с оппонентом (*Вот ее и можно считать каким-то положительным исключением*), возражение (*Так где же вопрос закрытый...*), протест (*...раз, и все, и все забыли*,

*ну что за ерунда), пренебрежение (...**ну какие там** угрозы от России), осуждение (...**ну как** можно требовать от нас ну эти 2 %, **ну** это совсем неправильно со стороны Соединенных Штатов) или насмешку (...в Европе **вот куда только** ни помотришь, все друг друга нежно любят).*

В роли акцентуаторов выступают и отрицательные частицы. Так, частица *ни* реализует отрицательно-усилительное значение: ... *ни одной стране; ...ни одного кавказца; ...ни во Львове, ни во Львовской области.* В качестве акцентуаторов используются также местоименные слова с префиксом *ни-* (*никак, нисколько, нимало, ничуть*) в составе конструкций *никак не, нисколько не, никогда не*: *У нас стали делать оборудование, которое **никогда не делали**; Безусловно, **никто не подвергает сомнению** стратегическую идею существования трансатлантического единства; Меня сейчас больше интересует Россия, а **никак не** Украина.*

Семантику акцентного выделения могут выражать **наречия меры и степени**: *очень, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне* [Русская грамматика 1980а, с. 701]. Эти наречия обычно используются в сочетании с качественными прилагательными, которые выражают авторскую оценку чего-либо. При этом сами наречия, помимо усилительной семантики (*и решает их **весьма** эффективно; но войсковое наполнение **чрезвычайно** слабое; инструменты [влияния] **довольно** значительные у Соединенных Штатов Америки*), нередко выражают модальность уверенности (*они **совершенно** сознательно вводят в заблуждение; Мы про это забыли, что **абсолютно** неверно; Мы просто пользуемся этой ситуацией, **очень** правильно пользуемся*).

Кроме того, в ряде случаев значение высокой степени проявления признака (состояния) может быть выражено некоторыми наречиями в производных значениях, например: ***смертельно** напуганы; это **фантастически** нереалистичная версия; **бесконечно** враждебный образ России; **просто чудовищно** унижен.*

Выделение значимой для автора информации зачастую усиливается использованием **компаративов**, причем преобладают формы превосходной степени, например: *Это все сейчас находится под жесточайшим контролем американских и вообще западных спецслужб; Украина наиболее важная для Соединенных Штатов в противостоянии с Российской Федерацией*³.

Средствами акцентности являются и **междометия**. Они участвуют «в выражении субъективно-модальных значений, разнообразных эмоциональных реакций, акцентирования, усиления или интенсивности» [Русская грамматика 1980б, с. 228]. Как показывает анализ нашего материала, в политических ток-шоу междометия, выражающие усиление, интенсификацию, встречаются крайне редко. Большинство междометий наряду с «пустыми словами», повторами, неречевыми звуками обычно заполняет паузы хезитации. Вместе с тем встречается и намеренное использование междометий в чужой речи для придания ей большей экспрессивности, для создания комического эффекта при выражении чьей-то предполагаемой эмоциональной реакции на события. Например: *Госпожа Меркель говорила: «Ай-ай-ай, как нехорошо, ну как можно требовать от нас ну эти 2 %»; Ну, общественное мнение уже все понимает: «Черт возьми, вот то же самое, тот же “Новичок”!»*.

2.1.4. Синтаксические средства акцентности

Среди синтаксических средств акцентности встречаются следующие: инверсированный порядок слов, вводные слова и вставные конструкции, некоторые сложноподчиненные предложения местоименно-соотнесительного типа, некоторые сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, а также некоторые конструкции с противительными союзами.

---

³ В устной спонтанной речи формы сравнительной степени зачастую образуются с ошибками: *Слушайте, если вы не договоритесь с Россией, то вы договоритесь с Россией на более худших для себя условиях; Притом, что сегодня самое наиболее часто употребляемое слово – «деньги», это спор и вопрос не о деньгах.*

Функцию акцента часто выполняет **инверсия**. Нарушая обычный стилистически нейтральный порядок слов в предложении, она тем самым привлекает внимание слушателей.

Инверсия, обусловленная актуальным членением предложения, заключается в постановке ремы перед темой или между частями темы. При этом отмечается, что в экспрессивных вариантах предложения «рема выделяется сильнее, чем в стилистически нейтральных вариантах, а тема (как правило, обозначающая данное) обладает незначительной коммуникативной значимостью и занимает интонационно слабую позицию» [Русская грамматика 1980б, с. 202].

Нужно отметить, что в политических ток-шоу активно используется как полная, так и частичная инверсия. Что касается первой, то в ней «синтаксические группы контекстуально независимого предложения выстраиваются в обратном порядке по сравнению со стилистически нейтральными вариантами» [Русская грамматика 1980б, с. 202]. Рассмотрим несколько примеров (здесь и далее слева представлены экспрессивные варианты расположения слов, справа – их стилистически нейтральные эквиваленты).

*Все эти цели обеспечивало **НАТО**.*

НАТО обеспечивало все эти цели.

*Всего остального **им хватало**.*

Им хватало всего остального.

*Платить должны **они**.*

Они должны платить.

В высказывании *Все эти цели обеспечивало НАТО* субъектом речи акцентируется аббревиатура *НАТО*, поскольку в результате инверсии она стала компонентом ремы. Аналогичным образом в высказывании *Всего остального им хватало* акцентируется словосочетание *им хватало*. В высказывании *Платить должны они* выделяется местоимение *они*.

При частичной же инверсии «часть синтаксической группы выносится в начало предложения, а другая часть занимает конечную позицию» [Русская грамматика 1980б, с. 202]. Предложения с частичной инверсией отличаются рамочной акцентной структурой, т.е. предложение делится на две синтагмы и, соответственно, имеет два интонационных центра, которые приходятся на первый и последний ударный слог предложения.

Отметим, что в нашем материале выделение интонационных центров в большинстве случаев сопровождается жестовым ударением.

Приведем несколько примеров:

Европейцев эта ситуация
устраивала **почему?**

Реально у Зеленского власти **нет**.

Поэтому **постепенно** это и **будет**
происходить.

Почему *европейцев* устраивала эта
ситуация?

У Зеленского **реально нет** власти.

Поэтому это и **будет** происходить
постепенно.

В первом из приведенных высказываний частичная инверсия служит акцентному выделению существительного *европейцев* и местоименного наречия *почему*, во втором высказывании – наречия *реально* и отрицательного слова *нет*, в третьем – наречия *постепенно* и глагола *быть (будет)* в составе аналитической формы будущего времени.

Кроме того, нередко наблюдается изменение привычного порядка слов в субстантивных словосочетаниях с прилагательными: прилагательное выносится в постпозицию при стремлении выделить и подчеркнуть признак лица или предмета в ряду им подобных [Русская грамматика 1980б, с. 203]. При этом, как отмечает А.П. Сквородников, «дистантное расположение членов инверсируемого словосочетания усиливает стилистический эффект инверсии» [Сквородников 2011, с. 138].

Примеры:

Удастся отчасти использовать
угрозу российскую

Более того, это о **сертификации**
добровольной...

...некоторые наши эксперты
создают **реальность**
несуществующую.

Удастся отчасти использовать
российскую угрозу

Более того, это о добровольной
сертификации...

...некоторые наши эксперты
создают **несуществующую**
реальность.

Важно отметить, что инверсия в рамках словосочетания встречается регулярно, но далеко не всегда она выполняет функцию акцента. Нужно оговорить,

что нередко инверсия вызвана спонтанностью речи и не служит цели смыслового выделения.

Категория акцентности реализуется некоторыми **вводными словами** (а также **сочетаниями слов и вводными предложениями**). В первую очередь это слова и предложения, семантика которых описывается «Русской грамматикой» следующим образом: «Значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника выражается такими вводными словами, сочетаниями и предложениями, как *напоминаю (напоминаем, напомню, напомним), повторяю, подчеркиваю, что важно, что еще важнее, что существенно, что еще существеннее, представьте, представь себе, поверьте, поверите, поверишь ли, вообразите, не поверишь, согласишь, заметьте, заметим, можете себе представить, например, к примеру*» [Русская грамматика 1980б, с. 230].

В политических ток-шоу вводные слова и предложения, которые совмещают контактоустанавливающую функцию с функцией выделения, встречаются довольно часто. Например: *...за три года оно выросло на двенадцать процентов, представляете...; Тут важна динамика, согласитесь; Понимаете, когда ограничивается импорт, все население страны делится на две неравные группы.*

В рассмотренном материале вводными словами регулярно выражаются и другие модусные смыслы, в том числе эмоциональные и рациональные реакции. Хотя оценка далеко не всегда акцентируется, поле ФССК акцентности частично пересекается с полем ФССК оценки [Очерки... 1998; Иванова 1988]. Так, роль акцентуаторов регулярно выполняют вводные слова и словосочетания, выражающие оценку сообщаемого с точки зрения достоверности. Функцию выделения или усиления могут выполнять, например, такие слова, как: *без сомнения, бесспорно, вероятно, действительно, думаю, кажется, конечно, может быть, наверное, по-видимому, пожалуй, полагаю, [само собой] разумеется.* В перечне этих слов в роли акцентуаторов наиболее часто встречаются слова, подчеркивающие высокую степень уверенности говорящего. Например: *Безусловно, никто не подвергает сомнению стратегическую идею существования*

трансатлантического единства; Мы их, **очевидно**, обгоним, я так думаю, как раз за счет этого года, поэтому катастрофы нет; ...для них, **конечно**, любой запрет, любой запрет импорта – это благо; Сегодня мы видим, что да, **действительно**, за прошедшие 4 года это происходит.

В некоторых случаях акцент реализуется и с помощью вводных слов, которые указывают на связь мыслей, последовательность изложения, причинно-следственную связь, а именно: *итак, значит, наоборот, кроме того, более того, кстати, наконец, к примеру, с одной стороны, во-первых* и т. д. Объясняется это тем, что политические ток-шоу нередко включают в себя рассуждения, главная мысль в которых выделяется и усиливается подчеркнутой логичностью изложения. Здесь обнаруживается взаимодействие стилевых черт публицистической и научной речи. Вводные слова, как уже отмечалось, могут подчеркивать:

порядок изложения: *Ну, во-первых, ... церковный раскол на Украине теперь уже становится неизбежным. А во-вторых, важный шаг такой символический Киев сделал в поощрении экстремизма... Ну и, наконец, третье, готовность украинских властей совершать диверсии...;*

отношение основания-вывода: *Но почему бы действительно там не создать какие-то свои вооруженные силы. Таким образом, вы сами занимаетесь своей безопасностью и не зависите от Америки; Смотрите, сейчас вы платите 1 % от ВВП. Значит, до 24-го года вы должны еще 1 %;*

соотнесение, сопоставление фактов: *Это показывало нам, насколько, с одной стороны, украинское государство пытается вернуть себе внутренний суверенитет и вернуть себе государственность. А с другой стороны, насколько с этим государством борются изнутри эти же люди; С одной стороны, это может быть смешно, с другой – я уже слышал именно такие предположения;*

противопоставление: *Напротив, они подозревают, что господин Трамп не особо в этом заинтересован; Ожидали же, что будет какой-то внутренний конфликт, а общество, наоборот, консолидировалось;*

обобщение: *И это связано, в общем-то, не с происками террористов, а просто потому что; ... четырнадцать сотрудников за последние годы ушли*

из жизни посредством убийств, самоубийств, **в общем**, при странных обстоятельствах;

важность последующей фразы: **Более того**, мы субсидировали своими нефтяными и газовыми поставками вашу экономику; Экономика России, конечно, выстояла, **более того**, она показывает рост полтора процента с тенденцией к увеличению.

В роли акцентуаторов могут выступать некоторые **вставные конструкции**. Они, как известно, вносят в предложение дополнительные сведения, попутные замечания, уточнения, в том числе со значениями несомненности, важности сообщаемого. Приведем примеры: *И тут Меркель делает заявление: «Мы должны активно сосредоточиться на обороне альянса из-за действий России – **внимание, и опять** – и для этого необходимо нам, конечно, увеличивать оборонный бюджет стран – членов НАТО»;* И логика заключается в том, что уже стал появляться – **его невозможно спрятать** – социальный статус этих ребят, которые отравились.

В данных примерах вставные конструкции совмещают значение попутного замечания с семантикой значимости чего-либо, выраженной и интонационно (отмечаются интонация включения, понижение тона, ускорение темпа речи).

Акцентность создается и с помощью слов выделительно-усилительной семантики – определительного местоимения *такой*, местоименного наречия *так*, которые указывают на степень проявления признака [Ожегов 1996] и регулярно используются в главной части сложноподчиненных предложений местоименно-соотнесительного типа. Например: ... *вес Бухарестской группы просто **такой** незначительный, что и говорить тут не о чем; и вот она, эта неприязнь, **такая** неприязнь, что кушать не могу; ... тебя **там** за это так заберут в тюрьму, что у тебя пиджак завернется.*

Семантикой акцентности характеризуются и сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, в главной части которых используется опорное слово со значением уверенности, или же это значение имеет словосочетание с опорным словом. Например: *Но **опять-таки** я **глубоко убежден**,*

что это спор и вопрос не о деньгах; Уверен, что он наследил еще давно...; Я совершенно точно помню, как он рассказывал, что сейчас россияне будут ежей от голода; Я точно знаю, что это не так.

Акцентуаторами являются также конструкции с отрицанием *не... а* и *а... не*. Например: *Якуб, только единственное, вы не клиенты США, а клиентела; Если дойдет до реальных действий, а не трескотни в медиасфере...; То есть то, как работает НАТО, должно отвечать интересам национальным, а не национальные интересы должны отвечать... абстрактной идее союза.*

2.2. Речевые средства акцентности

К их числу относятся лексический и синтаксический повторы в границах сверхфразового единства, вопросно-ответный ход, чужая речь, перформативы, ирония, особая организация сверхфразовых единств, риторические вопросы и восклицания.

В речи участников политических ток-шоу встречаются разного рода **повторы**, на которых строятся многие стилистические приемы. В зависимости от повторяемой единицы, ее принадлежности к определенному уровню языка принято различать: повторы звуковые (аллитерация, ассонанс, рифма), морфемные повторы (гомеология), лексические (позиционно-лексические повторы, лексическая анафора, эпифора), морфологические (повторение грамматических форм), синтаксические (синтаксический параллелизм). При этом отмечается, что для всех повторов «характерна функция эмфатизации высказывания» [Сковородников 2011, с. 232]. В политическом телеэфире выступающие, как правило, прибегают к лексическим и синтаксическим повторам.

Позиционно-лексический повтор заключается в том, что «в синтаксической конструкции (предложении или сложном синтаксическом целом) несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением» [Сковородников 2011, с. 234]. В политических ток-шоу активно используются все типы позиционно-лексических повторов [Сковородников 2011, с. 235]. Повторяться могут одиночные лексемы (*У нас цена*

снижается. Каждый год по мере роста производства она снижается), словосочетания (*там ведь бешеные суммы на самом деле, бешеные суммы*), предикативные группы (*Он действительно собрал штаб, он действительно собрал и начал делать*). Повторяемые единицы могут располагаться в речи как контактно (*Никакого. Никакого абсолютно смысла нет*), так и дистантно (*Импортозамещение произошло задолго до этого. Наши первые программы... <...>. Поэтому это началось задолго до этого*).

В политических ток-шоу нередко встречаются и вариативные повторы говорящим одной и той же мысли, призванные выделить ее как значимую. В лингвистическом плане это повтор предложений с близким (иногда почти повторяющимся) лексическим составом. Например: *У вас есть два варианта: вы можете лечь, а можете пытаться что-то развивать. Вариантов всего два; ...внешняя политика Америки делает упор на силу и угрозу силой. <...> Нет дипломатии, да силе и угрозе силой*.

С помощью позиционно-лексического повтора, реализующего прежде всего выделительно-усилительную функцию, могут актуализироваться и некоторые другие субъективно-модальные значения. Например, «повторением именных форм может выражаться значение множественности, полноты, интенсивности или исключительности» [Русская грамматика 1980б, с. 221–222].

Так, в высказывании *Наберите* [в поисковой строке] *«Зеленский в Мариуполе»* и увидите: *фонтан, фонтан, фонтан, фонтан, фонтан...* повтором усиливается значение множественности. В высказывании *... первая группа очень важная, уважаемая... – производители, это производители, да* подчеркивается значимость для социума названной группы людей.

Помимо позиционно-лексических повторов в политических телепрограммах регулярно встречается **синтаксический параллелизм**, который, как известно, подразумевает полное или частичное тождество в строении синтаксических конструкций. Базовыми функциями синтаксического параллелизма являются строевая и усилительно-выделительная, при этом в ряде стилистических фигур, построенных с участием синтаксических повторов, усиливаются дополнительные

значения: синтаксический параллелизм «в климаксе служит для усиления нарастающей градации, в антиклимаксе – для усиления убывающей градации, в антитезе – для выделения контраста, в полисиндетоне – для усиления эмоционального напряжения, динамики происходящего, выделения членов перечисления» [Сковородников 2011, с. 300].

В политических ток-шоу синтаксический параллелизм, как правило, контактный, т.е. это «параллелизм смежных синтаксических конструкций» [Сковородников 2011, с. 298]. Например: *...он это переносит на международные отношения: США и Европа, США и Азия, США и Ближний Восток; Это проекция военно-политической мощи Соединенных Штатов Америки... Это противостояние коммунистическому блоку... И это удержание Европы...*

В выступлениях участников телепрограмм синтаксический параллелизм чаще всего организуется предикативными частями сложных предложений (*Пошехонский был – нету, костромской был – нету, все*) или самостоятельными предложениями (*Для них [туристы] – это дешево. Дальше предприниматель говорит нам, что для них санкции – это выгодно*), реже – словосочетаниями (*По Вашей логике: эти несчастные французы, эти несчастные итальянцы, что они лезут в чужую технологию*).

Кроме того, синтаксический параллелизм широко представлен в наших материалах в анафорах: *Европа сказала: не будем покупать Harley-Davidson, да ради бога, если б мы сказали, что не будем, я был бы рад. Европа сказала: не будем покупать американский виски, да, американский виски не очень хороший; Сегодня мы видим, что да, действительно, за прошедшие 4 года мы видим, что это происходит. Сегодня мы вспоминаем о футболе, да; Они все не в НАТО, а тратят очень много. Во всех этих странах довольно хорошо развита военная промышленность, они все вооружение покупают. Они все не состоят в блоке, но к войне готовы.*

Регулярно используются и эпитеты, например: *... когда создается, извините, дивизия уже целая натовская в странах Балтии, это серьезно. Когда два киберцентра для киберопераций, один в Риге, другой в Таллине, это серьезно.*

Семантика акцентирования характерна для таких синтаксических построений, которые «с большей или меньшей степенью определенности опираются на структуру вопроса и ответа или – шире – вообще диалогического единства, на сцепление реплик, на разговор» [Русская грамматика 1980б, с. 217]. К таким акцентирующим синтаксическим построениям прежде всего относится **вопросно-ответный ход**: «суть этого приема состоит в том, что в монологический текст вводится характерная для диалога вопросно-ответная конструкция (вопрос – ответ) или ее фрагменты» [Сковородников 2011, с. 83]. В литературе отмечается, что вопросно-ответный ход не только придает фрагментам монолога естественную разговорность, но и «способствует активизации внимания, выделяет наиболее важные проблемы текста» [Матвеева 2010, с. 58]. При этом роль акцентуатора выполняет именно вопрос в составе вопросно-ответного хода, ответ – выделяемый фрагмент речи.

Приведем примеры:

В России что сейчас происходит? Это подготовка предстоящей встречи людей, двух людей, которые готовы руководить миром в ближайшее время.

*Другой момент. **От чего пытаются отвлечь внимание этим фактом? Более нескольких десятков референтных лабораторий находятся на территории бывших стран Советского Союза...***

Функцию акцента в политических ток-шоу в некоторых контекстах может выполнять **чужая речь** (обычно прямая, реже несобственно-прямая). Это происходит тогда, когда автор выступления говорит от имени какого-либо политика, нередко «пародируя» его. В этом случае речь «от имени оппонента» богата различными экспрессивно-эмоциональными оттенками и всегда выполняет выделительную функцию.

Примеры с прямой речью.

(1) *Вы посмотрите, это вот та самая собственно госпожа Меркель, которая говорила: «**Ай-ай-ай, как нехорошо..., это станет нагрузкой такой, что просто ой-ой-ой...**». <...> И тут Меркель делает заявление: «**Мы должны активно сосредоточиться на обороне Альянса из-за действий России**»...*

В приведенном выше фрагменте текста автор использует прямую речь, чтобы показать изменение мнения политика и выразить неодобрение этого. Отрицательная оценка политической позиции Меркель получает саркастическую окраску, создаваемую использованием междометий (*ай-ай-ай, ой-ой-ой*), последующей эмотивной оценкой (*чемпион мира по переобуванию в воздухе*).

(2) *Трамп, который будет встречаться с Путиным тет-а-тет, скажет ему: «Володя, зачем ты травмишь английских наркоманов? Это просто неприлично».*

Здесь прием «пародирования» обнаруживает абсурдность ситуации и, как следствие, несостоятельность аргументации оппонента.

Периодически встречается несобственно-прямая речь, в которой отсутствуют индикаторы прямой или косвенной речи. Например, в речевом фрагменте *Не, я про немцев говорю, ... у них просто огромные проблемы там с войсками. А давайте потратим эти деньги лучше на свою армию, зачем, собственно, мы опять в эту кубышку натовскую, потом эти деньги, собственно, по другому каналу уходят в Америку...* несобственно-прямая речь используется для иллюстрации негативного отношения к вопросу увеличения взносов в бюджет НАТО.

Отметим также, что при спонтанной речи говорящий может несколько раз переходить с авторской речи на чужую речь в выделительно-экспрессивной функции в рамках одного сверхфразового единства: *...при этом другие, значит, страны НАТО, у которых деньги есть, и они говорят, что мы, конечно, можем добить до этих 2 %, но лучше, говорят они, вот эти вот колоссальные деньги, потому что эти там ноль-восемь от ВВП, еще вот эти там небольшие значения, лучше эти деньги давайте мы потратим на собственную армию, потому что посмотрите, на что похожа наша армия...*

Нужно оговорить, что в изучаемых материалах выделительная функция, конечно, не является основной для чужой речи. Эту функцию, как уже отмечалось, чужая речь чаще всего приобретает тогда, когда говорящий «пародирует» своего оппонента.

В некоторых случаях внимание аудитории к значимой, с точки зрения автора, информации может привлекаться с помощью некоторых **перформативов** – «речевых актов, в которых выражение определенного действия равно осуществлению этого действия» [Матвеева 2010, с. 308]. Как правило, эти высказывания конструируются глаголами со значением говорения или мышления в форме первого лица единственного числа настоящего времени.

В политических телешоу функцию акцентуаторов наиболее часто выполняют такие перформативные глаголы, как *напоминаю*, *подчеркиваю*, *повторяю*. При этом, как правило, значение выделения рассматриваемые перформативы выражают при употреблении совместно с другими акцентуаторами (обычно с логическим ударением). Например: *Я напоминаю, что импортозамещение произошло задолго до этого; И ни в одном документе не сказано «ДНР» и «ЛНР», я это подчеркиваю; ...на кое-что отвечать необходимо, вынуждены, не мы, повторяю, начали.*

Отметим, что перформативы нередко выполняют функцию лексико-семантического выделения и выражают значение акцентирования благодаря своему лексическому значению (*подчеркиваю*) или речевой семантике (*напоминаю*, *повторяю*).

Как видно из уже приводившихся примеров, в политических ток-шоу выступающие нередко прибегают к **иронии**. Под этим термином будем понимать «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [Лит. энц. словарь 1987, с. 132]. Во многих случаях иронию помогает опознать интонация, а также мимическое и жестовое сопровождение речи.

Так, например, в высказывании *Первая группа – это производители, они уважаемые, мы очень любим российских производителей, мы их ценим...* ироничное отношение говорящего к бизнесменам вытекает прежде всего из преувеличенной, чрезмерно позитивной их оценки гражданами (*очень любим российских производителей*), из контекста и ситуации (противопоставление

производителей товаров и услуг, которые положительно относятся к санкциям, и потребителей, которые относятся к ним негативно).

Нередко выступающие прибегают к противопоставлениям, в которых нарушаются логические нормы. Прием противопоставления приводит в этом случае к комическому эффекту. Таким способом выражается ироничное или саркастичное отношение к чему-либо: *А вот основная масса населения, она пармезан не выращивает, она его ест; вы не российские граждане, вы добровольцы; Мы же с вами не женщины. Мы экономисты с вами.*

Особым способом выделения и акцентирования важных для говорящего положений является такая **организация сверхфразовых единств**, в которой с помощью числительных подчеркивается значимость, а также связь сообщаемых мыслей.

Я буквально два момента хотел подчеркнуть. Первое – когда вводились антисанкции, они так и назывались «специальные экономические меры ради национальной безопасности», не кому-то нанести вред. Второе, что я хотел сказать, что за вот эти четыре с лишним года страна из импортозависимой превратилась в экспортоориентированную.

Тогда никто не требовал увеличить финансирование до двух процентов, это раз. Экономическая ситуация в Евросоюзе была принципиально другой, это два. И это очень важно.

Мы забываем два очень важных аспекта. Первый аспект: это то, что НАТО... – это географически ограниченный блок. <...> И вторую ошибку, которую наши уважаемые гости здесь все допускают, это они считают, что у США есть безграничные ресурсы.

Риторические вопросы и восклицания используются для того, «чтобы усилить эмоциональность высказывания и привлечь внимание адресата» [Матвеева 2010, с. 399]. Тем самым они выделяют высказывание.

В политических телепрограммах риторическими вопросами или восклицаниями обычно выражается отрицательная оценка чего-либо (несогласие, недовольство, возмущение, упрек): *Что нам покупать? Опять станки и заводы,*

как Горбачев покупал?; А вы считаете, что это мы травим граждан?; Да это страна, которая готова на все!...; Да какая Премия мира – он террорист!

2.3. Невербальные средства акцентности

Напомним, что невербальные акцентуаторы, в нашем понимании, включают в себя все несловесные средства выражения значимости передаваемой говорящим информации, дополняющие и усиливающие (реже заменяющие) словесные средства.

При ограничении объекта исследования акцентуаторами, используемыми в политических ток-шоу, их целесообразно разделить на две большие группы: паралингвистические акцентуаторы (особенности голосового поведения говорящего) и кинесические акцентуаторы (знаковые движения лица и тела).

Как уже отмечалось, исследователи по-разному устанавливают границы **паралингвистической** системы. Например, в нее могут входить как голос и его постоянные качества, так и особенности коммуникативного поведения. При этом к периферии паралингвистики нередко относят звуковые явления, лишь косвенно связанные с человеческой коммуникацией, но тем не менее влияющие на нее: звуки природы, механизмов, звуки, возникающие от действий с материальными предметами (стук в дверь, звук постукивания пальцами по столу, звук от пощечины и др.).

Анализируя материал, мы уделяем внимание в первую очередь звукам речи и изменениям в голосовом поведении говорящих, нацеленным на привлечение внимания аудитории, выделение значимой информации, усиление экспрессии. Эти средства – логическое и эмфатическое ударение, паузы – традиционно изучаются в фонетике, поэтому они описаны нами в разделе «Фонетические средства» (см. с. 40).

Между тем существуют и другие неязыковые явления, способные выполнять функцию акцентуаторов. Так, например, в роли паралингвистического акцентуатора может выступать громкий звук от хлопка в ладони, призванный привлечь внимание аудитории, или звук щелчка пальцев, который указывает

на скорость или простоту описываемого действия. Однако в силу ограничений формата телепередачи (звуки, сопровождающие жестикуляцию, обычно не слышны в записи) и невысокой частоты употребления таких средств они нами далее не рассматриваются.

Кинесические акцентуаторы более разнообразны и разнородны. К знаковым формам кинесического поведения чаще всего относят мимику, жесты, позы. Рассмотрим каждый из аспектов подробнее.

Под **мимикой** мы понимаем выразительные движения лицевых мышц для выражения эмоционального состояния, чувств или коммуникативной цели говорящего. Мимика сопровождает устное сообщение, внося некоторые дополнительные смыслы в высказывание.

Отмечается, что обычно мимические выражения выполняют три функции: в первую очередь эмотивную (которая заключается в выражении чувств, внутреннего состояния человека), коммуникативную (которая отвечает за передачу адресату определенной информации и отражение межличностных отношений) и регулятивную (которая заключается в установлении и поддержании контакта с адресатом) [Крейдлини 2002].

В исследованиях обычно наибольшее внимание уделяется эмотивной функции мимических движений. Хотя существуют системы для подробного описания и классификации мимических движений (например, FACS, разработанная П. Экманом и У. Фризенем [Ekman, Friesen, с. 1978]), отметим наличие и более простых методик, в которых учитываются лишь активный орган мимического движения и интенсивность движения. Чаще всего мимические движения проявляются в мускулах глаз, реже в мускулах рта, еще реже в мускулах носа. Поэтому существует большое число вербальных описаний мимического поведения с опорой на тот или иной активный орган: глаза (широко раскрыть глаза, закатить глаза, опустить глаза, моргнуть, прищуриться), брови (поднять брови, поднять бровь, нахмурить брови, брови домиком), рот (открыть рот, надуть губы, сжать губы, улыбнуться), нос (морщить нос). Все эти примеры лицевого поведения часто встречаются в политических ток-шоу, сопровождают речь выступающих,

помогают адресату правильно оценить модальность сказанного. Но при этом функция акцентирования реализуется лишь относительно небольшим количеством мимических движений, а именно эмоциональной мимикой и мимическим ударением.

Под **эмоциональной мимикой** мы понимаем существенные и продолжительные мимические изменения, выражающие эмоции человека по отношению к обсуждаемой теме. Такая яркая (нередко «гиперболизированная») мимика позволяет автору явно выражать свою оценку чего-либо (одобрение, сожаление, пренебрежение, возмущение), а также в некоторых случаях подчеркивать важность своего сообщения или преуменьшать значимость альтернативных точек зрения.

Приведем примеры.

В высказывании *Они с самого начала что говорили? Когда русские травят там друг друга, болельщики там, это все население, ну и черт с ними – мухи и москиты!* мимикой, выражающей презрение, подчеркивается пренебрежительное отношение тех, от чьего лица говорит выступающий (см. рисунок 1).

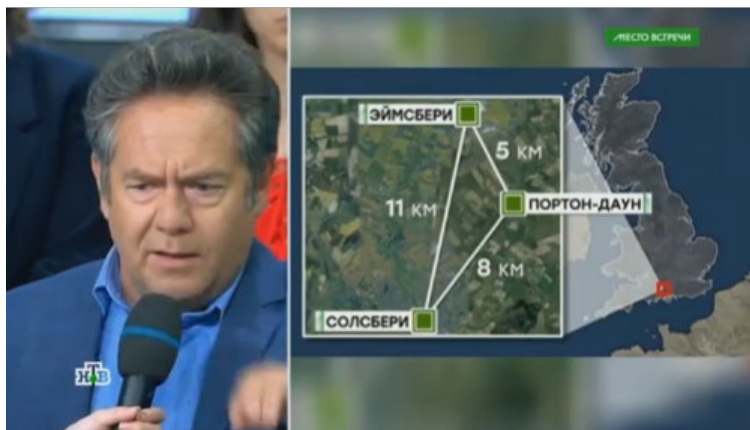

Рисунок 1

В текстовом фрагменте *...он тогда был очень перевозбужденный, но в хорошем смысле слова, и говорит: послушайте, если эти гады отменят санкции, это будет большая проблема* основная идея подкрепляется мимикой,

которая выражает легкое и юмористическое отношение к ситуации (см. рисунок 2)⁴.

Рисунок 2

В высказывании *И если вдруг удастся запряхь Россию вот в этот процесс сдерживания Германии, ... То просто Польша будет на седьмом небе от радости* телеведущий притворно радуется за оппонента, подкрепляя иронию наигранно восторженной мимикой (см. рисунок 3).

Рисунок 3

Высказывание *... вы там удивитесь: если НАТО распадется, Франция и Испания в западной Сахаре сцепятся друг в друга...* подкрепляется мимикой удивления: широко раскрытые глаза, поднятые брови (см. рисунок 4).

---

⁴ Различные эмоции выражаются в подобных случаях не только мимикой, но и некоторыми жестами, которые здесь нами не анализируются.

Рисунок 4

Заметим, что обычно мимика телеведущих характеризуется разнообразием и большой выразительностью, в то время как среди участников телепередач встречаются люди со сдержанным мимическим поведением.

Мимическое ударение. Как уже было отмечено, главная мысль нередко выделяется логическим и эмфатическим ударением. Эти виды ударения, как правило, подкрепляются мимическим ударением⁵, т.е. краткими синхронными с речью мимическими движениями относительно небольшой интенсивности. Обычно мимическое ударение представляет собой широкое раскрытие глаз и поднятие бровей. Это движение совпадает с ударением в выделяемом слове, иногда предшествует ему. В абсолютном большинстве случаев мимическое ударение совершается одновременно с жестовым ударением (наклоном или поворотом головы, движением руки в такт слову, выделяемому в речи).

Рассмотрим несколько примеров мимических ударений. В высказывании *Это при том, что модернизация происходит за счет **станкостроения** в основном логическое ударение выделяет слово *станкостроения* и усиливается мимическим ударением – движением «высокое поднятие бровей» (см. рисунок 5).*

---

⁵ Оговорим, что обычно в рамках кинесики выделяются жестовые ударения, т.е. синхронные с актуальной речью движения, которые структурируют речь и выделяют в ней некоторые фрагменты. При этом обычно речь идет о мануальных жестах, но такие движения могут выполняться и мышцами лица, головой, корпусом тела. Поэтому деление на мимические и жестовые ударения носит условный характер. В большинстве случаев все движения тела, выделяющие фрагмент речи, называют жестовыми ударениями.

Рисунок 5

В высказывании *К сожалению, мы живем во время **постп^равды***, когда средства массовой информации создают реальность несуществующую логическое ударение на слове *постправды* сопровождается мимическим (широким раскрытием глаз, поднятием бровей, см. рисунок 6).

Рисунок 6

В речевом фрагменте *На **са́мом деле** существует угроза жизни граждан Соединенного Королевства*, она исходит из *Портен-Дауна* логическим ударением выделяется воспроизводимое словосочетание *на самом деле*. Логическое и мимическое ударение (поднятие бровей, см. рисунок 7) предшествует выделяемой мысли (*существует угроза жизни граждан...*).

Рисунок 7

В высказывании ... *мы по номиналу* вышли уже на *одиннадцатое место* в мире, обогнав Южную Корею, *по номиналу* логическим и мимическим ударением (см. рисунок 8) выделяется повтор *по номиналу*. Выделение подкрепляется жестом «внимание».

Рисунок 8

Мимические средства акцентности регулярно встречаются в политических ток-шоу. Они не столько выделяют некоторый фрагмент речи, сколько сопровождают и усиливают выделение, реализованное иными вербальными и невербальными акцентуаторами.

Выделение значимой информации может осуществляться **жестами** – значимыми движениями рук, реже – головы, ног. Среди жестовых акцентуаторов мануальные жесты встречаются наиболее часто и отличаются большим разнообразием.

Как уже отмечалось, жесты разделяются на эмблематические и иллюстративные (см. с. 36). В роли акцентуаторов могут выступать некоторые жесты-эмблемы и жесты-иллюстраторы.

Под **жестами-эмблемами** понимаются «кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста» [Крейдлин 2002, с. 79]. В речи эмблематические жесты дублируют то или иное слово либо словосочетание или замещают его. В политических ток-шоу эмблематические жесты встречаются относительно нечасто. Ими являются, в первую очередь, жесты «да» (кивок головой в знак согласия, подтверждения) и «нет» (покачивание головой в знак несогласия, отрицания, сомнения или неодобрения, осуждения), которые сопровождают речь.

Отметим, что в живой речи бывает трудно установить точное значение того или иного невербального средства. Согласно «Словарю языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], жест *кивок* многозначен, имеет два значения: 1) «жестикулирующий подтверждает истинность некоторого суждения, высказанного адресатом»; 2) «жестикулирующий показывает, что он понимает то, что говорит адресат, и готов слушать дальше» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 59–61]. Одновременно с этим наблюдаются омонимичные жесты: *кивок* как согласие/подтверждение, *кивок* как приветствие и *кивок* как указание на что-либо. Кивок, выражающий все перечисленные значения, часто встречается в политических ток-шоу.

Другой регулярно используемый жест «развести руками» может выражать бессилие, недоумение или сожаление (см. с. 76). На этот жест очень похожа иллюстрирующая жестикуляция: разведение рук в стороны с целью изобразить размер объекта или проиллюстрировать рост или расширение чего-либо.

Еще один интересный пример омонимичных жестов – это жесты с выставленным указательным пальцем. Это и жест «внимание», и количественный жест «один», «первый», и дейктический жест, и жестовое ударение (см. рисунок 9).

Рисунок 9. Омонимичные жесты с выставленным указательным пальцем:

- а) жест «внимание»: *«Но при этом они пока что еще поддерживают Россию»;*
- б) жест «один»: *«Ее меняет другая модель – однополюсная»;*
- в) дейктический жест: *«Все вот здесь сидящие люди так ли иначе “завязаны” на те или иные банки»;*
- г) жестовое ударение: *«Польша говорит о создании системы противоракетной обороны польского производства».*

Такие жесты не идентичны, хотя и очень схожи: они различаются по ряду признаков. Так, жесты «внимание» и «один» более статичны, чем указующий жест или жестовое ударение. Жест «один» обычно направлен строго вверх, жест «внимание» может осуществляться вверх или с небольшим наклоном в сторону собеседника, жест, усиливающий логическое ударение, как правило, направлен вперед или вниз, дейктический жест может указывать любое направление. Эталонный жест «внимание» выполняется с ладонью, повернутой к собеседнику, а при выполнении жеста «один» рука поворачивается тыльной стороной ладони к аудитории. Жесты указания или ударения обычно осуществляются рукой, повернутой «ребром» или тыльной стороной ладони вверх. Кроме того, в речи нередко встречаются «переходные» случаи, когда кисть руки повернута не полностью. В этих случаях судить о значении жеста можно с учетом вербального сообщения и некоторых сопутствующих жестов и мимических движений.

Еще одна особенность невербального поведения заключается в том, что нередко бывает сложно установить границы жестов и отделить одну кинему от другой. Это случается, например, из-за того, что конец одного жеста совпадает с началом другого. Так, при быстрой смене жеста у жестикулирующего не всегда есть время изменить положение тела или рук, поэтому возникают нетипичные варианты жестикуляции, например: собрав пальцы «шепоткой», жестикулирующий иллюстрирует небольшое количество чего-либо, последующая дейктическая жестикуляция совершается рукой с пальцами в том же положении.

В некоторых случаях одни жесты могут «перебивать» другие. Например, жест, иллюстрирующий слово *много* (рукой рисуется большой круг в воздухе), прерывается на середине, рука резко опускается вниз одновременно с логическим ударением.

Кроме того, жесты могут «накладываться» друг на друга. Например, изобразительный жест, сопровождающий слово *отталкиваться* (рука повернута ладонью вниз, пальцы растопырены и согнуты, рука движется снизу вверх и возвращается в исходное положение, имитируя пружинистое движение), наслаивается на ритмическую жестикуляцию. Словосочетание *эту историю* сопровождает жест, совмещающий дейктическую функцию (выставленный указательный палец) с функцией жестового удара (резкое движение вниз на ударный слог). Жест «грозить пальцем», который обычно сопровождает некий запрет или угрозу, совпадает с ритмом речи и в целом с ритмической жестикуляцией.

Полисемия, омонимия, нечеткие границы жестов не всегда позволяют правильно трактовать значение жестов. Правильная интерпретация большинства жестов зависит как от вербальной составляющей речи, так и от сопутствующих невербальных средств. Исключение составляют эмблематические жесты, за которыми в языке закреплено определенное значение.

Один из регулярно используемых в политическом телеэфире акцентирующих эмблематических жестов – это жест «внимание» (см. рисунок 10): рука согнута в локте, пальцы, кроме указательного, собраны в кулак, указательный палец

выставлен и направлен вверх. Жестовый призыв к вниманию может предшествовать важной информации или совершаться во время выражения наиболее значимых для автора мыслей.

Рисунок 10

Например, в высказывании *... очень важно нам понимать свои национальные интересы, очень четко их обозначить и не бояться их формулировать перед Трампом* важность сообщения подчеркивается жестом-эмблемой (см. рисунок 11), (а также и лексико-семантическим выделением – *важно*).

Рисунок 11

Обычно описанная жестикуляция совершается на уровне грудной клетки, рука с выставленным указательным пальцем поднимается до уровня плеч. Однако встречается жестикуляция на уровне головы. Например, такая жестикуляция встречается во фрагменте *... мы выполняем свои обязательства, платим 2 %, Эстония платит 2 %...* (см. рисунок 12). Такие жесты обычно воспринимаются как более выразительные, экспрессивные.

Рисунок 12

Жест «внимание» может включаться в ритмическую жестикуляцию, иногда повторяясь несколько раз. Например, при произнесении высказывания *...это удержание Европы, важных союзников, в режиме зависимого развития* жест «внимание» повторяется три раза в соответствии с ритмом речи (см. рисунок 13).

Рисунок 13

В политических ток-шоу регулярно встречаются и иные эмблематические жесты, в их числе такие: «развести руками», «пожать плечами», «покрутить пальцем у виска» и т. д.

Жест «развести руками» совершается следующим образом: жестикулирующий разводит руки в стороны так, чтобы адресату была видна внутренняя поверхность распрямленных ладоней (см. рисунок 14). В большинстве случаев такой жестикуляцией автор выражает бессилие, невозможность повлиять на ситуацию, а также иногда сожаление или недоумение [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

Рисунок 14

Например, при произнесении высказывания *Вот Виктор Иванович... нас успокоил, а Вы вот просто сразу взяли и напугали* жест «развести руками» выражает недоумение (см. рисунок 15).

Рисунок 15

Жест «пожать плечами» осуществляется так: жестикулирующий поднимает и опускает плечи, при этом голова может втягиваться в них. Как отмечается в «Словаре языка русских жестов», «в экспрессивных вариантах данного жеста допускается также легкое запрокидывание головы» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 92–93]. Жест может выражать незнание говорящим какой-либо информации, непонимание чего-либо, а также отрицательную оценку чьих-либо действий. Например, в высказывании *Ну правильно, если на нас санкции, значит, у нас руки развязаны...* телеведущий указанным жестом выражает свое негативное отношение к санкциям (см. рисунок 16).

Рисунок 16

Жест «покрутить пальцем у виска» указывает на то, что говорящий оценивает чьи-либо действия и слова как глупые, нелепые, безумные. В стандартном виде жест совершается следующим образом: жестикулирующий приставляет распрямленный указательный палец под углом к виску (остальные пальцы согнуты), производит 1–2 поворота кистью. Встречаются аналоги жеста: к виску приставляются два или три пальца, повороты кистью не совершаются; к виску приставляется указательный или средний палец, жестикулирующий стучит себя по виску; к голове поднимается раскрытая ладонь, жестикулирующий перебирает пальцами в воздухе около виска. При жестикуляции двумя руками ими совершаются асинхронные движения около висков; иногда производятся хаотичные движения руками перед лицом.

Например, при произнесении высказывания *Ну, теперь видите, болельщикам месседж: «Вы куда, вообще, собрались: на финал, полуфинал, куда выйдет там? Вы что, с ума что ли сошли?»* жестикуляция, семантически аналогичная жесту «покрутить пальцем у виска», совершается так: к виску приставляются два пальца, осуществляется неполный поворот кисти руки (см. рисунок 17).

При продуцировании высказывания *Понимаете, то есть он перепутал даже вот это, на таком уровне* жестикуляция, выражающая негативную оценку действий и слов политика, совершается хаотичными движениями рук перед лицом (см. рисунок 18).

Рисунок 17

Рисунок 18

Периодически в зависимости от содержания речи телепрограммы могут встречаться и многие другие жесты-эмблемы. Вот их неполный состав: закатить глаза, потереть руки, подмигнуть, показать большой палец, ударить себя по лбу, схватиться за голову, положить руку на сердце, воздеть руки к небу (см. рисунок 19), изобразить «воздушные кавычки» (см. рисунок 20). Приведем изображения двух последних жестов из названного перечня.

Рисунок 19

Рисунок 20

Отметим, что перечисленные эмблематические жесты встречаются значительно реже описанных ранее жестов-эмблем. Как правило, они выполняются очень экспрессивно, иногда театрально.

Наиболее обширны и разнообразны **жесты-иллюстраторы**, т.е. «кинемы, выделяющие в акте коммуникации какой-то речевой, жестовой или иной фрагмент и потому всегда выступающие в коммуникативном акте вместе с речью, ее фрагментами или паралингвистическими звуковыми единицами» [Крейдлин 2002, с. 117].

Как уже отмечалось, Г.Е. Крейдлин, доработав классификацию, предложенную Д. Эфроном, предложил разделять иллюстрирующие жесты на жестовые ударения, дейктические маркеры, пространственные маркеры, временные маркеры, идеографические маркеры, кинетофонографы, кинетографы и многие другие [Крейдлин 2002].

Особенно часто функция выделения и усиления реализована **жестовым ударением**. Под жестовыми ударениями обычно понимаются «движения рук, синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с нею коммуникативном пространстве, движения головой и др.» [Крейдлин 2002, с. 118]. Жестовые ударения структурируют речевой поток, кинетически выделяя определенные фрагменты речи. Отмечается, что в русском языке такие жесты обычно согласованы по месту и времени с ударным слогом слова, но не имеют постоянного места в высказывании, как, например, жестовые ударения в английском языке [Крейдлин 2006, с. 294].

Г.Е. Крейдлин различает основные и дополнительные жестовые ударения. Основные ударения – это четкие и ясные кинетические движения, которые либо сопровождают логическое или эмфатическое ударение, либо предшествуют ему. Такие ударения обычно выделяют определенный фрагмент речи, а также могут разделять речевой поток на смысловые сегменты. Дополнительные, или вторичные, жестовые ударения представляют собой движения с меньшей амплитудой, более слабые и менее акцентированные по сравнению с основным ударением [Крейдлин 2006]. В роли акцентуатора в политическом телеэфире выступают основные жестовые ударения, дополнительные же, как правило, ритмически структурируют речь.

Как показал анализ нашего материала, наиболее часто жестовое ударение (как основное, так и дополнительное) осуществляется движением руки сверху вниз при произнесении ударного слога выделяемого слова, немного реже – подъемом руки или ее отведением в сторону. Однако встречаются и иные реализации жестового ударения. Рассмотрим некоторые из них.

Так, в высказывании *Ну, общественное мнение уже **все** понимает* логическое ударение, выделяющее местоимение *все*, усиливается жестовым ударением (см. рисунок 21): мимическим движением (поднятие бровей) и движениями тела (поднятие плеч, отведение головы назад).

Рисунок 21

При произнесении высказывания *Смотрите, вот тут звучала **ключевая мысль**, которую я бы хотел бы развить* жестовое ударение реализуется движением руки вверх, ладонь раскрыта, повернута от говорящего, пальцы расслаблены, при

произнесении ударного слога жестикулирующий совершает небольшой и резкий поворот кистью руки (см. рисунок 22). Одновременно жестовое ударение ставится быстрым наклоном головы немного вперед и возвращением в «нейтральное» положение.

Рисунок 22

В высказывании *И уже с **пёрвого** января следующего года эта продукция не сможет просто так наносить надпись organic* логическое ударение подкрепляется жестовым ударением: движением руки вверх с выставленным указательным пальцем (см. рисунок 23). Как уже отмечалось, иногда одни жесты могут совмещаться с другими. В приведенном примере жестовое ударение совпадает с жестикуляцией, указывающей на количество (выставлен один палец, указывающий на первое число).

Рисунок 23

В высказывании *... какие-то миссии, которые проходят в **Афгáне**, которые в **Ирáке*** логическим ударением выделяются обстоятельства (*в Афгане, в Ираке*), при этом логическое ударение сопровождается жестовым выделением: наклоном

корпуса и головы вперед в то время, как рука с растопыренными пальцами ставится на стол (см. рисунок 24). Жестовое ударение «наслаивается» на дейктическую жестикуляцию: движениями руки жестикулирующий как бы указывает место на подразумеваемой карте.

Рисунок 24

На отрезке высказывания *Все инструменты используются для того, чтобы опять создать обстановку лояльности* жестовое ударение реализуется движением кулаком сверху вниз (см. рисунок 25).

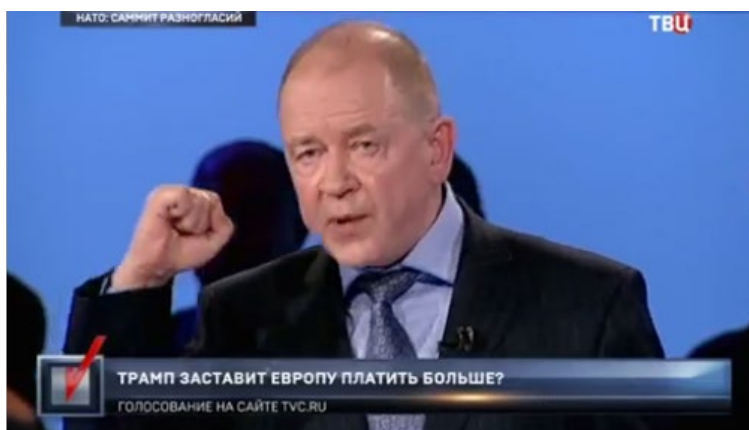

Рисунок 25

При продуцировании речевого фрагмента *Уже стали появляться версии...*, и стали **анализировать** наконец-таки, не руководствуясь эмоциями жестовое ударение ставится только наклоном головы вперед и в сторону, без движений рук, плеч или корпуса (см. рисунок 26).

Рисунок 26

Можно отметить единичные и многократные реализации жестового ударения. Многократные жестовые ударения обычно помогают ритмически организовать речь, однако в некоторых случаях они могут выполнять функцию выделения. Обычно при скандировании многократными жестами выделяется каждое предложение, синтагма или слово в сверхфразовом единстве, реже – каждый слог в акцентируемом слове.

Так, в речевом фрагменте *...у нас выросло машиностроение, тракторов и комбайнов стали делать в три раза больше, чем делали раньше, у нас стали делать оборудование, которое никогда не делали, приняты государственные программы импортозамещения* жестовые ударения повторяются при перечислении: жест осуществляется одной рукой на уровне корпуса, движение рукой от себя, ладонь раскрыта, повернута к говорящему (см. рисунок 27).

Рисунок 27

Как видно из приведенных примеров, жестовые ударения могут однократно или многократно совершаться движениями рук, плеч, головы. Если жестовое

ударение осуществляется руками, то жестикуляция может производиться одной или двумя руками, движение может быть направлено вверх, вниз, в сторону, от себя, к себе, ладонь может быть повернута к говорящему или к собеседнику.

Функцию акцентуаторов могут выполнять некоторые **дейктические жесты**. Под ними в широком смысле обычно понимаются движения рук, головы, глаз, указывающие на положение некоторого объекта в пространстве, реже времени.

Пространственные дейктические маркеры могут указывать на конкретное положение в пространстве, неопределенное место, удаленность от текущей точки в пространстве, расстояние между объектами. Так, при произнесении высказывания *... это контейнер, который находился где-то в этой площади между Эймсбери и Солсбери...* дейктической жестикуляцией (рука собрана в кулак, указательный палец выставлен, пальцем рисуется круг в воздухе, см. рисунок 28) обозначаются границы определенной области. Высказывание *То есть вот здесь Европа, Канада, а американцы сами по себе где-то там со своими деньгами* сопровождается коротким взмахом руки около груди при произнесении *здесь* и широким взмахом руки от себя на произнесение *где-то там*. Таким образом жестикуляция указывает на две точки в пространстве и расстояние между ними.

Рисунок 28

Темпоральные дейктические жесты, описанные в научных исследованиях, как правило, располагаются вдоль двух основных осей: сагиттальной (она совпадает с направлением движения человека вперед) и поперечной (очерчивающей пространство перед говорящим слева направо). На сагиттальной оси будущее расположено впереди говорящего, настоящее – под его ногами,

а прошлое – за его спиной, на поперечной оси (для европейских культур) более ранний момент всегда располагается левее более позднего [Гришина 2013].

Темпоральные дейктические маркеры могут указывать на время события или на определенные стадии его протекания. Например, реплика *Мы **вчера** с вами успели поговорить, что опять что-то произошло в Великобритании* сопровождается небольшим поворотом головы влево. При произнесении высказывания *Он едет **сначала** в НАТО, в Брюссель, **потом** в Лондон, а **потом** в Россию* сообщение о каждом последующем пункте поездки сопровождается отведением руки дальше на поперечной оси, чем о предыдущем. Продуцирование фрагмента ... *это именно то, на что, помните, надеялся Обама...* сопровождается указанием большим пальцем назад через плечо (см. рисунок 29).

Рисунок 29

Дейктические жесты нередко осуществляются с помощью объекта, который говорящий (чаще всего ведущий ток-шоу) держит в руках (обычно планшет или ручка). Например, телеведущий апеллирует к ранее сказанному одним из приглашенных экспертов и указывает на него ручкой, которую держит в руке. Или телеведущий указывает на экран в студии, на который выведена дополнительная информация. Например, дейктической жестикуляцией сопровождается фрагмент *Вот замечательная карта тут. Видно, как недалеко все эти три объекта друг от друга находятся*. Ведущий сначала совершает движение рукой в сторону экрана, потом рука движется по траектории, соединяя три объекта, отмеченных на карте (см. рисунок 30).

Рисунок 30

Отметим, что с использованием различных предметов (авторучки, указки и др.) осуществляются не только дейктические, но и иные жесты: жест «внимание», жест, указывающий на единичный объект, жестовое ударение, жестикуляция перечисления. Например, в жесте «внимание», в жесте, указывающем на единичный объект, а также в жесте «загибать пальцы» авторучка может заменять указательный палец (см. рисунок 31).

Рисунок 31. Слева – жест «внимание», по центру – жест «один»,
справа – «загибать пальцы» при перечислении.

К дейктическим жестам можно также отнести некоторые кинемы-касания. Например, при произнесении высказывания *...предприниматель говорит нам, что для них санкции – это выгодно* телеведущий кладет руку на плечо того гостя телепрограммы, мнение которого приводит (см. рисунок 32).

Рисунок 32

В политическом телеэфире помимо жестовых ударений и дейктических жестов встречаются и многие другие иллюстрирующие жесты. Так, жесты нередко указывают на размер, количество, направление, границы. Жестикуляция может подчеркивать логические связи. Кроме того, с помощью жестов-иллюстраторов говорящие могут имитировать описанное действие.

Жесты-иллюстраторы, изображающие размер некоторого объекта, разнообразны. Обычно они производятся двумя руками и предполагают сведение рук к центру при указании на небольшой объект или разведение в стороны при описании большого объекта. На величину объекта могут указывать и другие мануальные жесты: «сложить пальцы “щепоткой”», «раскрыть ладонь, растопырив пальцы», «раскрыть ладонь с согнутыми пальцами» (будто держать в руке невидимый объект, шар) и др. Жестикуляция может указывать как на свойство предмета (большой, высокий, широкий, малый, низкий, узкий), так и на действие, связанное с изменением размера (увеличение, рост, уменьшение, спад). При этом жесты-иллюстраторы, изображающие свойства, с одной стороны, и действия – с другой, различаются временем осуществления: например, свойство «большой» обычно изображается быстрым разведением рук в стороны и продолжительным удержанием рук в разведенном положении, действие «увеличение» – продолжительным разведением рук в стороны и более кратким удержанием их в этом положении.

Например, при продуцировании высказывания *То есть любая страна в мире, даже у которой гигантский потенциал по сравнению с маленькой Финляндией,*

подумает *пятнадцать раз*, прежде чем не договорится с Финляндией иллистрирующая жестикуляция, изображающая размер, осуществляется двумя руками, при этом руки согнуты в локтях, ладони раскрыты. В нашем случае руки разводятся при произнесении прилагательного *гигантский*, а сводятся на слове *маленькой* (см. рисунок 33).

Рисунок 33

Аналогичной жестикуляцией сопровождается выражение понятий «широкий» и «узкий». Например, высказывание *...а у нас вот проблемы, поэтому нужно срочно там расширять дороги...* иллюстрируется разведением рук в стороны (см. рисунок 34).

Рисунок 34

Выражение понятий «высокий» и «низкий» осуществляется подъемом или опусканием рук, при этом жестикуляция, как и во многих других случаях, может производиться как двумя руками, так и одной. Например, речевой фрагмент *...если Тереза Мэй на столь высокой стадии...* сопровождается подъемом руки до уровня головы, кисть руки согнута, ладонь обращена вниз (см. рисунок 35).

Рисунок 35

Жесты-иллюстраторы, как уже отмечалось, могут изображать количество: как правило, пальцами одной руки демонстрируются числа от одного до пяти (наиболее часто встречаются один и два). Большее число обычно изображается круговым движением: одной или двумя руками в воздухе рисуется граница множества (при этом чем больше число, тем больше амплитуда движения рук и шире «нарисованный» круг).

Например, при произнесении речевого фрагмента *Здесь два момента. Франция... всегда претендовала на роль политического лидера Европы, и она не хочет эту роль отдавать... Это первое. Второе:... Америка играет свою роль...* жест-иллюстратор, указывающий на количество (см. рисунок 36), предшествует аргументации и в сочетании с другими лингвистическими средствами (особой организацией сверхфразового единства, в котором перспективное высказывание содержит количественное числительное *два*, а следующие за ним аргументативные высказывания включают порядковые числительные *первое* и *второе*) подчеркивает логичность изложения.

Рисунок 36

Активно используются жесты, включающие семантический компонент направления. Например, понятия «импорт» и «экспорт», «ввоз» и «вывоз» регулярно сопровождаются движениями руки «внутри», к себе и «вовне», от себя (см. рисунок 37). Выражение мысли о росте, развитии сопровождается движением руки вверх (...в нашей стране начался устойчивый рост производства молока, см. рисунок 38), о спаде или кризисе – движением вниз (хотя мы понимали, что уровень жизни людей рухнет, см. рисунок 39).

Рисунок 37

Рисунок 38

Рисунок 39

Как и во многих других случаях, такая жестикуляция может совершаться двумя руками. Например, высказывание *Ле Пен говорит о том, что, ребята, вот так вот мы с вами пойдём все хором ко дну...* сопровождается жестом-иллюстратором: указанием двумя руками вниз (см. рисунок 40). Речевой сегмент *Среда европейская, мейнстримная, не подразумевает **выращивания** [лидеров]...* подкрепляется жестом, иллюстрирующим рост (см. рисунок 41).

Рисунок 40

Рисунок 41

Жесты-иллюстраторы, как указывалось, регулярно изображают пространство, его границы, площадь. Так, например, иллюстрируя пространственное ограничение, ведущий совершает быстрое и резкое движение ребром ладони вниз. В других вариантах жестикуляции границы могут очерчиваться круговым движением рук, изображающим форму границы, или движением рук по прямой, разделяющим два явления, либо они могут быть «нарисованными» пальцем в воздухе. Например, высказывание *Когда Соединенные Штаты Америки призывают людей и рисуют им схемы...*

сопровождается иллюстрирующим жестом, изображающим проведенные на карте границы (см. рисунок 42).

Рисунок 42

Часто иллюстрирующие жесты подкрепляют и усиливают выражаемые вербально логические связи. Мысль о связи элементов иллюстрируется соединением рук и переплетением пальцев (см. рисунок 43), сопоставление чего-либо с чем-либо сопровождается движением рукой (или двумя руками) сначала в одну, потом в другую сторону (см. рисунок 44), в некоторых случаях – последовательным или одновременным отведением правой руки вправо, левой – влево.

Рисунок 43

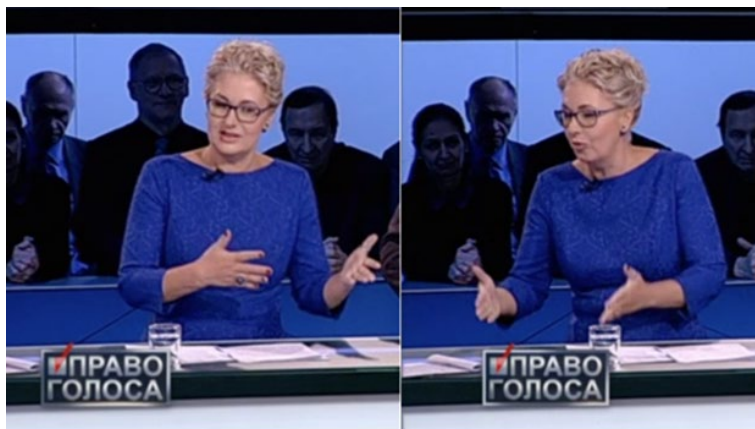

Рисунок 44

Нередко жесты-иллюстраторы имитируют ментальные и коммуникативные действия. Так, действия *писать, рисовать, чертить* сопровождаются движениями руки в воздухе (иногда на ладони другой руки), соответствующими движениям при письме. *Слушать* или *подслушивать* иллюстрируются поднесением раскрытой ладони к уху. Сообщение о *чтении* нередко сопровождается взглядом и наклоном головы в сторону предполагаемого текста (обычно взглядом на руку, которая «держит» подразумеваемый документ или книгу), используется и жест «ведение пальцем» по строкам. При упоминании о *телефонных звонках* к уху подносится рука с «телефонной трубкой».

На рисунке 45 показан жест, сопровождающий высказывание *Ну как же так, слушайте, американцы считают деньги, говорят, что больше всех тратят, мы выполняем свои обязательства, платим два процента...* Выступающий жестикулирует так, как будто отсчитывает банкноты.

Рисунок 45

Некоторые иллюстрирующие жесты имитируют не само действие, а характер его совершения: жест (обычно движение рукой в сторону и вниз) может производиться быстро, резко, четко, размашисто, медленно, неуверенно, «лениво» и т. д. Например, категорический отказ от чего-либо нередко сопровождается широким и быстрым взмахом руки от себя.

Жесты рассматриваемой группы могут иллюстрировать некоторые абстрактные понятия. Например, при произнесении высказывания *Нам Россия как балансир Германии в Европе очень нужна* мысль о равновесии политических сил иллюстрируется следующей жестикуляцией: руки согнуты в локтях, кисти подняты на уровне плеч, ладони раскрыты, повернуты вниз, расположены параллельно полу, одна рука совершает движения вверх-вниз-вверх, другая – вниз-вверх-вниз, изображая движения чаш весов (см. рисунок 46).

Рисунок 46

Сообщение о повторяемости каких-либо событий иллюстрируется повтором жестового движения: обычно это отведение руки в сторону несколько раз, при этом повторы жеста совершаются в ритм с речью. Так, при продуцировании высказывания *... теракты, которые были в Брюсселе с наездами автомобилей, теракты, когда применялось холодное оружие, они повторялись* мысль о многократности террористических актов выражается как лексически (*они повторялись*), так и кинесически (многократным круговым движением руки от себя, см. рисунок 47).

Отметим, что в некоторых случаях иллюстрирующая жестикуляция осуществляется не говорящим, а слушающим (обычно телеведущим). Внутренняя

речь адресата дублирует чужое выступление и предугадывает ее итог, адресат жестами сопровождает свою внутреннюю речь и облегчает (как для себя, так и для аудитории) ее понимание.

Рисунок 47

В речевом фрагменте *То есть то, как работает НАТО, должно отвечать интересам национальным, а не национальные интересы должны отвечать какой-то там, знаете, абстрактной идее союза между нами* телеведущий, сохраняя молчание, жестами показывает сопоставление двух идей: жестикуляция проводится двумя руками, руки согнуты в локтях, кисть собрана в кулак, указательные пальцы выставлены; при озвучивании первой позиции движение совершается в одну сторону, при противоположной – в другую (см. рисунок 48). Таким образом, некоторые жесты-иллюстраторы (в особенности те, которые подчеркивают логические связи) могут сопровождать и усиливать чужое сообщение.

Рисунок 48

В наших материалах жесты-иллюстраторы – наиболее многочисленная и разнообразная группа жестов. Участвуя в воплощении того или иного содержания, они иллюстрируют и подчеркивают его элементы, представляющиеся субъекту речи важными в момент говорения.

В качестве акцентуаторов могут выступать и некоторые **позы**. Под позами мы, вслед за Г.Е. Крейдлиным, понимаем «общие конфигурации тела и соотносительные положения его частей, как правило, более статичные, чем, например, жесты рук или ног» [Крейдлин 2002, с. 188]. При описании знаковых поз, т.е. поз, выражающих некоторое значение, обычно учитывают межличностные отношения (открытые и закрытые позы, наклон в сторону собеседника при наличии симпатии или заинтересованности в диалоге и др.), статус собеседника (положение плеч, головы, этикетные позы), физическое или психологическое состояние человека (позы, сигнализирующие об усталости, отражающие настроение) и ряд других факторов. Позы, как правило, не выполняют функцию выделения фрагмента речи, однако резкая их смена в некоторых случаях может служить средством привлечения внимания аудитории. Обратимся к нашему материалу.

Прежде всего нужно отметить, что положение в студии каждого из участников телепрограммы задано ее правилами. Коммуниканты занимают определенное положение (становятся у барьера, садятся на стул) и, как правило, не меняют его. Поэтому количество поз, которые им доступны, очень ограничено. Исключение составляет телеведущий, который перемещается по студии и свободно меняет позы. Значимыми в его невербальном поведении являются изменения позы на более открытую и комфортную во время речевой партии того из участников передачи, чье мнение телеведущий разделяет, и на более закрытую и сдержанную во время выступления оппонента. Позы ведущего остаются неизменными на протяжении некоторого времени, но при этом они сопровождаются жестами и/или мимическими движениями, которые также отражают отношение к собеседнику. Например, на рисунке 49 телеведущий, слушая выступление одного из участников программы, принимает закрытую позу (скрещивает руки на груди), стучит пальцами и качает головой, выражая свое раздражение и несогласие.

Рисунок 49

Можно отметить и такую закономерность: телеведущие, ожидая окончания чьего-либо длительного выступления, часто принимают закрытые позы, а во время диалога, спора – открытые. При этом и открытые, и закрытые позы нередко можно охарактеризовать как «расслабленные»: ведущий облакачивается на стол, опирается на что-либо, стоит с опорой на одну ногу и т. д. (см. рисунки 50, 51).

Рисунок 50

Рисунок 51

Таким образом, функцию акцентуаторов выполняют не сами по себе позы, а их резкие изменения и сопровождающие их жестовые и мимические движения.

Эти реакции привлекают внимание телезрителей к тем или иным фрагментам выступления участника дискуссии и, следовательно, выполняют выделительную функцию.

Невербальные реакции на выступления собеседника могут быть положительными и отрицательными. Первые однородны и немногочисленны. Они сводятся к одобрительной улыбке и/или киванию головой в знак согласия. Иногда встречается одобрительная мануальная жестикуляция (см. рисунок 52). В данном случае она заключается в движении руки с выставленным в сторону говорящего указательным пальцем и легком наклоне головы вперед. Характерно и мимическое движение «поднятие бровей».

Рисунок 52

Редко встречаются более экспрессивные положительные реакции, в частности кивок одобрения (см. рисунок 53), который усиливается мимикой.

Между тем реакции, выражающие несогласие и неодобрение, более разнообразны. Встречаются мимика и жесты, выражающие раздражение, недовольство, возмущение, наигранное удивление. Характерные мимические движения таких реакций: «закатить глаза», «поморщиться», «нахмурить брови», «поджать губы», «скривить рот». Неодобрительная реакция может выражаться многими жестами: «схватиться за голову», «приложить ладонь к лицу», «развести руками», «схватиться за сердце», «поднять руки к небу». Негативная жестикуляция обычно более экспрессивна, чем реакции одобрения.

Рисунок 53

Примеры: на рисунке 54 изображена неодобрительная реакция одного из участников программы на выступление, выражающее противоположную точку зрения: нейтральная мимика сменяется на мимику удивления и недовольства, затем следует шумный вздох, выражающий раздражение.

Рисунок 54

В некоторых случаях жестикулирующий совершает подряд несколько жестов рассматриваемой семантики. На рисунке 55 представлена реакция, выражающая насмешку над речью оппонента. Она реализуется последовательностью жестов: жестикулирующий, смеясь над заявлением собеседника, демонстративно закатывает глаза, разводит руки в стороны, кладет ладонь на лицо, тем самым выражает свое отношение к дискуссии как безнадежной, к сообщаемой информации как абсурдной.

Рисунок 55

Как уже отмечалось, невербальные реакции на выступление собеседника выделяют те или иные его суждения и, следовательно, выступают своеобразными акцентуаторами.

Выводы по второй главе

1. Состав функциональной семантико-стилистической категории акцентности в телевизионных политических ток-шоу образуют как вербальные (языковые и речевые), так и невербальные (паралингвистические и кинесические) средства.

2. Языковые акцентуаторы представлены единицами разных уровней системы языка. На фонетическом уровне это логическое и эмфатическое ударение, логические паузы. На лексическом уровне – слова, значение которых включает семы выделения, усиления (*важный, главный, подчеркнуть* и под.) или же имеющие яркую экспрессивную окраску, поскольку экспрессия, будучи усилением выразительности сказанного, предполагает выделение соответствующего слова (или большего по протяженности сегмента речи). В области морфологии регулярно используемыми акцентуаторами являются наречия меры и степени, компаративы, многие модальные частицы, междометия, в области синтаксиса – инверсия, вводные слова и вставные конструкции (главным образом представляющие собой призыв к собеседнику с целью привлечения его внимания – *послушайте, вообразите* и под., указывающие на связь мыслей, выражающие эмоциональную оценку сообщаемого), конструкции с противительными союзами, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, в главной части которых опорное слово (часто вместе с зависимыми от него словами) выражает семантику уверенности говорящего в чем-либо (*Уверен, что... Глубоко убежден, что...* и под.), а также сложноподчиненные предложения местоименно-соотнесительного типа с местоимением *такой* или местоименными наречиями *так, настолько* в главной части.

3. Речевыми акцентуаторами, регулярно используемыми в политических ток-шоу, являются некоторые перспективные конструкции (*Принципиально важно следующее*), вопросно-ответный ход, чужая речь (прямая, реже несобственно-прямая), сверхфразовые единства, конструктивными элементами которых

выступают числительные, подчеркивающие значимость формулируемых тезисов и эксплицирующие логику изложения (*Два момента... Первый.... Второй...*), стилистические приемы (чаще других в выделительно-усилительной функции употребляются ирония, позиционно-лексический повтор, синтаксический параллелизм), перформативные высказывания (*Напоминаю, что...* и под.).

4. Разнообразны и очень активны невербальные выделительно-усилительные средства. В работе помимо паралингвистических единиц (логического и эмфатического ударения, пауз) детально описаны кинесические средства – многочисленные выразительные движения, проявляющиеся в мимике (в том числе мимические ударения), эмблематических и иллюстративных жестах, открытых и закрытых позах.

5. Состав ФССК акцентности в политических ток-шоу является их жанровой характеристикой, не зависящей от телевизионного канала, по которому транслируется передача, и от индивидуальных особенностей ее участников.

Глава 3. Полевая структура ФССК акцентности

Отнесение средств акцентности к ядру или периферии функционального семантико-стилистического поля определяется двумя факторами. Во-первых, учитывается, насколько лингвистическая единица семантически специализирована для выделения того или иного фрагмента высказывания как особенно значимого. Во-вторых, принимается в расчет частота употребления рассматриваемой единицы.

Согласно этим критериям, в ядро ФССК акцентности входят (в порядке удаления от центра) три группы лингвистических средств.

Первая группа – лингвистические средства, основная функция которых заключается в выделении значимой для автора сообщения информации и которые характеризуются в изучаемых текстах высокой частотой употребления.

Вторая группа – лингвистические средства, основная функция которых заключается в выделении значимой для автора сообщения информации, но которые имеют сравнительно невысокую частоту употребления.

Третья группа – акцентуаторы, семантически не специализированные для выделения значимой информации, но, несмотря на это, регулярно реализующие выделительно-усилительную функцию в контексте (в единстве с другими средствами).

К периферии поля с учетом семантической специализированности единицы и частоты ее употребления относятся:

- а) контекстуальные акцентуаторы, используемые лишь эпизодически;
- б) лингвистические средства, которые не выражают значение выделения, но сопровождают выделение, выраженное иными средствами, усиливают его, придают ему дополнительные модальные оттенки.

Оговорим, что границы между этими группами не являются строгими.

Поле подразделяется на микрополя, которые выделяются по семантическому принципу.

Опишем состав ядра и периферии, а также микрополя ФССК акцентности.

3.1. Ядро ФССК акцентности

Ядро категории акцентности включает в себя как вербальные, так и невербальные средства. Описанные ранее ядерные средства акцентности представлены в таблице 2, где они расположены в порядке убывания по частоте их употребления.

Таблица 2

Ядерные средства акцентности

Средство акцентности	Частота на 1000 словоупотреблений	Доля от общего числа употреблений всех ядерных акцентуаторов, в %	Доля от общего числа употреблений всех акцентуаторов, в %
Жестовое ударение , в том числе:	22	31	17
движения рук и других частей тела	16	23	12
мимические движения	6	8	5
Выделительное ударение , в том числе:	20	29	15
логическое ударение	16	23	12
эмфатическое ударение	4	6	3
Лексико-семантическое выделение , в том числе:	5	7	4
слова, входящие в состав проспективных конструкций	1	2	1
Наречия меры и степени	4	6	3
Некоторые модальные частицы	4	6	3
Инверсия	4	6	3
Позиционно-лексический повтор	4	5	3
Слова с яркой экспрессивной окраской	3	4	2
Вопросно-ответный ход	2	2	1
Перформативные высказывания	1	2	1
Жест-эмблема «внимание»	1	2	1
Итого	70	100	53

Анализ показал, что регулярность употребления того или иного средства акцентности зависит от его функционирования в составе диалогических

(полилогических) или монологических фрагментов текста. Исследуемый нами жанр политического телешоу является особым образом организованным полилогом, однако в его структуре отмечаются и монологические фрагменты (рассуждения, реже повествования и описания). Кроме того, значимым фактором, влияющим на частоту использования акцентуаторов, является индивидуальность говорящего. Подчеркнем, что средствами акцентного выделения в наибольшей степени насыщены выступления участников передачи с эмоциональной манерой речи. Преобладание акцентуаторов в диалогах (полилогах) по сравнению с рассуждениями тем и объясняется, что диалоги рассматриваемого жанра в основном являются эмоциональными спорами. В то же время в рассуждениях повышается частота акцентуаторов, подчеркивающих связь мыслей (вводных слов, распределяющих композиционно-смысловые акценты; иллюстративных жестов, изображающих сопоставление и противопоставление, и др.).

Указанную зависимость использования акцентуаторов от эмотивности речи проиллюстрируем выступлением ведущего Р. Бабаяна (см. рисунок 56):

Нет, на сегодняшний день (1) они уже пребывают в этой реальности (2), угрозы нет (3), но они (4) создают (5) себе (6) это ощущение.

Рисунок 56

При произнесении этого высказывания, длящегося 6 секунд, ведущий совершает целый ряд иллюстративных жестов (коммуникативно значимой является также мимика).

Центр ядра ФССК акцентности составляют **логическое, эмфатическое и жестовое ударения**, так как они наиболее специализированы для выделения

значимой для автора сообщения информации и встречаются в политических ток-шоу с наибольшей частотой.

Семантическая функция выделительного ударения заключается именно в акцентировании в высказывании одного из слов, несущего наиболее важную, с точки зрения говорящего, информацию. Например, *У нас каждый год цена снижается; Это коалиция, которая укрепляется.*

При этом в текстах политических дискуссий выделительное (логическое и эмфатическое) ударение является одним из наиболее часто используемых акцентуаторов. По нашим подсчетам, его частотность – 20 (на 1000 словоупотреблений). Если все реализации средств акцентности принять за 100 %, то доля выделительного ударения будет составлять около 15 %. Кроме того, анализ показал, что в политических телепрограммах логическое ударение (16) встречается заметно чаще эмфатического (4).

Важно отметить, что выделительное ударение, как правило, встречается в речи в сочетании с какими-либо другими средствами акцентности, круг которых очень широк. В него входят как вербальные, так и невербальные акцентуаторы. Рассмотрим их подробнее.

Выделительное ударение сопровождается и усиливается многими языковыми акцентуаторами. При этом одни средства акцентности могут совпадать с логическим или эмфатическим ударением, другие же акцентуаторы либо предшествуют логическому ударению, либо следуют за ним. Так, в высказывании, наряду с логическим ударением, могут использоваться следующие вербальные акцентуаторы: лексико-семантическое выделение, выбор экспрессивной лексики, позиционно-лексический повтор, наречия меры и степени, компаративы, модальные частицы⁶.

Лексико-семантическое выделение. Например, в высказывании *Я подчеркиваю, что английская сторона **понимает**, что это сделали*

---

⁶ О средствах графического выделения см. с. 41. Что касается разреженного шрифта, то им в данном случае выделяются те средства акцентности, которые сочетаются с описываемым акцентуатором.

не русские логическим ударением выделяется глагол *понимает*, а лексико-семантическое выделение осуществляется перформативом *подчеркиваю*. В высказывании *...вы должны соответствовать нашим представлениям, нашим нормам, и в **этом** ключ к понимаю ситуации* логическое ударение (оно падает на местоимение *этом*) сочетается с лексико-семантическим выделением – использованием существительного *ключ* в значении «средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.» [МАС 1999].

Экспрессивная лексика. Она усиливает выделительное значение логического ударения и придает контексту различные эмоциональные оттенки: *Можно взять и **угрóbить** собственную экономику контрсанкциями; Они в любом случае **всё** потом переобуются, как Меркель; ...сто процентов есть все доказательства, и доказательства **железобетонные**.*

Позиционно-лексический повтор. В высказывании *...мы **вынуждены** реагировать, и мы будем **вынуждены** тратить дополнительные деньги...* повтор усиливает логическое ударение, оба раза падающее на слово *вынужден*. Повторяться может не только отдельная лексема, но и словосочетание: *Но все равно Западная Европа **страшно напугана** этой ситуацией. **Страшно напугана**.*

Наречия меры и степени. В тех случаях, когда логическое ударение сочетается с ними, усилительно-выделительная семантика выражается как фонетически, так и грамматически (грамматическим значением наречия этого разряда): *Но американская система, она сейчас в **óчень** серьезном кризисе...; Вот модернизация альянса – это **абсолютно** правильно; ...когда меняются соотношения сил, то появляется **реальная совершенно** угроза.*

Компаративы. Акцентное выделение, осуществляемое логическим ударением, нередко усиливается использованием превосходной степени имен прилагательных: *Вы были одна из **важнейших** экономик Восточной Европы; Это предложение **самое** грамотное.*

Модальные частицы. В высказывании, помимо логического ударения, функцию акцентуаторов нередко выполняют частицы, обычно определительно-

уточняющие и выделительно-ограничительные. Логическое ударение может падать на сами эти частицы или же на предшествующие либо последующие словоформы. *Варианта у нас было **в с е г ó** два: либо убьет <...>, либо будем сильнее; **Ведутся** же мирные переговоры; Именно **э́та** возможность крупнейших держав вытворять, что они хотят...*

Из числа невербальных акцентуаторов выделительное ударение чаще всего усиливается жестовым ударением – движениями рук, головы, плеч, реже мимическими движениями. Они образуют «параллельный» коммуникативный ряд с вербальными средствами. Жестовое ударение соотносится с логическим или эмфатическим ударением, вместе они образуют некоторое акцентологическое единство, т.е. комплекс, включающий в себя изменение интонации, мимические движения и жесты, которые выделяют некоторое слово в потоке речи. Например, во фрагменте *...28 процентов потребителей **хотят** покупать фермерскую продукцию* выделение глагола *хотеть* реализуется одновременно логическим ударением, резким движением ребром ладони вниз, небольшим наклоном корпуса вперед, поднятием бровей.

К числу регулярно используемых усилителей логического ударения, наряду с жестовыми ударениями, относятся также жесты-эмблемы, особенно жест «внимание». Так, в высказывании *И вчера я не назвал один пункт, о котором почему-то здесь никто не догадался, это должен быть «**Новичóк**»* одновременно с произнесением выделяемого логическим ударением существительного «Новичок» производится акцентирующий эмблематический жест «внимание». В другом высказывании *Речь идет и о **систéмах**, которые используют планирующий крылатый блок, и речь идет о **подвóдных** аппаратах, которые не предназначены для использования личного состава...* логическим ударением выделяются слова *системах* и *подводных*, при этом перечисление сопровождается жестиком «загибать пальцы», см. рисунок 57.

Рисунок 57

Кроме того, логическое ударение зачастую осуществляется на фоне иллюстрирующих жестов, которые выполняют усилительную функцию. Примечательно, что жест-иллюстратор реализуется на отрезке не только выделенного логическим ударением слова, но и целой синтагмы или даже высказывания, содержание которого иллюстрируется.

Например, в высказывании участника программы *США ведут по отношению к Европе такую же политику **равновесия** сил, которую Англия очень долгое время, например, во времена наполеоновских войн, вела* логическим ударением выделено существительное *равновесие*, а иллюстрирующий его семантику жест (раскрытые ладони, повернуты вниз, руки разводятся в стороны, см. рисунок 58) распространяется на всю синтагму *политику равновесия сил*.

Рисунок 58

В числе иллюстрирующих жестов часто используются дейктические. Например, в высказывании *Мы, конечно, могли бы создать **собственную** систему противоракетной обороны...* логическое ударение на слове *собственную*

усиливается дейктическим жестом-иллюстратором: движением двумя руками вверх и к себе (см. рисунок 59).

Рисунок 59

Речевая структура политических ток-шоу неоднородна: монологические выступления чередуются с диалогами. Отметим, что логическое ударение чаще встречается в монологах. Объясняется это тем, что автор, развивая свою мысль без помех (прерываний, неожиданных контраргументов), осознанно расставляет логические акценты. Между тем в условиях спонтанного спора говорящий такой возможности лишен.

Сравним два фрагмента телепередачи – 1) монологический, 2) диалогический.

1) *И как там дальше события могут развиваться, я очень скептически к этому отношусь. Поэтому у нас в реальности, у России, сформировалось **три** театра военных действий, из которых только один западный, [пауза] а еще есть закавказский, где ситуация тоже опасно развивается, и среднеазиатский. Эта реальность такова, нам с этим придется считаться.*

Фрагмент представляет собой заключительную часть рассуждения. Развивая свою мысль в отсутствие помех, автор имеет возможность следовать строгим логическим правилам. Так, он продуцирует высказывание с обобщающим словосочетанием *три театра военных действий*, выделяя логическим ударением опорный компонент (числительное *три*), а затем конкретизирует обобщение, указывая на каждый из этих «театров»: *западный, закавказский, среднеазиатский*.

2) *И их водят украинские проводники. Андрей, ты это знаешь. У меня было два расследования. Есть видео об этом. На территории Украины сидят игиловцы*. Они там учатся. Они там живут. Они там попадают в Европу и получают украинское гражданство. Андрей, скажи, что это не так. А?*

В данном отрывке интонационно выделены несколько лексических единиц, при этом ударение является эмфатическим. Экспрессия усиливается активной жестикуляцией (преимущественно жестовым ударением), повторяющимся обращением (*Андрей, ты это знаешь; Андрей, скажи, что это не так*).

В обоих рассматриваемых фрагментах говорящий стремится эффективно представить свою позицию, делая акцент на важных смысловых моментах. При этом в первом случае автор, апеллируя к логике, использует логическое ударение, во втором – воздействует на аудиторию с помощью эмфатического ударения.

Важно отметить, что, хотя выделительное ударение стабильно встречается в политических ток-шоу, частота его употребления в определенной степени зависит от личностных особенностей речи говорящего: встречается как монотонная речь, так и речь, насыщенная логическими и эмфатическими ударениями.

Выделительное ударение регулярно сопровождается жестовым ударением, т.е. синхронными с актуальной речью движениями тела, выделяющими некоторый ее фрагмент. Жестовые ударения встречаются в политических ток-шоу чаще всего, их частота – 22 на 1000 словоупотреблений. При этом обычно жестовое ударение осуществляется движениями тела (взмахом руки, наклоном головы или корпуса, поднятием плеч) – 16, заметно реже ударение реализуется мимическими движениями – 6.

Как показывают данные таблицы 2 (см. с. 105), жестовое ударение встречается немного чаще выделительного ударения. Это объясняется тем, что жестовое ударение может осуществляться многократно, подчеркивая каждое

---

* ИГИЛ – Исламское государство, запрещенная в России террористическая организация.

из слов в выделяемом фрагменте речи, тогда как логическое ударение выделяет одно из слов указанного фрагмента. Например, при продуцировании высказывания «Новичок» может синтезировать любóе государство, потому что формула его известна жестовым ударением (движение рукой от себя) выделяется каждое слово в главной части сложноподчиненного предложения, при этом логическое ударение падает на местоимение любóе.

В некоторых случаях жестовое ударение приходится на каждый слог выделяемого слова. Так, при произнесении речевого фрагмента *Ничего́ не поменяется в ситуации на Украине. Ни-че-го* логическим ударением выделяется местоимение *ничего́*, при этом ударение сопровождается широким взмахом руки сверху вниз, выражающим отношение говорящего к ситуации как безнадежной. Жестовым ударением (взмахом руки сверху вниз с небольшой амплитудой) выделяется каждый слог повторяемого слова.

Так как выделительное и жестовое ударения обычно употребляются в единстве, многие средства акцентности, которые сочетаются с логическим и эмфатическим ударением, сочетаются и с жестовым. Речь идет о таких средствах акцентности, как лексико-семантическое выделение, экспрессивная лексика, позиционно-лексический повтор, наречия меры и степени, модальные частицы и др. Например, речевой фрагмент *И это óчень важно, потому что все должно быть настроено, тогда только можно принимать решение* выделяется целым рядом акцентуаторов: логическим ударением (*óчень*), жестовым ударением (сечение ребром ладони), наречием степени (*очень*), лексико-семантическим выделением (*важно*).

Как уже отмечалось, жестовое ударение иногда может совмещаться с иной жестикуляцией (см. с. 74). Наиболее часто жестовое ударение сливается с дейктическими жестами и жестом «внимание».

Как и выделительное ударение, жестовое ударение регулярно употребляется в политическом телеэфире, однако его частота, а также варианты осуществления зависят от индивидуальных особенностей говорящего. Участники телепрограммы с более сдержанным кинесическим поведением могут периодически использовать

такие варианты жестового ударения, как наклоны головы, движения руками с небольшой амплитудой, обычно на уровне пояса; выступающие с более экспрессивной манерой изложения регулярно прибегают к размашистым жестовым ударениям, при этом жестикуляция осуществляется на уровне корпуса, плеч, головы.

Средством акцентности, приближенным к центру ядра категории, является **инверсия**. В политических ток-шоу нарушение прямого порядка слов встречается часто, однако во многих случаях оно объясняется спонтанностью речи. Средняя частота инверсии, не связанной с речевыми сбоями, составляет 4 раза на 1000 словоупотреблений.

Инверсия как средство акцентности, как правило, дополняется другими акцентуаторами, прежде всего логическим и жестовым ударениями. Так, в высказывании *Инициаторами этого процесса были не мы, санкции в отношении нас ввели* экспрессивный вариант словорасположения наблюдается в обеих частях бессоюзного сложного предложения. При этом в первой части акцентируется личное местоимение (*не мы*), во второй – глагол *ввели*, который, будучи ремой, усиливается в качестве акцентуатора логическим и жестовым ударениями (наклоном головы вперед).

В высказывании *Трамп – мы об этом неоднократно говорили – человек исключительно прагматичный* прилагательное *прагматичный* в функции ремы высказывания подчеркивается логическим и жестовым ударениями (движением руками от себя с раскрытыми ладонями, повернутыми к аудитории). Кроме того, выделение важной для автора характеристики политика усиливается наречием степени *исключительно*.

Экспрессивный порядок слов, как правило, не зависит от типа и вида речи и встречается как в монологичных, так и в диалогичных фрагментах телепередачи, как в повествовании, так и в рассуждении.

Более удалены от центра ядра категории некоторые языковые и речевые средства акцентности, выражающие те или иные экспрессивные значения.

Экспрессия, как известно, создается стилистическими фигурами, относящимися к разным уровням языковой системы.

Хотя в политических телепрограммах большое количество экспрессивных средств образует общий оценочный фон и поэтому относится к периферии категории акцентности, встречаются и такие яркие экспрессивные средства, которые выделяют некоторый сегмент речи на фоне других и, соответственно, тяготеют к ядру ФССК акцентности.

Например, средняя частота употребления **экспрессивной лексики** и фразеологии в политических ток-шоу составляет 12. При этом «яркие» ядерные средства встречаются с частотой 3, а «фоновые» периферийные – 9.

Выбор говорящим экспрессивного слова или словосочетания вместо нейтрального синонима привлекает внимание к сообщаемому и поэтому, по существу, является смысловым акцентом, сопряженным с эмоциональной оценкой предмета речи. Ср. метафорическое использование глагола *выжать* вместо словосочетания «извлечь выгоду», глагола *выкатить* вместо «показать», глагола *замазать* вместо «скрыть» и т. п.

Нередко оценка, выраженная экспрессивным синонимом, усиливается эмфатическим или логическим ударением, а также мимикой и жестикულიцией (иногда наигранной), например, театральным закатыванием глаз, демонстративным разведением рук в стороны, взмахом руки.

Так, высказывание *Это было бы шизофрeнией, если бы мы просто ограничили там доступ, например, к микроэлектронике* произносится с интонацией возмущения, которая усиливается эмфатическим ударением на слове *шизофрeния*.

В высказывании *Если альянс развалится, всполыхнет вся Восточная Европа* экспрессия выражается как использованием глагола *всполыхнуть* в переносном употреблении, так и жестикой (жест «схватиться за сердце», см. рисунок 60).

Рисунок 60

Выделение, осуществляемое с помощью экспрессивной лексики, может усиливаться лексическими повторами. Например, в высказывании *Потому что траванули не их, траванули каких-то принципиально случайных людей* автор повторяет разговорный глагол *травануть*, чем подчеркивает свое недоверие к правдивости сообщаемой информации, скептическое отношение к словам оппонента.

Выделение, обусловленное выбором лексики, может усиливаться и другими экспрессивными средствами (словообразовательными, морфологическими, синтаксическими). Так, в речевом фрагменте *Америке все везде недоплачивают, Америку все везде недоуважают* анафора (единоначалие) создается повтором начинающих соседние высказывания сочетаний слов (*Америке все везде, Америку все везде*) и, кроме того, приставки *недо-* в составе глаголов *недоплачивают* и *недоуважают*, что в последнем случае приводит к созданию экспрессивного слова (неологизма).

Нужно отметить, что экспрессивная лексика сравнительно равномерно употребляется в разных сегментах телепередач (в формах и типах речи – в повествовании, в рассуждениях ведущего и гостей эфира, в монологичных и диалогичных фрагментах телепередачи).

Еще дальше от центра располагаются акцентуаторы, включающие лексику с семантикой выделения и усиления, а именно лексико-семантическое выделение, вопросно-ответный ход и перформативы. Частота таких средств составляет около 8 раз на 1000 словоупотреблений.

Лексико-семантическое выделение, как уже отмечалось, осуществляется посредством любых слов и коммуникативных фрагментов, функция выделения которых обусловлена самой семантикой лексических единиц. В анализируемых текстах эти слова используются регулярно (частота – 5).

Во многих случаях лексико-семантическое выделение сочетается с использованием наречий меры и степени (*крайне важно, очень существенный, достаточно серьезный*). Морфологически лексико-семантическое выделение часто оформляется превосходной степенью имени прилагательного (*самый главный, важнейший, наиболее существенный*).

Глаголы, в предметно-логической семантике которых есть сема выделения, нередко используются в функции перформативов: *Я еще раз подчеркиваю, что наше вооружение и присутствие американцев имеют психологическое значение.* Весьма характерно использование лексико-семантического выделения в составе проспективных конструкций: *Послушайте, я объясню, что главное...* Еще один типичный случай – употребление слов с семантикой выделения во вставных конструкциях: *...немецкая пресса вообще этот саммит называет – внимание! – танцем на действующем вулкане.*

Кроме того, лексико-семантическое выделение регулярно сопровождается логическим ударением и усиливается жестовым. Так, в высказывании *Отсюда вывод еще очень важный: лучше не иметь никаких договоров, чем иметь плохие договора* лексико-семантическое выделение с использованием прилагательного *важный* сочетается с последующими логическим и жестовым (движение вниз рукой с выставленным указательным пальцем, см. рисунок 61) ударениями, которые падают на слово *плохие*. В другом примере *...главное, что он безопасен для тебя* лексико-семантическое выделение (*главное*) предшествует логическому ударению, которое падает на краткое прилагательное *безопасен*.

Рисунок 61

Встречаются случаи, когда важный для автора фрагмент речи акцентируется одновременно и лексико-семантическим выделением, и жестом «внимание». Например, при продуцировании фрагмента *...это **очень серьезно** для британцев...* словосочетание *очень серьезно* сопровождается жестикуляцией выделения (см. рисунок 62).

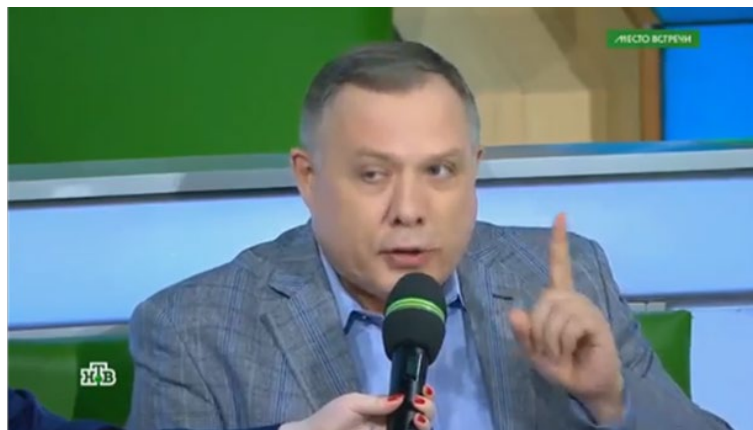

Рисунок 62

Как уже упоминалось, лексико-семантическое выделение может входить в состав проспективных конструкций, которые сигнализируют о том, что последующая информация важна с точки зрения автора сообщения.

Приведем примеры. В речевом фрагменте *Господа, давайте попробуем вычлени́ть в этом потоке разнообразной информации самое важное. Самое важное, с моей точки зрения, состоит в том, что...* проспективное высказывание

заканчивается лексико-семантическим выделением (*самое важное*), которое повторяется в начале следующего высказывания.

В высказывании *И вот что тут главное. Я подчеркиваю, что если все-таки взять за основу..., то* [это происходит] *не без участия тех же британских спецслужб* проспективная конструкция (*и вот что тут главное*) включает в себя лексико-семантическое выделение (*прилагательное главное*) и сопровождается перформативом *подчеркиваю*, имеющим к тому же семантику выделения (акцента).

Проспективные конструкции, как и другие проявления лексико-семантического выделения, сочетаются с логическим ударением, жестовым ударением, жестом «внимание», некоторыми жестами-иллюстраторами. Так, в проспективном высказывании *Я хотел бы сказать главную вещь, которая произошла вот за эти четыре года* логическим и жестовым ударением (сечением ребром ладони) выделяется прилагательное *главный*. В речевом фрагменте *И это мы действительно сделаем, объясню почему* акцент усиливается логическим ударением и жестом «внимание». Проспективная синтаксическая конструкция *Нам нужно обратить внимание на две вещи* сопровождается логическим ударением, жестом «два», жестовым ударением (поднятием бровей).

В наших материалах лексико-семантическое выделение встречается относительно равномерно: оно используется в монологических и диалогических фрагментах сверттекста, повествовании и рассуждении. Проспективные же конструкции с лексико-семантическим выделением обычно встречаются в рассуждении.

Лексико-семантическое выделение тесно связано с вопросно-ответным ходом, который явственно реализует выделительную функцию: вопрос, сопровождаемый ответом самого говорящего, активизирует внимание адресата и тем самым выделяет следующий за вопросом ответ. Данный акцентуатор встречается с частотой 2.

Ответ, входящий в состав вопросно-ответного хода, может выделяться многими средствами акцентности, а именно:

лексико-семантическим выделением: *Что такое Минские соглашения?*
Минские соглашения – первый и главный документ;

логическим ударением: *...почему страны запада... сегодня как-то скептически на это смотрят, почему? Потому что получается, что платить должны они;*

повторами (как позиционно-лексическими, так и синтаксическими): *Кто на это отвечает? На это отвечают два государства, это не одна Российская Федерация. На это отвечают Россия и Китай; Почему Тимошенко не может говорить то же самое? Потому что у нее своя партия, у нее своя история...*

При этом нередко иные средства акцентности употребляются одновременно. Так, в высказывании *Что для него самое главное? Самое главное для него – американские интересы, внутренний интерес, поэтому все, что он делает в отношении Европы, он делает исходя исключительно из своих корыстных американских интересов* ответ, входящий в состав вопросно-ответного хода, выделяется логическим ударением (*внутренний*), превосходной степенью прилагательного (*самое главное*), позиционно-лексическим повтором (*американские интересы*), частицей (*исключительно*).

Отметим, что вопросно-ответный ход наиболее часто встречается в рассуждениях в монологичных фрагментах текста.

Предикаты, выражающие значение выделения (как лексически, так и контекстуально), могут выступать в роли перформативов. В политических телепрограммах они распределяются неравномерно и встречаются в целом относительно нечасто.

В некоторых случаях перформативы употребляются говорящим несколько раз в пределах одного сверхфразового единства. При этом основным средством акцентности является логическое ударение, перформативы же усиливают выделение. Например, в сверхфразовом единстве *Я напоминаю, у нас предметно*

обсуждали вопросы, связанные с отключением от целого ряда инструментов финансирования... Это реально обсуждалось, я напоминаю, в парламентах, в том числе в Великобритании... перформатив напоминаю повторяется дважды, при этом в первом случае он выделяется логическим ударением, во втором же случае логическое ударение падает на предшествующее перформативу наречие реально.

Перформативы, как и лексико-семантическое выделение, употребляются как в монологических, так и в диалогических фрагментах текста, в повествовании и рассуждении. При этом важно отметить, что использование перформативов связано с личностными особенностями говорящего: одни участники телепередачи употребляют перформативы регулярно, другие – крайне редко. Поэтому в нашем материале наблюдается неравномерное распределение данного типа акцентуаторов.

Другим ядерным средством, имеющим специализированную семантику, является жест-эмблема «внимание». В отличие от иных эмблематических жестов, которые, дублируя или замещая часть вербального сообщения, обычно усиливают его значение, жест «внимание» выражает именно семантику выделения, поэтому, несмотря на относительно невысокую частоту употребления, он занимает место в ядре категории акцентности.

Эмблема «внимание» нередко сочетается с иными акцентуаторами (преимущественно с лексико-семантическим выделением, проспективными синтаксическими конструкциями, вставными конструкциями), однако может употребляться и отдельно от них.

Например, в речевом фрагменте *Она не исключила, Грэг, слушайте внимательно, не исключила, что эта пара из Эймсбери отравилась остатками от той партии «Новичка»...* говорящий выделяет жестом «внимание» глагол с частицей *не исключила*, подчеркивая некатегоричность высказывания политика (см. рисунок 63). Выделяемая формулировка повторяется дважды, жест-эмблема «внимание» осуществляется также два раза.

Рисунок 63

Частота употребления жеста «внимание» в политических ток-шоу в большей степени зависит от личностных особенностей говорящего, тип и вид речи не влияют на регулярность употребления жеста.

Еще дальше от центра ядра категории располагаются позиционно-лексические повторы. Акцентность реализуется повтором слов в одних и тех же синтаксических позициях предложений, образующих сверхфразовые единства. Частота употребления позиционно-лексических повторов в политических ток-шоу составляет 4.

Позиционно-лексический повтор сочетается со многими другими средствами акцентности. В первую очередь он органично связан с синтаксическим параллелизмом (см. с. 59). Пример:

Значит, сам процесс требования денег и выбивания денег – это тоже инструмент влияния. <...> ...поэтому сам процесс шантажирования вот этими самыми деньгами – тоже инструмент влияния.

Позиционно-лексический повтор нередко усиливается логическим (и жестовым) ударением. При этом оно может падать как на каждый повторяющийся фрагмент речи, так и на один из них (как правило, последний).

Например, в речевом фрагменте *...и санкции, и, контрсанкции, которые мы **вынуждены*** – Дмитрий совершенно справедливо заметил – ***вынуждены** были ввести* логическим ударением выделяется второе употребление слова *вынуждены*. Более того, логическое ударение усиливается жестовым ударением (взмахом рукой вниз от себя), при этом повторяемое слово разделяет вставная конструкция.

В высказывании *Джеймс Ставридис заявляет, что у НАТО сегодня две проблемы* [пауза]. *Две́* логическое ударение падает на второе употребление имени числительного *два*, акцент усиливается паузой.

Кроме того, фрагменты, повторяемые в рамках одного сверхфразового единства, могут включать в себя:

слова, реализующие лексико-семантическое выделение: *Здесь важна динамика, здесь важна динамика, год назад у Олега этот сыр стоил 1200 или 1500. 2 года назад – 2000 рублей. Тут важна динамика;*

наречия меры и степени: *То, что происходит сейчас на Украине – это прямо очень-очень-очень плохо, даже учитывая наши отвратительные отношения с Украиной;*

превосходную степень прилагательного: *Самое главное, самое главное, вот мы понимаем, что в преддверии противостояния с Китаем Россия нужна США как минимум как нейтральная сторона;*

модальные частицы: *И санкции занимают там всего два с половиной процента вот этого товарооборота. Всего, так, на всякий случай.*

Позиционно-лексические повторы в политическом телеэфире характеризуются регулярностью употребления, к ним прибегают практически все участники ток-шоу. Они активно используются в рассуждении и повествовании, в монологической и диалогической речи.

Наконец, в ядро категории входят некоторые модальные частицы и наречия меры и степени, при этом данные акцентуаторы наиболее удалены от центра ядра.

Модальные частицы очень неоднородны, их средняя частота составляет 13. Все они в той или иной степени выполняют усилительную функцию, привнося в высказывания дополнительные смыслы – диктумные (уточнение, дополнение, противопоставление и др.). При этом к ядру категории акцентности нами отнесены только те модальные частицы, которые непосредственно, то есть и без участия других единиц, выражают семантику выделения и усиления. Обычно это определительные и выделительно-ограничительные частицы: *точно, именно,*

подлинно, как раз, только, лишь, всего, хотя, исключительно. Частота таких единиц – 4.

Модальные частицы обычно сочетаются с логическим и эмфатическим ударением, при этом оно нередко падает на сами частицы: *Там **всего́** 24 % в той или иной мере почувствовали санкции; И творог, он **пра́вда** не может стоить 70 рублей за килограмм; ...они начали их скупать **и́менно** на фоне слабого рубля.*

Кроме того, частицы регулярно сочетаются с позиционно-лексическим повтором. В этих случаях повтор отмечается в двух вариантах: повторяется лишь частица (*А речь там **всего-то** шла о миллиарде двухсот миллионах долларов или евро. **Всего***) или же повторяется словосочетание, включающее эту частицу (***Именно отсутствие этого признания** было причиной провала перезагрузки с Обамой. **Именно отсутствие этого признания***).

Функцию акцента могут реализовывать некоторые наречия меры и степени, подчеркивающие высокую степень проявления признака или интенсивности действия. Так как в самой семантике этих наречий содержится значение усиления и при этом они характеризуются сравнительно высокой частотой употребления (4), они также занимают место в ядре категории акцентности.

В дискурсе анализируемых телешоу наречия меры тесно связаны прежде всего с лексико-семантическим выделением: довольно часто они употребляются в сочетании с прилагательным *важный* или наречием *важно*, например: *И вот сейчас происходит **крайне важная** вещь; Германия **очень важна** с точки 0,8 %, которые они должны доложить в основную копилку; ...**очень важно** нам понимать свои национальные интересы.* Разумеется, используются и другие адъективные словосочетания с наречиями этой группы: *Здесь **слишком большой, глобальный** вопрос, попытаюсь его тезисно...; Там **достаточно серьезная, сложная** ситуация; ...они влияли в **очень огромных** масштабах.*

Как и многие другие средства акцентности, наречия меры и степени нередко отмечаются логическим или эмфатическим ударением, а также усиливаются жестовым ударением. При этом логическое ударение может падать как непосредственно на само наречие, так и на сочетающееся с ним слово. Например:

*Это вот **совсѐм** уже другие суммы, понимаете; Это все воспринимается **кра́йне** болезненно; ...есть усталость даже от украинизации, **слишком рьяной** и насильственной.*

В некоторых случаях выделение, осуществляемое наречиями меры и степени, усиливается с помощью инверсии: *это правильное **абсолютно** решение; ...а он начинает петь другое **совершенно**; серьезным **очень** образом влияет.*

Как модальные частицы, так и наречия степени в большинстве своем не зависят от вида и типа речи. Индивидуальные особенности говорящих также почти не влияют на частоту употребления упомянутых акцентуаторов.

Как показал анализ, большинство ядерных единиц не обнаруживает специфики, связанной с их использованием в том или ином виде или типе речи, а распределяется в тексте политических телепрограмм относительно равномерно. Однако частота таких средств акцентности, как выделительное и жестовое ударение, жест «внимание», перформативы, может в определенной степени варьироваться в зависимости от индивидуально-авторской манеры речи.

3.2. Периферия ФССК акцентности

Данные о частоте акцентуаторов, отнесенных к периферии, а также о доле каждого средства акцентности относительно всех периферийных акцентуаторов представлены в таблице 3.

Нужно отметить, что использование многих периферийных акцентуаторов (в особенности это относится к невербальным средствам) определяется коммуникативными закономерностями порождения высказывания. Как отмечал Н.И. Жинкин, даже простое предложение может выражать сложную мысль, содержащую целую систему взаимозависимых суждений [Жинкин 1998; Дридзе 1980]. Эти суждения обладают разной информационной значимостью (являются предикациями разного порядка). Как показывают наши наблюдения, субъект речи при продуцировании в устном выступлении даже тех суждений, которые в создаваемом текстовом построении не окажутся особенно важными, стремится

тем не менее удержать на них внимание аудитории (в момент донесения до слушателей той или иной мысли она важна для говорящего) и зачастую произвольно использует для этого периферийные акцентирующие средства – совершает эмоционально окрашенные мимические движения, делает иллюстративные жесты и др.

Таблица 3

Периферийные средства акцентности

Средство акцентности	Частота на 1000 словоупотреблений	Доля от общего числа употреблений всех периферийных акцентуаторов, в %	Доля от общего числа употреблений всех акцентуаторов, в %
Жесты-иллюстраторы (помимо жестовых ударений, относящихся к ядру категории), в том числе:	20	32	15
дейктические жесты	8	13	6
Некоторые слова с неяркой экспрессивной окраской	9	14	7
Некоторые модальные частицы	9	14	7
Вводные слова	8	13	6
Логические паузы	2	3	1,5
Компаративы	2	3	1,5
Конструкции с противительными союзами	2	3	1,5
Чужая речь (прямая и несобственно-прямая)	2	3	1,5
Жесты-эмблемы (исключая жест «внимание»)	2	3	1,5
Сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа	1	2	0,8
Сверхфразовые единства, организуемые числительными	1	2	0,8
Синтаксический параллелизм	1	2	0,8
Ирония	1	2	0,8
Риторические вопросы и восклицания	1	2	0,8
Эмоциональная мимика	1	2	0,8
Некоторые сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным	0,2	0,3	0,2
Междометия	0,1	0,2	0,1
Вставные конструкции	0,1	0,2	0,1
Итого	62	100	47

Периферийные средства акцентности отличаются бóльшим разнообразием и меньшей частотой, чем ядерные средства. Кроме того, акцентуаторы неравномерно распределены по периферии категории. К ближней периферии относятся такие акцентуаторы, как вводные и вставные конструкции, иллюстративные жесты и некоторые единицы, создающие общий оценочный фон. В удаленную же периферию входят компаративы, акцентирующие паузы, междометия, а также особая организация сверхфразовых единств и некоторые сложные предложения. Рассмотрим периферийные средства подробнее.

Как уже отмечалось, в телепрограммах выделительно-усилительную функцию регулярно выполняют вводные слова и сочетания слов, относящиеся к разным семантическим разрядам. Средняя частота употребления вводных слов в роли акцентуаторов – 8. Заметно реже функция акцентирования выполняется вставными конструкциями.

При этом вводные слова, выражающие высокую степень достоверности сообщаемого (*конечно, разумеется, действительно*), имеют частоту 4. Вводные слова, распределяющие композиционно-смысловые акценты в предложении и в тексте (*итак, наоборот, с одной стороны*), а также контактоустанавливающие, служащие для привлечения внимания адресата вводные слова (*представьте, согласитесь, заметьте*) – частоту 2 и 2 соответственно.

Вводные слова и конструкции, подобно другим акцентуаторам, относящимся к периферии функционального семантико-стилистического поля акцентности, лишь усиливают и модально осложняют смысловое выделение фрагмента высказывания, осуществляемое другими лингвистическими средствами. При этом вводные слова, как правило, предшествуют выделяемым фрагментам речи. Выделение, осуществляемое с использованием вводных слов, иногда может усиливаться иллюстрирующими жестами. Например, высказывания, содержащие контактоустанавливающие вводные слова, могут сопровождаться дейктическими жестами (указание взглядом, наклоном головы, движением рук на обсуждаемый объект, см. с. 85), а высказывания с вводными словами, выражающими логические

связи, обычно подкрепляются жестами сопоставления, реже жестами перечисления (см. с. 93).

В случаях же использования говорящим вставных конструкций функция выделения реализуется не семантико-синтаксическими свойствами этих конструкций, а их лексическим наполнением. Поэтому можно сказать, что вставные конструкции как акцентуаторы органично связаны с лексико-семантическим выделением. Так, отмечается следующая закономерность: в составе вставных конструкций регулярно используются слова, усилительно-выделительная функция которых определяется самой семантикой этих лексических единиц. Например:

Для этого конфликтующие стороны должны продемонстрировать некие шаги и жесты, которые – тут, пожалуйста, внимание – Франция предварительно оговорила...

...начали стрельбу, хотя видели там и гражданские автомобили, (и вот тут внимание) и даже школьные автобусы, но это их не остановило.

Примечательно, что вставные конструкции в ряде случаев сопровождаются соответствующей акцентирующей жестикуляцией. Так, подчеркивание значимости сообщаемого усиливается жестом «внимание» (см. рисунок 10); уточняющая семантика, нередко выражаемая с использованием однородных членов предложения, – жестикуляцией перечисления (см. рисунок 57); семантика отрицания – жестами, усиливающими это отрицание (качание головой из стороны в сторону в такт речи, резкое движение рукой в сторону при произнесении отрицательной частицы).

Нужно отметить, что распределение вводных слов и словосочетаний, а также вставных конструкций в текстах является неравномерным. Их выбор и частота употребления определяются, например, типом и формой речи: слова, выражающие композиционно-смысловые акценты, обычно употребляются в рассуждении в монологичных фрагментах передачи, слова, отражающие высокую степень уверенности говорящего, – в разновидностях диалогической речи.

Другим средством акцентности, относящимся к ближней периферии, является иллюстративный жест – один из наиболее частотных средств акцентности. Средняя частота жестов-иллюстраторов составляет 42. При этом примерно половина из них – это жестовые ударения (22), которые входят в ядро ФССК акцентности, половина – это иные иллюстрирующие жесты (20), которые относятся к периферии категории.

Периферийные иллюстрирующие жесты составляют третью часть от числа всех периферийных акцентуаторов. Большую часть периферийных иллюстраторов занимают дейктические жесты, которые указывают на какой-либо субъект или объект либо на точку во времени или пространстве. Иные иллюстраторы изображают размер, количество, направление, границы и иные параметры описываемого предмета речи.

Иллюстраторы, как правило, усиливают выделение, выраженное языковыми средствами акцентности. При этом жестовые ударения чаще встречаются при произнесении главной мысли, а иллюстрирующие жесты, указывающие на разные параметры предмета речи, обычно сопровождают примеры или аргументацию.

Например, при произнесении речевого фрагмента *Нас вдруг европейская цивилизация стала отторгáть... Это нам сказали: ребята, вот у нас дверь вот такая, а чего-то здесь плечами не вписывается, здесь затылком задеваете, и у нас тут еще такая приступочка, а вы не хотите нагибаться, и как-то вы нам не подходите...* главная мысль, озвученная в первом предложении, подчеркивается логическим и жестовым ударениями (*отторгáть*), инверсированным порядком слов, дейктическим жестом (движение двумя руками к себе при произнесении местоимения *нас*). В последующем предложении говорящий последовательно использует несколько иллюстрирующих жестов: сначала жестикулирующий «рисует» в воздухе двумя руками с выставленными указательными пальцами квадрат (изображая «дверь»), далее он разводит руки в стороны, при этом жестикуляция совершается на уровне верхней границы изображенной ранее фигуры (иллюстрируя «плечами не вписывается»), потом – поднимает одну руку

еще выше («затылком задевает»), наконец, наклоняется вперед, пригибая голову («нагибаться»).

Иллюстративные жесты регулярно встречаются в политических телепрограммах. Отметим, что частота их употребления может существенно варьироваться в зависимости от личностных особенностей и манеры речи говорящего.

В ближнюю периферию входят также единицы, создающие общий оценочный фон и тем самым способствующие акцентности. К числу таких единиц относятся часть экспрессивной лексики, некоторые модальные частицы, противительные конструкции, чужая речь, синтаксический параллелизм, ирония, риторические вопросы и восклицания, а также такие невербальные средства, как жесты-эмблемы и эмоциональная мимика.

Как уже отмечалось, политический телеэфир отличается большим количеством экспрессивных средств, которые как формируют общий оценочный фон, так и выделяют некоторые фрагменты речи из общего потока. Яркие экспрессивные средства входят в ядро категории, те же слова, словосочетания, фразеологизмы, которыми создается экспрессивно-эмоциональный фон, располагаются на периферии категории. Примеры экспрессивных слов и фразеологизмов, используемых в роли «фоновых» акцентуаторов: *Андрюша* (ласковая или контекстуально фамильярная форма имени), *вопросец*, *силенки*, *коровки*, *морочить голову*, *смотреть в рот* и под.

В большинстве случаев такая экспрессивная лексика и фразеология используются преимущественно для выражения негативной оценки. При этом даже слова, образованные с помощью уменьшительных суффиксов (*силенки*, *коровки* и под.), обычно употребляются в ироничном контексте и выражают неодобрительное или пренебрежительное отношение говорящего к чему-либо.

Перечисленные «фоновые» экспрессивные средства активно используются в речи большинства участников телеэфира, поэтому их употребление пересекается с использованием почти всех других акцентуаторов. Кроме того, регулярность употребления экспрессивных средств практически не зависит от вида и типа речи,

однако манера речи автора сообщения в некоторой степени коррелирует с количеством употребляемой им экспрессивной лексики и фразеологии.

Аналогичным образом модальные частицы, выполняющие усилительную функцию, делятся нами на две группы. Частицы, непосредственно выражающие семантику выделения и усиления, относятся к ядру категории акцентности. Те же модальные частицы, которые сопровождают выделенный иными акцентуаторами фрагмент речи, усиливая акцент, или работают на создание общего оценочного фона, относятся к периферии и имеют частоту 9. Обычно в роли фоновых частиц выступают усилительные частицы (*даже, даже и, же, ведь, уже, ну, ни, еще, то, просто, прямо*), которые в той или иной степени пересекаются с другими средствами акцентности.

Наиболее регулярно периферийные модальные частицы, как и ядерные, сочетаются с выделительным ударением: *...все остальные **даже** не почувствовали этого дела; ...потому что НАТО **ведь** за последние годы заключило только с Финляндией более пятисот соглашений; ...и люди на востоке, и люди на западе вряд ли **уж** так этнически близки.*

Указанные частицы регулярно встречаются в монологах и диалогах, в рассуждении и описании. Их частота также не зависит от личностных особенностей автора сообщения.

Конструкции с отрицанием *не... а* и *а... не* выступают в роли акцентуаторов относительно нечасто (2 раза на 1000 словоупотреблений). Выделение ими фрагментов высказывания усиливается другими акцентуаторами, в частности выделительным и жестовым ударениями, а также некоторыми иллюстративными жестами (дейктическими или отражающими логико-смысловые отношения). Например, в высказывании *Это классический дипломат, который назначен **не** на то..., чтобы управлять нацистскими батальонами, **а** для того, чтобы протраивать какие-то другие отношения* противопоставление усиливается логическим ударением (*другие*), а также жестовым ударением (движением рукой от себя с выставленным указательным пальцем).

Чужая речь (прямая речь, эпизодически несобственно-прямая), как уже отмечалось, нередко используется в политических ток-шоу при «пародировании» чьих-либо слов, эти слова выделяются и оцениваются говорящим. Частота этих акцентуаторов – 2.

В качестве акцентуатора чужая речь часто сочетается с другими эмоционально-экспрессивными акцентирующими средствами – эмоциональной интонацией, мимикой, жестикуляцией, выбором экспрессивных синонимов, междометиями и др.

Рассмотрим ряд примеров.

(1) В речевом фрагменте *«Я дурака валяю, когда замахиваюсь, – Трамп говорит. – Ты куда, Джо, стой!»*. А Джо уже: *«Аааа!»* с помощью прямой речи телеведущий в комической манере иллюстрирует разногласия в политических взглядах двух политиков (Трампа и Байдена). Речевой сегмент включает разговорный фразеологизм (*валять дурака*) и междометие (*Аааа*). Фрагмент высказывания произносится с эмоциональной интонацией (сначала наигранное удивление, потом якобы злость) и усиливается жестами-иллюстраторами – жестом, имитирующим попытку кого-либо удержать (см. рисунок 64), и жестом, изображающим замахивание кулаком (см. рисунок 65).

Рисунок 64

Рисунок 65

(2) *Значит, они кулуарно обо всем договорились, Зеленский говорит: «Господин президент, все нормально». Выходит и говорит: «Слушай, ты дурак, Вася».*

В этом случае говорящий прибегает к чужой речи, чтобы показать, что версия событий, представленная оппонентом, странная и маловероятная. При этом он в узком контексте сочетает книжную и разговорную лексику (*кулуары, дурак*), использует иллюстрирующую жестикуляцию (первая реплика *Господин президент, все нормально* сопровождается кивком и выставленной вперед ладонью, как при попытке кого-либо успокоить, обнадежить, вторая – *Слушай, ты дурак, Вася* – разведением рук в стороны, означающим незнание, непонимание).

(3) При произнесении высказывания *Эти говорят: «Нет, слушай, вот как-то вот не очень правильно, нужно, чтобы это ощущение, чтобы оно вот так и так...»* говорящий пародирует нечеткий и неуверенный ответ политиков, прибегая к пародирующей интонации (чужая речь произносится медленно, неуверенно), мимике (говорящий прищуривается, изображает натянутую улыбку), жестикуляции (быстрым и небольшим поворотом руки с растопыренными пальцами).

Чужая речь может сочетаться с широким составом средств акцентности, в частности, она может включаться в состав вопросно-ответного хода или перспективных конструкций, может быть представлена риторическими вопросами и восклицаниями.

Приводимый ниже речевой фрагмент вводится без показателей чужой речи, однако говорящий воспроизводит речевую манеру пародируемого лица. Перед нами, следовательно, своеобразная несобственно-прямая речь.

Потому что идет проблема какая? Мы вас заставим быть, как мы, [пауза] и заставим вашу элиту, ваше политическое руководство соответствовать тем нормам и правилам, тем ценностям, которые есть у нас.

Здесь говорящий прибегает к вопросно-ответному ходу (*Потому что идет проблема какая? Мы вас заставим быть, как мы...*), при этом ответ он дает от лица европейских политиков. Высказывания сопровождаются иллюстрирующей жестикуляцией: произнесение местоимений *вашу, ваше* сопровождается дейктическим жестом (движением руки от себя, указывающим на условного собеседника), *тем* – жестовым ударением, *нас* – дейктическим жестом (движением руки к себе).

В речевом фрагменте *Он сказал: «Дурак какой-то, понимаете, просто? С кем он собрался воевать, эта структура, которая там в мире растет, побеждает и так далее. Он с ним [союзом] собрался воевать!»* прямая речь завершается риторическим восклицанием (*Он с ним собрался воевать!*). Показательны и интонация возмущения, экспрессивные жесты – жестовые ударения, жест «всплеснуть руками».

Обычно к чужой речи как к средству пародии в политическом телеэфире обращаются в монологичных фрагментах ток-шоу при повествовании.

Синтаксический параллелизм как средство акцентности в политических ток-шоу встречается относительно нечасто. При этом повтор синтаксических конструкций сочетается как с вербальными, так и с невербальными средствами акцентности. Чаще всего такие повторы сопровождаются логическим или эмфатическим ударением, а также жестовым ударением.

Например, речевой фрагмент *Мы даже не могли себе представить, что у нас в стране будет война, что у нас будет власть вследствие госпереворота управлять тактикой террора, что у нас будет процветать терроризм, что у нас будет преследование человека по убеждениям* содержит повторяющееся

придаточное изъяснительное предложение. Каждый раз последнее слово в придаточном предложении отмечается логическим ударением и при этом сопровождается ударением жестовым (движением руки сверху вниз при произнесении ударного слога). Кроме того, используется анафора, т.е. повтор начального словосочетания (*у нас будет*).

В высказывании *Вы запретили нам экспорт, хорошо: **вертолетные двигатели сами производим, морские двигатели сами производим*** логическим ударением выделяется местоимение *сами*, это выделение усиливается жестовым ударением (движением руки вниз и вперед с выставленным указательным пальцем), при этом используется эпифора – повтор предикативной единицы (*сами производим*) в конце каждой из частей бессоюзного сложного предложения.

Поскольку синтаксический параллелизм часто используется при описании последовательности каких-либо событий или при перечислении некоторых явлений, он нередко поддерживается иллюстрирующей жестикуляцией.

Речевой фрагмент *Давай **нанесем** удар по Северной Корее, давай **нанесем** удар по Венесуэле, давай **нанесем** удар по Ирану* содержит анафору (*давай **нанесем** удар*) и сопровождается жестом-иллюстратором (широким движением руки сверху вниз с выставленным указательным пальцем).

При продуцировании же высказывания *Есть люди, которые верят в эту роль, есть люди, которые не верят, есть люди, которые верят в цивилизацию, есть люди, которые не верят* говорящий совершает жестикуляцию сопоставления: движения рукой в одну сторону сопровождают *которые верят*, в другую – *которые не верят*.

Синтаксический параллелизм обычно встречается в монологичных фрагментах телепередачи при рассуждении или повествовании, но частота его употребления не зависит от личностных особенностей говорящего.

В создании оценочного фона также регулярно участвует ирония. Когда говорящий прибегает к иронии, он может как подкреплять ее эмоциональной интонацией, эмоциональной мимикой и жестикуляцией, так и – реже – обходиться без невербальных средств.

Например, при произнесении высказывания *Испания прекра-асную позицию заняла* ироничное отношение говорящего к позиции Испании выражается интонацией, легкой улыбкой, прищуром, жестом «развести руками». Высказывание *Мне кажется, мы все вместе в студии раскрыли большой замысел, большой секрет* выражает ироничное отношение говорящего к представленной ранее позиции, но при его произнесении не используются какие-либо экспрессивные невербальные средства.

Риторические вопросы и восклицания нередко выполняют функцию эмоционального выделения определенных речевых сегментов. Риторические вопросы и восклицания сочетаются с другими экспрессивно-эмоциональными средствами – эмоциональной интонацией, эмоциональной мимикой и жестикуляцией.

Например, риторический вопрос *А какую беседу надо проводить?!* произносится с интонацией возмущения, сопровождается соответствующей мимикой и жестом «развести руками», указывающими на бессилие повлиять на ситуацию. Риторическое восклицание *Ну какие там угрозы от России, да это все наивно!* произносится с раздражением. Характерны при этом жест «махнуть рукой», мимическое движение «поморщиться».

Регулярность употребления риторических вопросов и восклицаний в политических ток-шоу не зависит от вида и типа речи: они употребляются в монологичных и диалогичных сегментах телепрограммы, рассуждении и повествовании.

Оценочный фон создается также и эмблематическими жестами, которые в телеэфире обычно дублируют речевое сообщение и добавляют ему экспрессии. Жесты-эмблемы (кроме жеста «внимание», который выполняет именно выделительную функцию и занимает место в ядре категории) относятся к периферии категории акцентности и встречаются в политических ток-шоу с частотой 2.

Перечислим некоторые эмблематические жесты, которые наиболее часто встречаются в политических ток-шоу, от относительно нейтральных к более

экспрессивным: «да», «нет», «пожать плечами», «развести руками», «махнуть рукой», «положить руку на сердце», «схватиться за голову», «воздеть руки к небу», «покрутить пальцем у виска». Такие жесты обычно сочетаются с логическим или эмфатическим ударением, с эмоциональной мимикой и экспрессивной лексикой и усиливают положительную или отрицательную оценку говорящим чего-либо.

К использованию экспрессивных жестов-эмблем в разной степени прибегают все говорящие, частота употребления таких жестов не зависит от вида и типа речи.

Эмоциональная мимика, т.е. продолжительные мимические изменения, выражающие отношение говорящего к какой-либо теме, выступает в роли средства акцентности с частотой 1.

Обычно яркая гиперболизированная мимика, подчеркивающая эмоциональную оценку автором чего-либо, встречается в чужой речи, в риторических вопросах и восклицаниях. Например, риторический вопрос *А в какой стране мира нет преступников?!* сопровождается мимикой возмущения. Высказывание *Что же вам 28 лет мешало копить свои силы?* произносится с раздражением и сопровождается соответствующей мимикой. Во фрагменте, пародирующем чужую речь: *А давайте мы отведем от нас подозрения, траванем в том же Солсбери или рядом двух, мужика и бабу* – говорящий выражает свое ироничное отношение к ситуации улыбкой.

Гиперболизированная экспрессивная мимика, как и иллюстративные или эмблематические жесты, отмечается в политических ток-шоу как в монологических, так и в диалогических фрагментах, как в рассуждении, так и в повествовании. Ее использование в большой степени зависит от индивидуальных особенностей говорящего.

К дальней периферии ФССК акцентности относятся компаративы, паузы, некоторые сложноподчиненные предложения, особая организация сверхфразовых единств, междометия.

Компаративы, которыми обычно подчеркивается высокая степень проявления признака, в выделительной функции употребляются с частотой 2.

Прилагательные в форме превосходной степени регулярно сочетаются с лексико-семантическим выделением: *НАТО не решает те проблемы, которые им наиболее важны*; ...потому что это *важнейший* был фактор страха для Соединенных Штатов, *Самое главное*, что США готовятся к огромной сделке с Россией.

В ряде случаев форма превосходной степени прилагательного усиливается логическим ударением: ...в *настоящей сложившейся ситуации против Соединенных Штатов лучше дружить с Россией, потому что это мощнейший потенциал*; Это все сейчас находится под *жесточайшим* контролем американских и, вообще, западных спецслужб. В отдельных случаях используются также жестовые ударения.

Формы превосходной степени прилагательных равномерно распространены в речи. По нашим данным, их употребление не зависит от типа речи или личностных особенностей говорящего.

Паузы также относятся к дальней периферии ФССК акцентности. Они выполняют различные функции (см. с. 45). Что касается пауз, непосредственно выполняющих функцию акцентуаторов, то они встречаются заметно реже, чем паузы произвольные.

Примечательно, что паузы, как правило, не встречаются в речи в сочетании с иными средствами акцентности. Вполне очевидно, что пауза, являясь отсутствием звукового сигнала, не может совпадать с вербальными акцентуаторами. Она не образует единств и с невербальными средствами акцентности: эмблематическими и иллюстративными жестами. Выразительная мимика очень редко отмечается в сочетании с паузой. Она выразительна сама по себе и не требует подкрепления дополнительными средствами.

Рассмотрим пример: *Россия всегда и была, есть и будет самостоятельной, независимой цивилизацией* [пауза], *отдельным полюсом*. Здесь пауза предшествует выделяемому фрагменту речи (*отдельным полюсом*). При этом, хотя в выступлении активно используется жестикуляция, пауза не сопровождается

никакими жестовыми или мимическими движениями или изменением позы (см. рисунок 66).

Рисунок 66. Жестикуляция сменяется на нейтральную позу и мимику на момент паузы и возобновляется после нее.

Лишь в редких случаях продолжительные паузы могут заполняться эмоциональной мимикой или жестикуляцией. Так, в речевом сегменте *...но он сказал: «Наши российские гости»* [пауза] продолжительная пауза сопровождается экспрессивной мимикой (см. рисунок 67), с помощью которой говорящий выражает недоумение.

Рисунок 67

Особая организация сверхфразовых единств как способ акцентирования нужных смыслов (см. с. 64) также встречается нечасто.

Рассматриваемое средство акцентности может сочетаться с перспективными синтаксическими конструкциями, реже с вопросно-ответным ходом или использованием перформативов. Эти средства акцентности могут быть частью сверхфразовых единств либо могут предшествовать им.

Рассмотрим примеры.

(1) *Я хотел обратить внимание на такую простую вещь. Представьте,*

за ИГИЛ *стоят определенные спецслужбы, которые его создавали. Это не Украина. [пауза] Раз. [пауза] Второе. [пауза] Если какой-то агент – гражданин Пакистана или Кувейта является связным с ИГИЛ, значит, это не виновата политическая группа Кувейта или того же Пакистана.*

При произнесении сверхфразового единства говорящий с помощью проспективного высказывания с лексико-семантическим выделением в его составе (*я хотел **обратить внимание***) как бы предупреждает слушателя, что дальше последует значимая информация. Используя числительные, он структурирует аргументацию. Показательны и удлиненные паузы: они участвуют в акцентировании значимости сообщаемой информации и экспликации логичности речи.

Отметим, что, хотя в сверхфразовых единствах рассматриваемого типа акцентность осуществляется с использованием числительных, вопреки ожиданиям, не встречаются жесты-иллюстраторы, указывающие на количество или порядок. Произнесение таких речевых фрагментов сочетается с другими жестами (иллюстративными, реже эмблематическими): жестикуляцией перечисления, сопоставления, жестовыми ударениями, жестом «внимание».

(2) *Если хочешь чего-то добиться от государства, можно действовать двумя путями. **Первый.** Ну, самый простой, открыто об этом сказать*

и уговорить. **Второй:** вынуждать человека или государство, выкручивать ему руки, чтобы он сделал то, чего ты от него ждешь.

Речевой фрагмент произносится с жестикуляцией сопоставления: рука, повернутая ладонью вверх, отводится вправо, потом рука поворачивается ладонью вниз и отводится влево.

(3) Три простых мысли. **Первая** – несогласие..., что церковные дела не имеют отношения к государственным... **Вторая** мысль – про Лавры... **И третья** мысль. Не очень понятно сейчас, кто будет получать автокефалию...

При произнесении сверхфразового единства логичность изложения подчеркивается порядковыми числительными, которые сопровождаются как жестовыми ударениями, так и жестом «внимание».

Выделительно-усилительную функцию могут выполнять такие сложноподчиненные предложения местоименно-соотнесительного типа, в главной части которых используются определительное местоимение *такой* или местоименное наречие *так*, указывающие на степень проявления признака (см. с. 57).

Смысловое выделение, создаваемое с использованием указанных предложений, может усиливаться логическим и жестовым ударением. Например, в высказывании *...именно благодаря этому они так хорошо играли, что...* логическим ударением выделяется местоименное наречие *так*. При произнесении *Спор идет такой горячий по поводу Минских соглашений, что...* определительное местоимение *такой* выделяется логическим, а также жестовым ударениями (движением руки от себя вверх и поднятием бровей).

В редких случаях внимание слушателя привлекается с помощью опорного слова со значением уверенности в главной части сложноподчиненного предложения (см. с. 57).

Указанное акцентирующее средство регулярно усиливается наречиями меры и степени в его составе: *Мне совершенно точно ясно, что...; Я абсолютно уверен, что...; Я глубоко убежден, что...*

Междометия располагаются на дальней периферии категории акцентности. Как было отмечено ранее, междометия, выполняющие непосредственно выделительную или усилительную функцию, в политических ток-шоу встречаются очень редко, преимущественно в чужой речи.

3.3. Микрополя ФССК акцентности

Полевая структура функциональных семантико-стилистических категорий помимо общего деления на ядро и периферию предполагает выделение микрополей. Анализ материала позволил выделить следующие частные полевые структуры.

Микрополе усиления включает в себя лингвистические единицы, явно выделяющие коммуникативно значимые фрагменты речи. В нем непосредственно проявляется семантика акцентности. Поэтому большинство его единиц – это ядерные средства рассматриваемой ФССК. Усиление проявляется в интенсивности, или в «повышенной степени проявления какого-либо признака» (силы звука, компонента лексического значения слова, эмоциональности) [Сковородников 2011, с. 140–141].

В микрополе входят прежде всего логическое и эмфатическое ударения, которые усилением звука или звукового ряда выделяют фрагмент речи, например: *Найти как раз вот эти **внутренние** ресурсы для гонки вооружений; ...любой разумный европейский политик должен понимать, что интересы **своей** страны он не должен ставить под угрозу.*

В области невербальных единиц важнейшим средством выступает жестовое ударение: *хотели бы получить **неопровержимые** (сечение ребром ладони) доказательства; это были люди, которые влияли в **очень** огромных масштабах (наклон головой и корпусом вперед).*

Высокая степень проявления признака и, следовательно, усиление выражаются наречиями меры и степени (*очень, абсолютно, совершенно* и др.), превосходной степенью прилагательных (*наиважнейший, самый серьезный*), некоторыми модальными частицами (*точно, именно, только, лишь, всего,*

исключительно), местоименными словами в составе сложноподчиненных предложений местоименно-соотносительного типа (*Это выльется в такую проблему, что...*, см. с. 57).

Помимо этого, усиление акцента осуществляется инверсией (*Именно поэтому и нужно **наводить порядок постепенно**; он **правильно абсолютно** высказался*), позиционно-лексическим повтором (*А наш президент уже двадцать раз говорил, что **вы вне нашей зоны влияния**. Вот **вы точно вне зоны влияния**; Эта роль от нее все **больше, больше, больше** уходит*), логическими паузами, обусловленными смысловым членением речи (*В военном соотношении тоже примерно коэффициент один к трем [пауза] не в нашу пользу; Подумаем, какая будет формула. Правильно, девять [пауза] стран владеют ядерным оружием*).

Микрополе активизации внимания адресата. Оно образовано языковыми, речевыми и невербальными средствами, обеспечивающими диалогичность речи. Лингвистические единицы, входящие в указанное микрополе, позволяют адресату правильно трактовать сообщение, облегчают ему восприятие информации и тем самым усиливают речевое воздействие на него. Они в основном входят в ядро исследуемой категории.

Это перформативные высказывания с глаголами *повторяю, подчеркиваю, напоминаю* (*Это глава контртеррористического подразделения, я **напоминаю**; И, главное, что в этой истории, я **подчеркиваю**, это в определенной степени имеет отношение к терроризму*) и вводные слова, совмещающие контактоустанавливающую функцию с функцией выделения (*И вот, **представляете**, если вот эти две проблемы встретятся сейчас в Хельсинки и договорятся друг с другом; Тут, **понимаете**, вот так по щелчку она поменяла свою позицию на противоположную*).

Для активизации внимания адресата участники передачи регулярно прибегают к использованию вопросно-ответного хода (*Что здесь самое важное? Важно то, что...*), к воспроизведению чужой речи – прямой (от имени какого-либо политика), реже несобственно-прямой, а также к риторическим вопросам и восклицаниям.

Невербальными средствами, входящими в микрополе активизации внимания, являются жест-эмблема «внимание» (см. с. 74) и некоторые иллюстративные жесты, в частности, дейктические, указывающие участника речевой ситуации (см. с. 88).

Микрополе эмоциональной оценки составляют единицы, отражающие эмоционально-волевую установку автора текста. Это преимущественно периферийные акцентуаторы, а также акцентуаторы, находящиеся в переходной зоне между ядром и периферией.

В данное микрополе входят прежде всего экспрессивная эмоционально-оценочная лексика (в том числе разговорные, просторечные, жаргонные слова, архаизмы), а также некоторые модальные частицы (*даже, же, ведь, уже, ну, ни, еще, то, просто*) и междометия (*ого, увы, ай-яй-яй, черт побери*).

Экспрессивно-эмоциональная оценка может выражаться также тропами, особенно часто иронией (*В Мариуполе мир, никто там не стреляет, поэтому это счастье, что пробежал Зеленский в Мариуполе*), синтаксическим параллелизмом (*...которые сообщают, куда ходить и куда не ходить, что делать и что не делать, куда вмешиваться и куда не вмешиваться; То, что Китай берет закрывает свой собственный рынок... То, что США сейчас поддерживает своих производителей...*).

В состав невербальных средств рассматриваемого микрополя входят эмоциональная мимика, обычно гиперболизированная, которая какое-то время сопровождает выступление участника передачи или является его реакцией на речь собеседника, жесты-эмблемы (жест «всплеснуть руками», «схватиться за голову», «положить руку на сердце»), а также некоторые иллюстративные жесты, отражающие состояние говорящего или его отношение к предмету речи (обычно в сочетании с мимикой).

Микрополе рациональной оценки состоит из лингвистических единиц, отражающих рациональную оценку предмета речи автором текста.

Рациональная оценка выражается лексико-семантическим выделением (*приоритет, внимание, главный, первостепенный, подчеркнуть, важно* и др.), в том числе словами, входящими в состав воспроизводимых конструкций (*Внимание, вопрос...; Обратите внимание...; И это важно; Хотел бы сказать главную вещь*).

В микрополе рациональной оценки входят также вводные слова, выражающие степень достоверности сообщаемого (*наверное, вероятно, без сомнения, конечно, само собой, разумеется, бесспорно, действительно*), глаголы мыслительной деятельности с семантикой уверенности в чем-либо, выступающие опорными словами в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными (*Уверен, что...; Глубоко убежден, что...*), и конструкции с отрицанием *не... а* и *а... не* (*Именно эти возможности... покрываются НАТО, прежде всего политическим, а не военным соглашением; ...жесткий конфликт внутри НАТО – это не между Польшей и Чехией, а между Турцией и Грецией*). Кроме того, рациональная оценка может подкрепляться некоторыми иллюстративными жестами (см. с. 88).

Акцентуаторы, входящие в микрополе рациональной оценки, за исключением лексико-семантического выделения, относятся к периферии ФССК акцентности.

Микрополе экспликации рассуждения включает в себя единицы, выполняющие функцию акцентирования логико-смысловых отношений. Оно состоит только из периферийных акцентуаторов.

В это микрополе входят вводные слова, распределяющие композиционно-смысловые акценты в предложении и в тексте (*во-первых, таким образом, наконец, напротив, более того*), и некоторые иллюстративные жесты, как бы изображающие логические связи, например, сопоставление, противопоставление, последовательность (см. с. 94). При этом такие жесты нередко употребляются совместно с указанными вводными словами.

В отдельных случаях логико-смысловые отношения выражаются особой организацией сверхфразовых единств с помощью числительных (*Первое...*

Второе...; Это раз. ..., это два...). Например: *Вот в каком пункте прописаны прямые переговоры с сепаратистами, очень интересно на пятом году знать. Это первое. Второе. Что касается переговоров...*

Анализ показал, что лингвистические единицы, входящие в микрополя усиления и активизации внимания, как правило, тяготеют к ядру категории. В микрополе эмоциональной оценки входят как ядерные, так и периферийные акцентуаторы. Микрополя рациональной оценки и экспликации рассуждения преимущественно включают в себя периферийные акцентирующие средства.

Нужно подчеркнуть, что границы между микрополями, как и границы между ядром и периферией категории, являются размытыми. Нередко наблюдается пересечение микрополей.

Так, например, выделительное ударение относится главным образом к микрополю усиления, но логическое ударение может передавать также рациональную оценку, а эмфатическое – выражает оценку эмоциональную. Вопросно-ответный ход обеспечивает диалогичность речи, но, кроме того, подчеркивает последовательность изложения в рассуждении (*Что будет дальше? А дальше...*). Многочисленные жесты-иллюстраторы в разных контекстах могут совмещать усилительную функцию с функцией активизации внимания собеседника (дейктические жесты, указывающие на собеседника, см. с. 85), выражения эмоциональной или рациональной оценки (жесты, изображающие размер, количество, направление, см. с. 88), выражения логичности изложения (жесты, иллюстрирующие последовательность действий, см. с. 86; жесты, выражающие противопоставление, см. с. 94). Чужая речь служит активизации внимания собеседника, а при пародировании она становится ярко эмоциональной. Логические паузы относятся к микрополю усиления, но некоторые из них обусловлены эмоциональным отношением говорящего к предмету речи.

3.4. Динамический аспект реализации ФССК акцентности

3.4.1. Дискурс телевизионных политических ток-шоу как сверхтекст

Как отмечалось ранее, каждая ФССК может быть представлена как в статике, так и в динамике.

На сегодняшний день отсутствует единое определение понятия «текст». По мнению О.Б. Сиротининой, «можно вести разговор о двух пониманиях: текст как сознательно организованная речь и текст как реальная реализация речевого замысла» [Сиротинина 1994, с. 105]. Однако существуют объекты, которые не соответствуют сложившимся представлениям о тексте, но при этом обладают многими важными его характеристиками. По отношению к ним предложен термин «сверхтекст». Он используется в ряде лингвистических и литературоведческих работ [Аскарова 2012; Канныкин 2003; Купина 2015; Лотман 1987; Меднис 2003; Минц 2004; Николаева 1997; Топоров 2003; Тюпа 2006; и др.].

Остановимся на некоторых из них. Повышенный интерес отечественной филологии к сверхтексту начинается с исследований В.Н. Топорова, посвященных образу Петербурга в русской художественной литературе – петербургскому тексту, который понимается ученым как «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров 2003, с. 23]. Автор отмечает удивительное единообразие описаний Петербурга как у отдельного автора, так и у многих авторов. Примечательно, что это единообразие проявляется не только в характеристиках города, которые можно оценить объективно (например, климат, пейзаж, быт, культура), но и в субъективном «прочувствовании-переживании», в «осознании присутствия в Петербурге некоторых более глубоких сущностей, кардинальным образом определяющих поведение героев структур» [Топоров 2003, с. 26]. На основании этих наблюдений В.Н. Топоров ставит вопрос о возможности объединения совокупности текстов русской литературы о Петербурге в единый и связный петербургский текст. Это объединение он мотивирует в первую очередь семантической связностью, определяемой базовым смыслом, который формулирует так: «...путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь

и зло торжествуют над истиной и добром» [Топоров 2003, с. 27]. В.Н. Топоров подчеркивает, что «кросс-жанровость», «кросс-темпоральность» и «кросс-персональность» в отношении авторства текста «не только не мешают признать некий текст единым в принимаемом здесь толковании, но, напротив, помогают этому снятием ограничений как на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах» [Топоров 2003, с. 26].

Н.Е. Меднис эксплицирует категорию культуроцентричности, отражающую «внетекстовые явления, которые лежат за рамками достаточно широких... текстовых границ и выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие» [Меднис 2003]. Исследователь выделяет шесть признаков сверхтекста: 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, который в системе «*внетекстовые реалии – текст*» предстает как единый концепт сверхтекста (например, локус или авторство); 2) полевая структура сверхтекста, которая подразумевает знание читателем некоего не статичного, но относительно стабильного круга текстов (ядра) и возможности изменения или исключения периферийных текстов; 3) синхроничность, необходимая для восприятия сверхтекста в его текстовом качестве, для аналитического описания, воссоздания того или иного сверхтекста; 4) смысловая цельность, рождающаяся в месте встречи текста и внеположенной реальности; 5) общность художественного кода, т.е. языковая общность, которая, складываясь в зоне встречи конкретного текста с внетекстовыми реалиями, закрепляется и воспроизводится в различных субтекстах как единицах целого; 6) устойчивость и динамичность границ сверхтекста (например, у многих сверхтекстов относительно ясно прослеживается начало, но не обнаруживается конец).

С лингвистических позиций к проблематике сверхтекста подходит Н.А. Купина. В ее трактовке сверхтекст – это «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального / аномального» [Купина 1994, с. 215]. Автор предлагает

типологизацию сверткста по ряду оснований: по типу целостности выделяются свертксты с тематической целостностью и модальной доминантой; по признаку завершенности / незавершенности свертксты разделяются на закрытые и открытые; по категории авторства выделяются авторские и неавторские свертксты; с точки зрения структурной определенности свертксты делятся на однотипно и неоднотипно структурированные.

В осуществляемом нами исследовании каждый выпуск передачи политического ток-шоу рассматривается как сверткст. Он обладает относительной тематической целостностью, поскольку охватывает круг наиболее актуальных политических событий, и модальной доминантой, так как в передаче преобладают рациональные и эмоциональные оценки этих событий, соответствующие интересам Российского государства. При наличии многих выступающих дискуссия, тем не менее, реализует главенствующую авторскую позицию (позицию автора-ведущего), в то время как выступления большинства других коммуникантов поддерживают и развивают ее. При этом оппозиционные выступления вызывают острую критику собеседников, дополнительно усиливая указанную модальную доминанту телепередачи.

Итак, сверткст анализируемых телепередач подчинен некоторому замыслу, предполагающему трансляцию определенных политико-идеологических смыслов (идеологем). Обычно замысел отчетливо проявляется уже во вступительном слове ведущего. Ключевые смыслы представленной позиции, разделяемые большинством коммуникантов, многократно ими повторяются в разных вариациях, а в конце передачи, как правило, реализуются в кратком итоговом выступлении ведущего.

Сверткст разделяется на речевые партии. Под речевой партией мы понимаем все сказанное каждым из коммуникантов (телеведущим, гостем, экспертом) на протяжении всей телепрограммы. Любой участник телешоу, будучи носителем определенных политических взглядов, стремится неоднократно реализовать важные для него политико-идеологические смыслы.

Речевая партия делится на более мелкие единицы – выступления, произнесенные коммуникантом после того, как ведущий предоставит ему слово. Каждое хорошо организованное выступление отчетливо обнаруживает воплощенную в нем основную мысль, которая всегда выделяется теми или иными средствами акцентности.

Разные участники передачи нередко выражают близкие мысли, которые реализуют одну и ту же идеологему. Поэтому, анализируя выступление коммуникантов, мы получаем возможность установить состав выделяемых акцентуаторами политико-идеологических смыслов. Отметим, что идеологемы, поддерживающие замысел сверхтекста, отличаются бóльшим разнообразием, чем смыслы, представляющие какую-либо альтернативную точку зрения.

3.4.2. Акцентное выделение основных политико-идеологических смыслов

Проиллюстрируем сказанное на материале трех выпусков политических ток-шоу на разных телеканалах.

Выпуск телепрограммы «Время покажет» на Первом канале от 13 июля 2018 года включает в себя три тематических блока: «Искаженная реальность» о механизмах информационной войны, «Санкции во благо» об антироссийских санкциях и «Дональд Трамп в Великобритании» о рабочем визите президента США в эту страну. Названные тематические блоки автономны, поэтому каждый из них анализируется как отдельное сверхтекстовое образование.

Рассмотрим подробнее блок «Санкции во благо».

Опираясь на вступительное слово телеведущего, замысел этой автономной части телепередачи можно сформулировать следующим образом: «Введенные санкции и ответные контрсанкции не смогли навредить экономике Российской Федерации, напротив, они способствовали развитию некоторых областей экономики и сплочению общества» (см. само название сюжета «Санкции во благо»).

Опираясь на изложенные выше положения о структуре телепередачи как сверхтекста, мы выделили речевые партии, определили замысел автора каждой речевой партии и основную мысль каждого из выступлений.

В рассматриваемых выступлениях были установлены следующие смыслы, поддерживающие замысел сверхтекста: «Санкции и контрсанкции способствовали развитию некоторых отраслей экономики» (7 реализаций); «Качественная российская продукция производится в достаточном объеме» (4); «Контрсанкции были необходимы» (3); «Российский потребитель не почувствовал введения санкций и контрсанкций» (2); «Санкции и контрсанкции привели к сплочению российского общества» (2); «Контрсанкции разумны» (1). Как видим, политико-идеологические смыслы, подкрепляющие авторскую позицию, регулярно повторяются в ходе телепередачи.

Между тем идеологемы, выражающие альтернативные точки зрения, менее разнообразны: «Санкции и контрсанкции вредят российскому потребителю» (4); «Российская продукция некачественная» (2); «Контрсанкции нецелесообразны» (2).

Рассмотрим подробнее выступление, в котором выражена идеологема «Санкции и контрсанкции способствовали развитию некоторых отраслей экономики».

Олег Сирота: *Мы с Вами тогда договорились: когда будет 7 лет санкциям, мы этот памятник поставим, ростовой* (акцентирование осуществляется с помощью инверсированного порядка слов; высказывание сопровождается ритмической жестикуляцией – многократными движениями рукой с выставленным указательным пальцем от себя и вниз). *Они будут стоять у нас на ферме и держать в руках огромную головку сыра. И это мы действительно сделаем, объясню почему* (перспективная синтаксическая конструкция привлекает внимание к последующей информации). *Вот у нас Борис Борисович как раз* (дейктический жест), *вот года два назад, в этой же студии* (логическое ударение на местоимении усиливается эмблематическим жестом «внимание»), *я совершенно точно помню* (высокая степень уверенности говорящего выражается с помощью словосочетания

точно помню в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным; акцент усиливается наречием *совершенно*), как он рассказывал, что... а, да вру, больше, четыре года назад рассказывал, что сейчас ввели санкции (жестовое ударение осуществляется сечением ребром ладони сверху вниз) и сейчас россияне будут ежéй есть (акцент осуществляется с помощью логического ударения и инверсии; выделение сопровождается эмоциональными жестами и мимикой: симметричными многократными движениями двумя руками сверху вниз, поднятием плеч, поднятием бровей, улыбкой) от голода, будет голод и революция. Этого не случилось. <...> Но голода не началось, а что у нас реально, давайте посмотрим (контактоустанавливающее обращение к аудитории), что у нас произошло. В России есть устойчивый рост сельского хозяйства, пять-шесть процентов годовых (ритмическая жестикуляция осуществляется сечением ребром ладони сверху вниз, жест повторяется при произнесении каждой синтагмы) <...> А у нас в первый раз за пятьдесят лет (логическое ударение на числительном *пятьдесят* сопровождается жестом «внимание») в нашей стране начался устойчивый рост производства молока. За три года оно выросло на двена́дцать процентов (логическое ударение выделяет числительное *двена́дцать*, выделение усиливается жестом «внимание»), представляете (вводное слово обращает внимание аудитории на последующее сообщение), это мировой реко́рд (акцент достигается семантическим выделением – *мировой рекорд* – с логическим ударением на слове *рекорд*, причем одновременно совершается жест «внимание»), та́к в мире нигде не растет (опять-таки используются логическое ударение и жест «внимание»). При этом отрицательная конструкция – *нигде не растет* – усиливается покачиванием головы из стороны в сторону). Спорить сейчас про пользу или вред санкций просто глупо – у нас я́вно экономика и сельское хозяйство локомотивом стало (логическое ударение выделяет наречие *я́вно*): у нас выросло машиностроение, тракторов и комбайнов стали делать в три раза больше, чем делали раньше, у нас стали делать оборудование (жестикуляция перечисления осуществляется кулаком с выставленным указательным пальцем, производятся движения вверх от себя), которое никогда́ (логическое ударение

усиливается жестовым – движением раскрытой ладони от себя, наклоном головы вперед) *не делали, приняты государственные программы импортозамещения, они работают* (логическое ударение; жестовое ударение осуществляется поднятием и опусканием плеч).

Как видно из приведенного отрывка телепрограммы, многие акцентуаторы употребляются совместно: используются жестовое ударение, логическое ударение, инверсия, контактоустанавливающие вводные слова, эмоциональная мимика, наречия меры и степени, синтаксические конструкции, которые сигнализируют, что за ними последует важная информация. При этом автор сообщения активно жестикулирует на протяжении всего выступления. Характер жестикуляции меняется во второй части рассмотренного речевого фрагмента, поскольку именно в ней выражается основной смысл выступления. Так, если в первой части сообщения субъект речи использует преимущественно жестовые ударения, ритмически структурирующие речь, то во второй – при перечислении позитивных изменений в сельском хозяйстве – одновременно используются логическое ударение и жест-эмблема «внимание» (они регулярно повторяются в качестве смыслового акцента).

В другом примере выражается идеологема «Качественная российская продукция производится в достаточном объеме».

Алексей Веллер: *Ну, во-первых, добрый день, а во-вторых, слушайте* (субъект речи устанавливает контакт с аудиторией и привлекает внимание к последующему сообщению), *ну мы понимаем, что все преследуют свои цели, и, конечно* (вводным словом подчеркивается высокая степень уверенности говорящего), *целью западных стран, когда они вводили санкции, совершенно однозначно* (наречным словосочетанием подчеркивается уверенность автора текста в истинности высказывания) *было нанести экономический урон, о чем они и не скрывали* (логическое ударение), *это так* (логическое ударение усиливается жестовым ударением). *Вопрос* (существительное в проспективной функции привлекает внимание к последующему вопросно-ответному ходу): *может ли другая сторона – вот Олег замечательный представитель* (вставная конструкция

отсылает к собеседнику и выделяется дейктическим жестом) – *найти возможность что-то противопоставить и обернуть* (логическое ударение сопровождается жестом-иллюстратором – поворотом кисти руки к себе) *эти санкции себе на пользу? Сегодня мы видим, что да, действительно* (вводное слово выражает уверенность), *за прошедшие четыре года мы видим, что это происходит. Сегодня мы так или иначе вспоминаем о футболе, да. Вот мы иногда своими глазами судим, хотя вот пример* (автор апеллирует к мнению предыдущего выступающего, используя дейктический жест) *со сборной Франции очень хороший, я вот хочу, я вот очень* (логическое ударение усиливается жестовым ударением) *увлекаюсь футболом, читаю сегодня много специализированных сайтов. О чем говорит вот масса болельщиков* (в составе продуцируемого вопросно-ответного хода вопрос сигнализирует о том, что далее последует важная, с точки зрения автора, информация), *побывавших у нас в стране, из всех стран мира уже перевалила цифра за три миллиона. Да, в основном хвалят, в основном восторгаются* (синтаксический параллелизм усиливается ритмическими наклонами головы). *Но есть, конечно, и какие-то моменты, они отмечают: чего-то не хватает. Вот болельщикам сборной Бразилии, они активно* (логическое ударение, жестовое ударение) *это обсуждали, очень не хватало в Москве холодного* (логическое ударение на прилагательном *холодного*, которое произносится медленнее, чем другие слова в высказывании) *пива, понимаете* (привлечение внимания аудитории с помощью контактоустанавливающего вводного слова и жестового ударения). *Теплого много, вот холодного* (акцент выражается повтором, противопоставлением, а также логическим и жестовым ударениями).

<...>

Это не шутка, Екатерина. (смеется) *Так говорят болельщики сборной Бразилии. То есть всего остального им хватало* (выделение осуществляется инверсированным порядком слов, сопровождается ритмической жестикуляцией, высказывание произносится с замедленным темпом речи, акцент усиливается логическим ударением на последнем слове): *и продуктов (мы сегодня говорим*

о продуктах), и товаров, и услуг (жестикуляция перечисления), им всего хватало (повтор безличного предложения дублирует основную мысль, наблюдается инверсированный порядок слов). Но вот проблема – пива хотелось бы похолоднее. Ну, решаемая, я думаю, в принципе проблема. То есть это о чем говорит (вопросно-ответный ход), это говорит о том, что это взгляд людей извне, из так называемого свободного мира, где нет ограничений, которые привыкли к изобилию, и сегодня в нашей стране то же самое (высказывание сопровождается ритмической жестикуляцией).

Как видим, в приведенном фрагменте используются многие средства акцентности. При этом наиболее важная для автора мысль выделяется комплексом акцентуаторов. Так, вариативными повторами выделено шуточное противопоставление холодного и теплого пива (Ср.: ...очень не хватало в Москве холодного пива и Теплого много, вот холодного...) и подчеркнута основная мысль о доступности товаров и услуг (Ср.: ...всего остального им хватало и ...им всего хватало). К тому же повторы выделяются жестовым и логическим ударением на одном из слов, а также сопровождаются дополнительными акцентуаторами (контактоустанавливающим обращением, инверсией, изменением темпа речи).

Проанализируем фрагменты телепрограммы «Место встречи» на канале НТВ от 5 июля 2018 г., посвященной двум темам: повторному отравлению людей нервно-паралитическим веществом «Новичок» в Великобритании (сюжет «Не опять, а снова!») и саммиту «Россия – США» в Хельсинки (сюжет «Не съем, так понадкусываю»). Для анализа был выбран первый сюжет.

Программа начинается с информационной заставки, в которой формулируется ряд вопросов: *Почему британские власти не спешат связывать это происшествие с делом Скрипалей? Кому понадобилось травить боевым газом наркоманов? И кто, если не Россия?* Постановка вопросов позволяет определить замысел сверхтекста телепрограммы: «Отравление “Новичком” двух граждан Великобритании – это провокация против России».

В указанном фрагменте телепрограммы встречаются следующие идеологемы: «В отравлении “Новичком” виноваты английские спецслужбы» (9

реализаций), «Цель отравления – провокация против нашей страны» (4), «Отравление “Новичком” – это террористический акт» (1), «Провокации против России будут повторяться» (1).

Альтернативная точка зрения выражается идеологемой «В отравлении “Новичком” виноваты российские спецслужбы», которая реализована в анализируемом выпуске ток-шоу всего 2 раза.

Приведем пример выступления, в котором выражена идеологема «В отравлении “Новичком” виноваты английские спецслужбы».

Владимир Шаповалов: *Господа* (обращение к аудитории для привлечения внимания), *давайте попробуем найти в этом потоке разнообразной информации самое важное* (перспективное высказывание сигнализирует, что далее будет сообщена важная, с точки зрения говорящего, информация; лексико-семантическое выделение представлено прилагательным *важное* в превосходной степени; высказывание сопровождается ритмической жестикуляцией). *Самое важное* (повтор словосочетания), *с моей точки зрения, состоит в том, что, в отличие от Скрипалей, эти два гражданина – это граждане Великобритании* (заключительный фрагмент высказывания *это граждане Великобритании* сопровождается ритмической жестикуляцией – движением руки сверху вниз и наклоном головы при произнесении каждого слова). *Это* (местоимение выделяется логическим ударением и жестом-эмблемой «внимание») *самое важное* (данное словосочетание повторяется трижды, причем акцент в этом случае выражается как семантически – значением прилагательного *важное*, так и морфологически – формой превосходной степени). *Скрипали – это разборки русских между собой* (выбор автором экспрессивного синонима – жаргонизма *разборки* вместо нейтральной лексики). *А это граждане Великобритании. Раз* (акцент осуществляется изменением ритма речи и паузой). *Второе* (числительными говорящий стремится придать своей речи логичность и аргументированность). *Они сейчас в состоянии комы, следовательно, может возникнуть ситуация, к сожалению* (говорящий совершает эмблематический жест – кладет руку на сердце), *летальная* (акцентность создается и инверсированным

порядком). *Что это означает? Это означает* (вопросно-ответный ход), *что Росси́я* (логическое ударение усиливается жестовым ударением – движением руки вниз с выставленным указательным пальцем), *с точки зрения той информационной кампании, которая сейчас будет развернута, переишла́* (логическое ударение усиливается жестом, иллюстрирующим изменение характера кампании) *к атаке на граждан Великобритании* (замедление темпа речи; ритмическая жестикуляция – круговые движения рукой – при произнесении каждого слова). <...> *Именно* (уточняющая частица) *данный довод, собственно, и убеждает в том, что это не проста́я* (логическое ударение) *утечка из Портен-Дауна. Это спланированная акция* (использование анафоры), *спланированная кампания спецслужб, направленная против России* (ритмическая жестикуляция).

Как видим, приведенный фрагмент выступления насыщен разнообразными средствами акцентности, поскольку в нем говорящий выражает свою основную мысль. Значимый для автора тезис *...эти два гражданина – это граждане Великобритании* (в отличие от С.В. Скрипаля) выделяется акцентуаторами с двух сторон. Ему предшествуют метатекстовый комментарий с обращением к аудитории и повтор лексико-семантического выделения, выраженного прилагательным *важный* в превосходной степени. За ним следует еще один повтор лексико-семантического выделения, усиленный логическим ударением и эмблематическим жестом «внимание». Между тем последующие высказывания выступающего, не столь значимые для него, уже не обнаруживают такой высокой степени концентрации акцентирующих средств.

В следующем примере выражается идеологема «Цель отравления – провокация против нашей страны».

Александр Сагомоян: *Вы знаете* (говорящий устанавливает контакт с аудиторией), *вот очень хорошая цитата сейчас была* (апелляция к высказыванию другого лица сопровождается дейктическим жестом и использованием наречия степени). *И доказывать то, что это не мы́* (логическое ударение падает на личное местоимение и усиливается жестовым ударением – поднятием плеч при произнесении ударного слога), *– это глупо. Сто́лько у нас*

было ток-шоу на эту тему (логическое ударение выделяет неопределенно-количественное числительное; выделение сопровождается жестовым ударением – круговым движением руки в сторону), *такие были убедительные доказательства* (логическое ударение выделяет указательное местоимение и усиливается жестовым ударением), *что, мне кажется, повторять этого не надо*. «Новичок» *может синтезировать любое государство, потому что формула его известна* (высказывание произносится с замедлением темпа речи; жестовое ударение – сечение ребром ладони от себя – повторяется при произнесении каждого слова). *Мы должны ответить на другой вопрос* (перспективное высказывание подготавливает аудиторию к восприятию важной информации): «*Кому́ это выгодно и зачем?*» (в составе первой части вопросно-ответного хода логическим ударением выделяется местоимение *кому*).

Андрей Норкин: *Ну, вот службам британским...*

Александр Сагомоян: *Конечно, конечно* (в ответе на заданный вопрос повтор вводного слова выражает высокую степень уверенности говорящего), *это встреча Трампа и Путина, которая планируется в Хельсинки шестнадцатого числа* (высказывание сопровождается ритмической жестикуляцией). *Понимаете* (вновь используется вводное слово для привлечения внимания адресата), *накануне этой встречи уже произошла вроде утечка* (речевой сегмент сопровождается жестом-иллюстратором: говорящий перебирает, шевелит пальцами, отводя руку в сторону и вниз), *да? Ну, Трамп уже несколько раз сказал о том, что он хочет изменить отношение к России* (темп речи замедляется; жестовым ударением выделяется каждое слово речевого сегмента). <...> *Но все равно Западная Европа страшно напугана этой ситуацией. Страшно напугана* (позиционно-лексический повтор, включающий в свой состав экспрессивное наречие степени *страшно*, усиливается логическим и жестовым ударением), *потому что, да, это не Трампа решение, а решение определенных сил США* (используется инверсия и противопоставление на фоне продолжающейся ритмической жестикуляции). *Можно на эту тему много говорить, почему американцы решили немного поменять вектор отношений* (используется иллюстрирующая жестикуляция –

автор рисует рукой в воздухе некоторую траекторию) *с Россией? Ведь обратите внимание* (вновь используется вопросно-ответный ход и конструкция, направленная на активизацию внимания аудитории): *вначале будет встреча в Брюсселе на саммите НАТО, потом визит Трампа в Великобританию и только после этого встреча в Хельсинки* (используется иллюстрирующая жестикуляция – последовательные движения рукой слева направо при перечислении событий, акцентирующую функцию выполняет также частица *только*). *Понимаете* (говорящий снова использует вводное слово для активизации внимания слушателей), *это накануне необходимо демонизировать Россию еще раз* (эмфатическое ударение и мимика выражают негативные эмоции говорящего). *Вбро́сить* (акцент создается эмфатическим ударением в единстве с эмоциональной окраской глагола и усиливается жестовым ударением) *всю информацию о России. Да, это страна, которая абсолютно непредсказуема, которая готова на все* (чужая речь оформлена как риторическое восклицание, сопровождаемое размашистой экспрессивной жестикуляцией)! *К тому же сейчас, с точки зрения «мягкой силы», мы прекрасно провели чемпионат. Симпатии к России растут в геометрической прогрессии* (высказывания сопровождаются ритмической жестикуляцией). *И в этом* (используются логическое и жестовое ударения) *задача вот этой провокации.*

Как видим, фрагмент насыщен большим количеством разнообразных акцентуаторов, при этом многие из них характеризуются повышенной эмоциональностью. При этом средства акцентности образуют единства. Так, например, лексемы, выделенные логическим или эмфатическим ударением, усиливаются жестовыми ударениями. К тому же их окружают акцентуаторы, помогающие установить контакт с аудиторией (контактоустанавливающие вводные слова и перспективные конструкции), риторические восклицания, жесты-иллюстраторы, ритмическая жестикуляция.

Обратимся к выпуску телепрограммы «Право голоса» на канале ТВЦ от 11 июля 2018 года, целиком посвященному обсуждению саммита НАТО

в Брюсселе 11–12 июля 2018 года. В этом выпуске эксперты обсуждают возможные результаты саммита и их влияние на Россию и европейские страны.

Во вступительном слове телеведущий объявляет тему выпуска передачи и обращается с вопросами к аудитории: *Станут ли такие разногласия началом конца альянса и угрожает ли НАТО России сегодня?* Предполагаемые ответы на них (*Эти разногласия создают угрозу единству альянса и НАТО угрожает России*) соответствуют позиции журналиста. Его замысел состоит в формировании у телезрителей остро критического отношения к политике западных стран и в осмыслении аудиторией противоречий между странами альянса. Ключевой смысл телепрограммы выражен названием выпуска: «Саммит разногласий».

Примечательно, что в данном выпуске почти все речевые партии и выступления так или иначе воплощают указанный смысл. Он многократно реализуется всеми участниками ток-шоу целым рядом идеологем. Чаще других выражается мысль «В НАТО противоречия проявляются прежде всего между европейскими странами» (4 реализации). Другие политические суждения: «Противоречия ослабят НАТО» (3), «По требованию США европейские страны согласятся увеличить траты на военные нужды» (3), «Страны Европы хотят обеспечивать свою оборону самостоятельно» (3), «Трамп стремится увеличить финансовые ресурсы НАТО» (3), «Трамп стремится продемонстрировать свою власть над союзниками» (2), «Основное противоречие в НАТО – между США и странами Европы» (2), «По итогам саммита ситуация в НАТО принципиально не изменится» (2), «США и Европа в равной степени заинтересованы в сохранении альянса» (2), «В сохранении альянса США заинтересованы больше, чем Европа» (1), «В сохранении альянса Европа заинтересована больше, чем США» (1), «Страны Европы не согласятся увеличить траты на военные цели» (1), «Противоречия между странами НАТО не ослабят альянс» (1).

Рассмотрим особенности речевого воплощения политико-идеологического смысла «В НАТО противоречия проявляются прежде всего между европейскими странами». В этом текстовом фрагменте выражается мысль о противоречиях между Чехией и Польшей. В то время как Польша (ее позицию представляет участник

дискуссии Якуб) не сопротивляется давлению США в отношении увеличения ассигнований на военные нужды, представители чешской общественности (в частности, Иржи) заботятся о своем благосостоянии.

Геворг Мирзаян: *Вот здесь пока Якуб не начал кричать, он говорил очень здравые вещи* (акцентное выделение с использованием наречия меры *очень* и экспрессивного словосочетания *здравые вещи*), *например, про накопительные карточки в магазинах. И в этом разница в позициях между Иржи и Якубом. Якубу нужно, Польше нужно платить 2 % для того, чтобы получить от американцев новый вид карточки, перейти с серебряной на золотую* (переход с прежней карточки на карточку более престижную иллюстрируется жестом с семантикой сопоставления). *Бónусов* (логическое ударение усиливается наклоном головы) *эта карточка реально не дает никаких* (отрицание усиливается инверсией и жестом: покачиванием головой из стороны в сторону), *она просто более симпатичная, она более статусная* (повтор словосочетания с использованием контекстуального синонима, выраженного эпитетом с эмоциональной коннотацией: *симпатичная – статусная*), *и она больше привязывает вас к этому магазину* (анафорические повторы сопровождаются жестиком перечисления – симметричными движениями руками вниз), *который не факт, что лучше магазина соседа. А Иржи, как и Чехия, как и ряд других стран, они просто хотят жить нормально, зарабатывать деньги и тратить на то, что они хотят* (логическое ударение на местоимении *они* сопровождается и усиливается жестовым ударением – движением двумя руками к себе при произнесении ударного слога, при этом раскрытые ладони собираются в кулак), *для развития их страны* (логическое ударение сопровождается аналогичным жестовым ударением), *а не ради пафоса и понтов* (акцентное выделение посредством противительной конструкции и использования слов с книжной и жаргонной стилистической окраской) *в виде золотой карточки, которую хочет получить Польша для собственного самодовольствия* (речевой сегмент сопровождается ритмической жестиком). *Но благодаря таким, как Польша* (логическое ударение

усиливается наклоном корпуса вперед при произнесении ударного слога), естественно, Трамп реализует свою внешнюю политику...

Анализ материала показывает, что и в этом случае при акцентировании важного для говорящего политико-идеологического смысла используется комплекс разнохарактерных акцентирующих средств – логическое ударение в сочетании с иллюстрирующими жестами, инверсия, анафорический повтор, экспрессивная лексика.

Идеологема «В НАТО противоречия проявляются прежде всего между европейскими странами» воплощена в следующем речевом фрагменте.

Игорь Коротченко: *Я бы с удовольствием попри­сут­ство­вал на похоро­нах НАТО и даже, так сказать, на поминках не чокаясь выпил за почивший в бозе альянс* (выделение важной для автора мысли о неприятии им блока НАТО осуществляется аллегорией – текстовой метафорой, выражающей отвле­чен­ное пред­став­ле­ние о смерти НАТО с использованием конкретного образа ритуала поминок; акцентность проявляется и в стилистическом контрасте архаично-религиозного фразеологизма *почивший в бозе* и книжного существительного *альянс*), *но, к сожалению, этого не будет. Они будут существовать.* <...> *Приедет Тра́мп* (логическое ударение) *и, как ракетир с дубинкой* (создаваемое сравнением экспрессивное выделение мысли об агрессивных действиях президента США), *будет выколачивать из, вот, Иржи* (дейктический жест), *ну или, грубо говоря, из представителей Чехии и всех остальных несогласных стран те деньги, которые они должны платить.* <...> *Заста́вят платить* (логическое ударение). *Будешь платить, иначе американцы будут шантажировать их. Почему Трамп встречается с Путиным по́сле саммита* (логическим ударением выделяется предлог *по́сле*; выделение сопровождается жестовым ударением – движением указательным пальцем вниз; что касается вопросительного предложения в целом, как части вопросно-ответного хода, то оно активизирует внимание аудитории)? <...> *На саммите он скажет* (прямая речь сопровождается иллюстрирующей жестик­у­ля­цией): *«Если вы здесь* (дейктическое указание на собеседника – движение указательным пальцем вперед) *будете проявлять несогласие, имейте*

в виду (говорящий грозит пальцем), я договорюсь о вас (движение указательным пальцем вперед) за вашей спиной с Путиным» (указание большим пальцем назад, за спину). То есть это определенная ну вот как дубинка, понимаете (в роли акцентуатора используется вводное слово *понимаете* с семантикой активизации внимания аудитории). Вот эта встреча с Путиным, никто не знает, что будет, но все боятся в НАТО, это как дубинка (мысль говорящего выражается в форме вариативного повтора с воспроизведением экспрессивного сравнения). И, разумеется, вот Иржи как обыватель, я понимаю, и его сограждане в Чехии хотели бы пить чешское пиво, кушать хлеб с маслом и не париться (произнесение высказывания сопровождается жестиком перечисления; экспрессия высказывания усиливается использованием глагола *париться* в жаргонном значении), но вы будете платить (логическое ударение усиливается жестовым – резким и размашистым движением рукой с выставленным указательным пальцем от себя в сторону собеседника). <...> Если польский бюджет готов за счет своих крестьян приглашать американских военных, размещать базы, оплачивать, два миллиарда вы готовы выделить на это дело, ну флаг вам в руки! (воспроизводимое выражение *флаг вам в руки*, экспрессивное само по себе, к тому же выделяется интонационно: замедлением темпа речи и усилением звукового ряда). Только вот вопрос в том (противительная семантика усиливается использованием разговорного сочетания частиц), что вот такие вот (дейктический жест) европейские обыватели, как Иржи, не хотят (логическое ударение усиливается наклоном корпусом тела вперед) свои кровные евро (экспрессия создается сочетанием разговорного выражения с относительно недавним заимствованием *евро*) складывать в американскую свинью-копилку (метафора акцентирует негативное отношение говорящего к политике США как лидера НАТО). В этом главная проблема (завершая реплику в целом, выступающий подчеркивает свою основную мысль лексико-семантическими средствами: семантикой прилагательного).

В приведенном фрагменте выступающий также прибегает к использованию большого количества акцентуаторов. Он активно использует логическое ударение

в сочетании с разнообразной иллюстрирующей жестикуляцией. Кроме того, выступление насыщено экспрессивной лексикой и метафорическими сравнениями, отражающими ироничное отношение говорящего к обсуждаемой теме.

Резюмируем содержание данного параграфа. Категории акцентности реализуются в сверткесте, имеющем устойчивую композиционную структуру. Замысел каждого выпуска ток-шоу вполне отчетливо выражен во вступительном слове телеведущего. Последующие выступления участников телепередачи (политологов, журналистов, приглашенных экспертов) в большинстве случаев развивают мысль ведущего, которая уже в конце передачи эксплицируется в его заключительном слове. Немногие альтернативные выступления гостей телепрограммы противоречат не только доминирующей у участников передачи позиции, но и общественным настроениям (что в ряде случаев подтверждается демонстрацией опросов общественного мнения). В каждом выступлении отчетливо выделяются основные идеологемы, которые субъект речи стремится донести до массовой аудитории. Как показал наш анализ, выражение этих идеологем предполагает высокую концентрацию языковых, речевых и невербальных акцентуаторов. Таким образом, реализация ФССК акцентности в политических телешоу во многом определяется структурой развертывающегося сверткеста (последовательностью выступлений телеведущего и других участников программы, стремящихся донести свою позицию до массовой аудитории). Стремление подчеркнуть наиболее важные для говорящего смыслы и утвердить их в сознании телезрителей является причиной концентрированного использования акцентирующих средств в ключевых фрагментах сверткеста.

Выводы по третьей главе

1. Исследуемые нами единицы ФССК акцентности характеризуются разной степенью специализированности для выполнения выделительно-усилительной функции, а также разной частотой употребления. Этим определяется их принадлежность к ядру или периферии категории. В состав ее ядерной части, создаваемой наиболее специализированными и в большинстве случаев наиболее частотными средствами, входят выделительное (логическое и эмфатическое) и жестовое ударения, лексико-семантическое выделение, вопросно-ответный ход, перформативы (*повторяю, напоминаю* и под.), инверсия, лексические единицы с яркой экспрессией, позиционно-лексические повторы, наречия меры и степени, определительные и выделительно-ограничительные частицы. К ядру категории также относится эмблематический жест «внимание», который, хотя и используется в речи нечасто, непосредственно и выразительно реализует семантику акцентного выделения. Что же касается группы периферийных средств, то ее образуют: логические паузы, некоторые модальные частицы, междометия, компаративы, а также вводные и вставные конструкции, конструкции прямой и несобственно-прямой речи, риторические вопросы и восклицания, ирония, лексические и синтаксические единицы с неярко экспрессивной окраской. Невербальными периферийными средствами являются иллюстративные жесты, эмблематические жесты, эмоциональная мимика.

2. Ядерные средства менее разнообразны, чем периферийные. На долю первых приходится 53 % употреблений, на долю вторых, соответственно, 47 %.

3. ФССК акцентности представлена пятью микрополями: усиления (коммуникативно значимых, с точки зрения говорящего, фрагментов высказывания), активизации внимания адресата, эмоциональной оценки, рациональной оценки, экспликации рассуждения (подчеркивания логико-смысловых отношений). Акцентуаторы, входящие в микрополя усиления и активизации внимания, в большинстве своем относятся к ядру категории. Акцентуаторы, составляющие микрополе эмоциональной оценки, располагаются

на границе ядра и периферии. Микрополя рациональной оценки и экспликации рассуждения состоят преимущественно из периферийных акцентуаторов.

4. В дискурсе политических ток-шоу средства акцентности образуют комплексы, включающие значительное число вербальных и невербальных единиц. Особенно характерно совместное использование логического и жестового ударений, лексико-семантического выделения и наречий меры и степени, позиционно-лексических повторов в сочетании с эмблематическим жестом «внимание».

5. В диалогах и полилогах (эмоциональных спорах) акцентуаторы используются более концентрированно, чем в рассуждениях (монологических фрагментах речи). При этом в последних активизируются средства акцентности, подчеркивающие логико-смысловые связи в выступлении. Отмечаются индивидуальные отличия между субъектами речи в эмоциональности их выступлений, а в связи с этим и в активности употребления акцентуаторов.

6. В процессе развертывания сверхтекста (реализации замысла телепередачи в речевых партиях ведущего, гостей, экспертов, в ключевых высказываниях отдельных выступлений) комплексами акцентуаторов выделяются политико-идеологические смыслы (идеологемы), которые выступающие стремятся утвердить в сознании массовой аудитории. Тем самым актуализация категории акцентности в дискурсе определяется не только ее внутренним строением (составом единиц и отношениями между ними), но и закономерностями продуцирования дискурса.

Заключение

Понятие *стилевых черт* разновидностей речи, будучи одним из основных в функциональной стилистике, получило развитие в концепции *функциональных семантико-стилистических категорий* [Кожина 1987, 2014]. К числу указанных категорий принадлежит поле акцентности – система разноуровневых лингвистических единиц, используемых в текстах той или иной сферы общения для выделения фрагментов высказывания или текста как наиболее значимых. Эта категория является межстилевой, т.е. варьирующейся по функциональным стилям и более частным речевым разновидностям. По отношению к политико-идеологической сфере особый интерес представляет ее актуализация в телевизионных политических дискуссиях (ток-шоу), входящих в состав основных жанров этой области коммуникации. Назначение ФССК акцентности в политических ток-шоу – утверждение в сознании массовой аудитории смыслов, важных для автора как участника политического процесса – представителя политического института (государства, партии и др.) или социальной группы.

От функционально-семантических категорий [Бондарко 1984, 2002] ФССК отличаются прежде всего тем, что они основываются не на морфологических категориях, а на параметральных признаках текста (группы текстов) и отражают не языковую, а речевую системность. При этом ФССК акцентности является по своей сути собственно коммуникативной категорией, поскольку акцентное выделение всегда осуществляется с установкой на восприятие высказывания адресатом.

Изучение акцентного выделения в непосредственном («лицом к лицу») взаимодействии коммуникантов предполагает включение в исследование не только языковых и речевых, но и невербальных средств. В работе впервые исследуются *все* виды лингвистических единиц, выступающих в политическом телеэфире в роли акцентуаторов.

В составе изучаемой категории *языковые* акцентуаторы представлены единицами разных уровней системы языка. На фонетическом уровне – логическим и эмфатическим ударением, логическими паузами. На лексическом – словами,

значение которых включает семы выделения, усиления, а также яркую экспрессивную окраску. На морфологическом – наречиями меры и степени, компаративами, рядом модальных частиц, междометий. На синтаксическом – инверсией, вводными словами и вставными конструкциями (с семантикой призыва к собеседнику для привлечения его внимания, экспликации связи мыслей, эмоциональной оценки), конструкциями с противительными союзами, некоторыми структурами сложноподчиненных предложений. К числу *речевых* акцентуаторов принадлежат проспективные конструкции, вопросно-ответный ход, прямая и несобственно-прямая речь, стилистические приемы, некоторые типизированные сверхфразовые единства и перформативные высказывания. Невербальными акцентуаторами являются прежде всего кинесические средства – многочисленные выразительные движения, проявляющиеся в мимике (в том числе в мимическом ударе), в эмблематических и иллюстративных жестах.

Анализ указанных средств по функционально-семантическому и количественному критериям (т.е. по соответствию семантики лингвистической единицы задаче акцентного выделения и частоте употребления данной единицы в изучаемом дискурсе) позволил моделировать рассматриваемую категорию по принципу поля с определением его ядерной (центральной) и периферийной части. Ядро поля акцентности в телевизионном политическом дискурсе образуют выделительное (логическое и эмфатическое), а также жестовое ударения, наречия меры и степени, определительные и выделительно-ограничительные частицы, лексико-семантическое выделение, инверсия, позиционно-лексические повторы, лексические и синтаксические единицы с яркой экспрессией (в том числе тропы и фигуры речи), вопросно-ответный ход, некоторые перформативы. К ядру поля относится и эмблематический жест «внимание», который используется сравнительно редко, но при этом семантически специализирован именно для акцентного выделения. Периферию данного поля составляют логические паузы, компаративы, модальные частицы, эмоциональные междометия, а также вводные и вставные конструкции, противительные конструкции, конструкции чужой речи, языковые и речевые средства с неярко экспрессивной окраской.

Кроме того, периферийными невербальными средствами являются иллюстративные и в большинстве случаев эмблематические жесты, эмоциональная мимика.

По семантическому основанию изучаемые акцентуаторы разделяются на ряд микрополей: усиления (придания фрагментам высказывания большей информационной значимости), активизации внимания адресата, эмоциональной оценки, рациональной оценки, экспликации рассуждения. Акцентуаторы, образующие микрополя усиления и активизации внимания адресата, в своей массе входят в ядро категории; акцентуаторы, образующие микрополе эмоциональной оценки, обычно находятся в срединной зоне между ядром и периферией; акцентуаторы, составляющие микрополя рациональной оценки и экспликации логико-смысловых отношений, в большинстве случаев относятся к периферии поля.

В телевизионных политических ток-шоу акцентное выделение фрагментов высказывания или текста, как правило, осуществляется не единичными языковыми, речевыми или невербальными средствами, а их комплексами. При этом диалоги и полилоги, часто представляющие собой эмоциональный спор, в целом в большей степени насыщены акцентуаторами, чем монологические фрагменты дискурса (рассуждения). Между тем в последних активно используются средства выделения логико-смысловых связей.

Исследованный дискурс предстает в виде сверткста (Н.А. Купина), имеющего в данном случае устойчивую композиционную структуру. В закономерностях его развертывания обнаруживаются важные особенности использования акцентуаторов. Так, каждый выпуск телепрограммы начинается вступительным словом ведущего, выражающим замысел передачи. Посыл ведущего получает развитие в выступлениях большинства гостей студии. (Сравнительно немногие альтернативные выступления придают обсуждению остроту, что побуждает телезрителей определить свою собственную позицию, чаще всего соответствующую господствующей тенденции в общественном мнении.) В заключение ведущий вновь транслирует мысли, выражающие замысел

телепередачи. При этом в образующих свертхтекст выступлениях отчетливо выделяются наиболее важные для говорящего политико-идеологические смыслы (идеологемы), которые он стремится донести до массовой аудитории. Эти смыслы воплощаются с особенно высокой концентрацией вербальных и невербальных акцентирующих средств.

Обнаружение в телевизионных политических дискуссиях воспроизводимых формальных показателей основных политико-идеологических смыслов открывает перспективу выявления последних средствами автоматического анализа текста.

Список литературы

1. Автохутдинова О.Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 238 с.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.
3. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (К постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5. С. 74–85.
4. Антипова А.М. Система английской речевой интонации. М.: Высш. шк., 1979. 131 с.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
7. Аскарлова Г.К. Гипертекстовая модель когнитивно-лингвокультурологического комплекса по иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4. С. 19–22.
8. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.
9. Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт. 1993. 192 с.
10. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940–1960 гг. С.159–206.
11. Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1993. 237 с.
12. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003. 174 с.

13. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 104–110.
14. Большаянова Л.С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
15. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
16. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия) // Вопросы языкознания. М., 1981. №. 6. С. 17–28.
17. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
18. Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 2005. 480 с.
19. Бондарко А.В. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
20. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М.: Языки славянских культур, 2002. 736 с.
21. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 134 с.
22. Валитова А.М. Вербальное представление речевых шагов автора в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 20 с.
23. Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 42 с.
24. Вашунина И.В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Н. Новгород, 2007. 421 с.
25. Вашунина И.В., Матвеев М.О., Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4. С. 34–53.

26. Вашунина И.В., Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Креолизация текста как способ изменения его восприятия // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Том 16, № 4. С. 472–484.

27. Вашурина Е.А. Политкорректность как коммуникативная категория современного английского языка: на материале художественных и публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. 167 с.

28. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. 489 с.

29. Вепрева И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: На материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 42 с.

30. Вепрева И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: На материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 372 с.

31. Вотрина Е.Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 22 с.

32. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1977. 300 с.

33. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

34. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

35. Головина Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 173 с.

36. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М: Лабиринт, 2003а. 320 с.

37. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 140 с.

38. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения // Вопросы психолингвистики. М., 2003б. № 1. С. 13–18.

39. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.

40. Гришина Е.А. Темпоральные дейктические жесты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 1. С. 3–31.

41. Гуленко П.В. Эволюция общественно-политических ток-шоу на федеральных каналах российского телевидения в период с 2000 по 2015 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 220 с.

42. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высш. школа, 1980. 224 с.

43. Дунев А.И. Функционирование форм несовершенного вида русского глагола в обобщенно-фактическом значении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 16 с.

44. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных жанров / Под ред. М.Н. Кожинной. СПб.: Изд 2-е, доп., испр. СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.

45. Дускаева Л.Р. Диалогичность как функциональная семантико–стилистическая категория (ФССК диалогичности) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II. Ч. 2. С. 166–197.

46. Егорова И.Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2008, 23 с.

47. Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Горького. Ч. 1. М., 1974. С. 103–109.

48. Жинкин Н.И. Избранные труды. Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998. 364 с.

49. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 12–19.

50. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39–54.
51. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
52. Златоустова Л.В. Типы эмфатического ударения в русском литературном языке // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1957. Т. 117. Кн. 2. С. 107–112.
53. Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как тип текста // Языковая личность: проблемы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2000. С. 30–31.
54. Иванова Т.Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1988. 202 с.
55. Иванова Т.Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II. Ч. 2. С. 315–334.
56. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
57. Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля: монография. М.: Флинта, 2021. 400 С.
58. Ицкович Т.В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
59. Каменская О.Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. М., 1996. С. 13–21.
60. Канныкин С.В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. 142 с.

61. Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. Вып. 9. С. 98–104.
62. Каширина М.М. Выразительность речи как коммуникативная категория: семантико-деривационный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2017. 243 с.
63. Келер А.И. Жанр протестантской молитвы: категориально-текстовая специфика: дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023. 346 с.
64. Кибрик А.А., Добров Г.Б., Коротаев Н.А. Мультиканальный ресурс и моделирование естественной коммуникации // Международная конференция «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект». 12–14 ноября 2020 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов / под ред. А.А. Кибрика, В. Ю. Гусева, Д. А. Залманова. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 98–99.
65. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2018. 327 с.
66. Клюканов И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста: Авторефавтореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983. 17 с.
67. Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II. Ч.2. С. 124–165.
68. Кожина М.Н. Истоки и перспективы речеведения // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 34–46.
69. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. 252 с.
70. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. 92 с.
71. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1972. 395 с.

72. Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1983. С. 15–24.
73. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. 213 с.
74. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. №2. С. 35–41.
75. Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 475 с.
76. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2014. 624 с.
77. Кожина М.Н., Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК) акцентности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II. Ч. 2. С. 187–167.
78. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
79. Копнина Г.А., Еремина Е. В. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 895–910.
80. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Коммуникативные неудачи журналистов в использовании средств речевой выразительности // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей ст. / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 243–250.
81. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 288 с.
82. Костомаров В.Г. Русский Язык язык на газетной полосе. М., 1971. 268 с.
83. Котюрова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974. 259 с.

84. Котюрова М.П. Логичность научной речи // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II. Ч. 2. С. 63–92.
85. Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 15 с.
86. Крейдлин Г.Е. Иконические жесты в дискурсе // Вопросы языкознания. 2006. №4. С. 46–56.
87. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
88. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная кол. монография / отв. ред. И.В. Вашунина; ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Изд-во Институт Ин-та языкознания РАН, 2020. 206 с.
89. Кузьмина Т.Н. Коммуникативная категория категоричности: прототипический и стратегический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2018. 164 с.
90. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2015. 186 с.
91. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура: коллективная коллект. монография. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 214–233.
92. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 135 с.
93. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов: Феникс, 1999. 608 с.
94. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
95. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. II // под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирск. ун-та, 2019. 488 с.

96. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга. 1987. 254 с.
97. Манжелевская Е.В. Влияние прагматических ожиданий отправителя на его речевое поведение (на материале текстов русских и английских писателей XIX века): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 197 с.
98. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
99. Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistyka, V: Stylistyka stosowana. Opole, 1996. S. 210–221 [Электронный ресурс]. URL: <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/4301> (дата обращения: 15.07.2023).
100. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
101. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
102. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. 169 с.
103. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 480 с.
104. Михайлова О.А. Коммуникативные тактики воздействия в речевом поведении телеведущего ток-шоу // Речевое воздействие в политическом дискурсе: Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 01–03 декабря 2016 года. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2016. С. 97–98.
105. Михайлова О.А. Коммуникативный образ телеведущего: аксиологический аспект // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 346–350.
106. Михайлова О.А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 15–26.

107. Мхитарьянц Э.Г. Реализация модальных значений возможности и необходимости: на материале немецких статей по социологии и биологии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 260 с.
108. Николаева Т.М. «Московский текст» в переписке Пушкина // Лотмановский сборник. М.: Изд-во РГГУ, 1997. № 2. С. 577–590.
109. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.
110. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 281 с.
111. Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 63–74.
112. Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. Киев – Одесса: Вища школа, 1986. 157 с.
113. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд., М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
114. Осипов Б.И. Краткий курс русского языка. Омск, 2003. 374 с.
115. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.
116. Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах. М.: Флинта; Наука, 2018. 664 с.
117. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для ун-тов. М.: Высш. школа, 1979. 256 с.
118. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 400 с.
119. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

120. Пермякова Т.М. Динамика соотношения категорий оценки и аргументативности в газетных текстах 1980–90 гг. под влиянием внешних социальных факторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1997. 22 с.

121. Плаксина Е.Б. Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 191 с.

122. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеOVERбального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 26 с.

123. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980а. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.

124. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980б. Т. 2: Синтаксис. 714 с.

125. Рядовых Н.А. Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 285 с.

126. Сазонова Н.В. Средства реализации категории связности в математическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 21 с.

127. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. 176 с.

128. Сибирякова И.Г. Тематическое структурирование разговорного диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996. 17 с.

129. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. С. 105–124.

130. Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.

131. Скорикова Т.П. Акцентное выделение слова как фактор организации устного научного текста // Вестник СВФУ. 2019. № 1 (69). С. 91–102.

132. Скорикова Т.П. Акцентогенные свойства слова (на материале устной научной речи): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 44 с.

133. Скорикова Т.П. Функциональная обусловленность акцентного выделения слова в русской устной научной речи // Русистика. Т. 16 (3). 2018. С. 287–304.

134. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 16.08.2023).

135. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. М.: Высш. шк., 1981. 312 с.

136. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2015. 256 с.

137. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

138. Сретенская Л.В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: На материале текстов по строит. экологии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 185 с.

139. Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: кол. монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 130–149.

140. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000. 110 с.

141. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://stylistics.academic.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

142. Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория «акцентирование» и средства ее реализации в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 45 с.

143. Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 110–120.
144. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / ред. кол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1987. 352 с.
145. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
146. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
147. Тюпа В.И. Фрагменты Петербургского интертекста // Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. С. 264–272.
148. Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 198 с.
149. Хромов С.С. Сопоставительное изучение и описание интонации русского языка: лингвистический и методический аспекты // Русский язык за рубежом. 2017. № 3. С.34–38.
150. Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974. 272 с.
151. Черватюк И.С. Власть как коммуникативная категория: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 215 с.
152. Чжао Наньнань. Лексико-грамматические средства реализации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2020. 35 с.
153. Чиговская Я.А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 22 с.
154. Чэнь Юнли. Способы смысловыделения в научной литературе лингвистического профиля: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 119 с.

155. Шамсутдинова Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория: Лингвистический и лингводидактический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 261 с.
156. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 198 с.
157. Ширинкина М.А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы. Пермь, 2022. 146 с.
158. Ширинкина М.А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2021. 43 с.
159. Щерба Л.В. Фонетика французского языка: Очерк франц. произношения в сравнении с русским. М.: Высш. шк., 1963. 309 с.
160. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. Текст / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. «Лингвист. энцикл. слов» 1990 г. М.: Большая рос. энцикл., 2000. 682 с.
161. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М.: Наука, 1985. С. 319–321.
162. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и функционирование. М.: Наука, 1986. 207 с.
163. Argyle M., Ingham R. Gaze, Mutual Gaze, and Proximity // *Semiotica*, vol. 6, no. 1. 1972. P. 32–49.
164. Argyle M., Ingham R., Alkema F., Mccallin M. The Different Functions of Gaze // *Nonverbal Communication, Interaction, and Gesture: Selections from SEMIOTICA*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1981. Pp. 283–296.
165. Argyle, M., Cook, M., Cramer, D. Gaze and Mutual Gaze // *British Journal of Psychiatry*. 1994. P. 848–850.
166. Beaugrande R. A. de. Introduction to Text Linguistics / R. A. de Beaugrande, W. Dressler. London, New York: Academic Press, 1981. 270 p.
167. Birdwhistell R.L. Kinesics and context. Louisville, 1970. 352 p.

168. Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. London: Routledge, 1994. 256 p.

169. Efron D. *Gesture and environment*. N.Y.: King's Crown Press, 1941. 214 p.

170. Ekman P. (2004). Emotional and conversational nonverbal signals. // *Language, knowledge, and representation*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2004. P. 39–50. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paulekman.com/wp-content/uploads/2013/07/Emotional-And-Conversational-Nonverbal-Signals.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

171. Ekman P., Friesen W.V. *Facial action coding system: a technique for the measurement of facial movement*. Palo Alto: Consulting Psychologist Press, 1978. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1037/t27734-000> (дата обращения: 15.01.2023).

172. Ekman P., Friesen W.V. *The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding*. // *Semiotica*, 1969. 1 (1). P. 49–98. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paulekman.com/wp-content/uploads/2013/07/The-Repertoire-Of-Nonverbal-Behavior-Categories-Origins-.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

173. Exline R.V. *Visual interaction: The glances of power and preference* // *Nebraska symposium on motivation*, Vol. 19. 1972. Lincoln: University of Nebraska Press. P. 163–206.

174. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*. Warszawa; Wrocław, 1982. 187 p.

175. Hall E.T. *The Hidden Dimension*. Garden City, NY: Doubleday. 1966. 256 p.

176. Hall E.T. *The Silent Language*. Garden City, N.Y.: Doubleday. 1959. 240 p.

177. Kendon A. Some functions of gaze-direction in social interaction // *Acta Psychologica*, Vol. 26. 1967. P. 22–63.

178. Kendon A., Ferber A. *A description of some human greetings* // *Comparative ecology and behavior of primates*. London, England: Academic Press. 1973. P. 591–668.

179. Kibrik A.A., Fedorova O.V. A portrait approach to multichannel discourse // Proceedings of LREC 2018, Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation. Japan, 2018. P. 1908–1912.

180. Kleinke C.L. Gaze and eye contact: A research review // Psychological Bulletin, 100 (1). 1986. P. 78–100.

181. Knapp M. L. Social intercourse: From greeting to goodbye. Boston: Allyn & Bacon. 1978. 308 p.

182. Knapp M.L. Nonverbal communication in human interaction. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1972. 439 p.

183. Stylistyka, XIV: Stylistyka i Kożyna – Stylistics and Kozhina. Opole, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/issue/view/213> (дата обращения дата обращения: 15.01.2023).

184. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis // Explorations: Studies in Culture and Communication. N. Y., 1954. Iss. 3. P. 137–149.